

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 4 | № 3
Volume 4 | 2018

СОЦИОЛОГИЯ
И УПРАВЛЕНИЕ

SOCIOLOGY
AND MANAGEMENT

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Том 4, №3. 2018

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2408-9338

Volume 4, № 3. 2018

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Шаповалова И. С.**, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: **Лебедев С. Д.**, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Кисиленко А. В.**, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И. В.**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдирайимова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское сотрудничество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, Россия.

Островская Е.А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Стоянов Ю., доктор социологических наук, профессор, Болгария.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

Шмарин Ю.В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

EDITOR-IN-CHIEF: **Inna Shapovalova**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: **Sergey Lebedev**, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EXECUTIVE SECRETARY: **Anastasey Kisilenko**, Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko**, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraimova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Ivan Cvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Dragoljub Djordjević, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University, Jacobs, Germany.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryzanovna, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Elena Rutkiewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Yury Stoyanov, Doctor of Sociology, Professor, Bulgaria.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Yuri Shmarin, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenov-Tian-Shansky, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи	3	Yu. Zubok, V. Chuprov Life values in the cultural space of the Russian youth	3
Рязанова С. В. Православный епископ как персонаж, миф и симулякр в высказываниях пермских верующих	14	S. Ryazanova Orthodox Bishop as a character, myth and simulacrum in the statements of Perm believers	14

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

Бердник Е. А. Рефлексируемые риски сетевых коммуникаций (результаты онлайн опроса российской молодежи)	29	Ek. Berdnik Reflected risks of network communications (the Russian youth online survey results)	29
Василенко Л. А. «Нормальная аномия»: трансформация институтов в условиях сложного социума	45	L. Vasilenko «Normal anomie»: transformation of institutions in a complex society	45
Дидковская Я. В., Онегов Д. В. Молодежь индустриальных регионов России: социальные ожидания и инновационный потенциал (на примере Свердловской области и Красноярского края)	57	Ya. Didkovskaya, D. Onegov Young people from Russian industrial regions: their social expectations and innovative potential (based on the example of Sverdlovsk region and Krasnoyarsk territory)	57
Яницкий О. Н. Глобальные социальные сети: некоторые теоретические вопросы	72	Ol. Yanitsky Global social networks: some conceptual issues	72

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Прус Ю. В., Федотова М. А., Бинь И. Статистическое моделирование и технологии искусственного интеллекта в оценке и управлении параметрами единого креативного поля команд: опыт количественного анализа	85	Yu. Prus, M. Fedotova, Yin Binh Statistical modeling and artificial intelligence technologies in the assessment and management of the parameters of a single creative team field: the experience of quantitative analysis	85
Старых Н. П., Егорова А. В. Анализ доступности и качества медицинских услуг в городе Орле	97	N. Starykh, Al. Egorova Analysis of accessibility and quality of medical services in the city of Orel	97
Телепаева Д. Ф., Певная М. В., Кузьминчук А. А. Социальный капитал спортивных волонтеров крупного российского региона	108	D. Telepaeva, M. Pevnaya, An. Kuzminchuk Social capital of sports volunteers in the large Russian region	108

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.752; 316.35

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1

Зубок Ю. А.¹
Чупров В. И.²

Смысложизненные ценности
в культурном пространстве российской молодежи

- ¹) Институт социально-политических исследований РАН
ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, Москва, 119333, Россия
uzubok@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>
- ²) Институт социально-политических исследований РАН
ул. Фотиевой, д. 6, к. 1, Москва, 119333, Россия
chuprov443@yandex.ru

*Статья поступила 3 августа 2018 г.; Принята 3 сентября 2018 г.;
Опубликована 30 сентября 2018 г.*

Аннотация. В статье рассматривается структура и социорегуляционный потенциал ценностей, определяющих смысловое содержание жизни современной российской молодежи. Исходя из того, что в культурном пространстве молодежи конструирование ценностей происходит, как на основе доминирующих образцов культуры, так и субкультуры, для концептуализации смысложизненных ценностей использована типология культур П. Сорокина. На ее основе выявляется иерархия смыслов жизни молодежи и проводится анализ их групповой дифференциации. Показано, что наиболее значимые изменения в представлениях молодежи о смысле жизни отмечаются в связи с возрастными характеристиками, уровнем образования, вероисповеданием, родом занятий и типом поселения по месту жительства. Показана связь представлений молодежи о смысле жизни с различными типами культуры, господствующими в современном российском обществе, продемонстрирована степень их сближения. Рассмотрена связь молодежных представлений о смысле жизни с типичными установками как преобладающими характеристиками образа жизни, формирующимися в молодежных субкультурах. Для анализа взяты поведенческие установки, наиболее характерные для процесса взросления молодежи. Выявлена наибольшая связь всех смысложизненных ценностей с противоречивым стремлением к объединению со сверстниками и одновременно к самовыражению личностных качеств и ощущению своей исключительности. Анализ основан на результатах репрезентативного социологического исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2017 году (рук. Ю. А. Зубок).

Ключевые слова: молодежь; ценности; смыслы жизни; культурное пространство; саморегуляция.

Информация для цитирования: Зубок Ю. А., Чупров В. И. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 3. С.3-13. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1

Yuliya A. Zubok¹ | Life values in the cultural space
Vladimir I. Chuprov² | of the Russian youth

¹) Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences
6, bld. 1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
uzubok@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>

²) Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences
6, bld. 1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
chuprov443@yandex.ru

Received on August 3, 2018; Accepted on September 3, 2018; Published September 30, 2018

Abstract. The article deals with the structure and socio-regulatory potential of values that determine the semantic content of the life of young people in modern Russia. Based on the fact that in the cultural space of young people the construction of values takes place, both on the basis of the dominant patterns of culture and subculture, the typology of P. Sorokin cultures is used to conceptualize the meaning of life values. On its basis the hierarchy of meanings of life of youth is revealed and the analysis of their group differentiation is carried out. It is shown that the most significant changes in the views of young people about the meaning of life are noted in connection with age characteristics, level of education, religion, occupation, and type of settlement at the place of residence. The relationship of young people's ideas about the meaning of life with various types of culture prevailing in modern Russian society is shown, the degree of their rapprochement is demonstrated. The connection of youth ideas about the meaning of life with typical attitudes as the predominant characteristics of the way of life formed in youth subcultures is considered. For the analysis, the behavioral attitudes, the most characteristic for the process of youth growing, are taken. The greatest connection of all life values with the contradictory desire to unite with peers and at the same time to self-expression of personal qualities and a sense of exclusivity is revealed. The analysis is based on the results of a representative sociological study conducted by the Center for Youth Sociology of ISPI RAS in 2017 (director – Yu. A. Zubok).

Keywords: youth; values; meanings of life; cultural space; self-regulation.

Information for citation: Zubok, Yu. A. and Chuprov, V. I. (2018), "Life values in the cultural space of the Russian youth", *Research Results. Sociology and management*, 4 (3), 3-13, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1

Введение (Introduction). Ценности представляют собой совокупность установок на высшие жизненные принципы, идеалы, отраженные в целях жизнедеятельности и средствах их достижения, содержащиеся в коллективных представлениях о должном, важном, значимом. В индивидуально-групповом смысле они отвечает за мировоззренческое, смысловое наполнение

жизнедеятельности молодёжи. Многообразие связей молодежи с культурой, в которой конструируются и передаются смыслы, образует культурное пространство, в котором осуществляется саморегуляция ее жизнедеятельности.

Наиболее фундаментальным основанием для их типологии является различие

терминальных и инструментальных ценностей, где терминальные (целевые) ценности обобщенно выражают цели жизни и идеалы, а инструментальные ценности репрезентируют одобряемые в данном обществе средства достижения этих целей. Терминальные или смысловые ценности говорят о том, во имя чего живет и действует человек, достижение каких целей имеет для него абсолютное, самоценное значение. В этом главное отличие терминальных или смысложизненных ценностей-целей от инструментальных ценностей-средств, определяющих способы действия во имя достижения поставленных целей.

Методология и методы (Methodology and methods). Ценности играют ключевую роль в осмыслении социальной действительности и формировании образов реальности. Особый содержательный смысл ценностному восприятию действительности придает тот факт, что социальные свойства объектов – вещей, явлений, событий и т.д. становятся предметом смысловой обработки и преобразования. Именно здесь просматривается главная ось взаимодействия между ценностями и интересами, в ходе которого определенным образом преобразуются и демонстрируются социальные свойства вещей. Это ценностное восприятие действительности, порождающее нравственные этические регуляторы мотивацию действий и поступков, дополняет и обогащает мотивацию, основанную на потребностях и интересах молодого поколения (Здравомыслов, 1986: 164-166).

Замечено, что основные ценности, составляющие базу ценностного сознания и подспудно влияющие на поступки людей в различных областях жизни, располагаются в относительном небольшом интервале, но вполне достаточном для того, чтобы отразить их вариативность (Формирование мировоззренческой культуры молодежи, 1990). В различных типах культуры и в разные исторические эпохи доминирующими могут быть одни, или другие ценности. Таковыми могут выступать ценности свободы, справедливости, истины, красоты, ге-

донизма, политической борьбы, самореализации, умственного, духовного, физического совершенства, продолжение себя в будущих поколениях. Взаимодействуя с потребностями и интересами, смысложизненные ценности играют важную роль в саморегуляции жизнедеятельности молодежи. Формируясь в период первичной социализации и сохраняя достаточную стабильность, они испытывают значительные изменения лишь в критические для индивида или общества периоды. Изменение же их смысла заключается в их ценностной агрегации (иерархизации) в индивидуальном, групповом или общественном сознании. По своему характеру они могут соотноситься с разными образцами культуры, например, с идеациональной и чувственной культурами, выделяемыми П. Сорокиным (Сорокин, 2000), культурой традиционной и современной в их понимании, идущем от М. Вебера (Вебер, 1990: 629), культурой развития и выживания, обнаруженными и описанными Р. Инглхарт (Инглхарт) и т.д. Соответствующие им субъективное понимание смысла жизни становится регулятором жизнедеятельности. Благодаря связи с культурой, смыслы жизни приобретают ценностную форму, а устойчивость ценностно-смысловых факторов в регуляции определяет интерпретации реальности, представления о значимых событиях, жизненные выборы и в целом направленность социального поведения отдельных групп, отражая тем самым исторически сложившиеся образцы культуры (Зарубина, 1998; Омельченко, 2013: 53; Зубок, 2015; *Patterns of Modernity*, 1987).

Представления молодых людей о смысле жизни, лежащие в основе их жизнедеятельности и наполняющие их культурное пространство, связаны не только с доминирующей культурой, но и с различными формами молодежных субкультур. Как важнейшая форма самоорганизация современных молодых людей, как многослойное и дифференцированное пространство освоения и конструирования социальной реальности, субкультура продуцирует и перера-

батывает смыслы реальности, ее достраивание и переконструирование (Ковалева, Луков, 1999; Левикова, 2004). Воспроизводимые в них ценности выполняют функцию смыслообразования, придавая мотивации жизнедеятельности избирательность и направленность.

По тематике статьи было проведено исследование «Саморегуляция молодежи в культурном пространстве в изменяющейся социальной реальности» проведено в 2017 г. по репрезентативной выборке среди молодежи в возрасте 15-29 лет включительно, в 28 населенных пунктах 7 субъектах РФ

методом личного интервью по месту жительства. Всего было опрошено 803 человека.

Научные результаты и обсуждения (Research results and discussion).

Проанализируем, как проявляется саморегуляционный потенциал смысложизненных ценностей молодежи на основе результатов проведенного исследования.

На вопрос: «Какие из нижеперечисленных ценностей в большей степени соответствуют Вашему пониманию смысла жизни?», ответы распределились следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Понимание молодежью смысла жизни

Table 1

Understanding of the meaning of life by young people

№ п/п	Ценности	Ответы в %*
1	Любовь	58,0
2	Спокойная безбедная жизнь	42,2
3	Проявление своей индивидуальности (самореализация)	37,1
4	Продолжение себя в будущих поколениях	31,5
5	Стремление к истине	27,6
6	Борьба за справедливость	21,0
7	Политическая борьба (за власть)	4,0

*Больше 100%, так как допускалось несколько вариантов ответа

Как следует из данных исследования, содержащихся в таблице 1, свое представление о смысле жизни большинство молодежи связывает с любовью (58%), понимаемой и как ценность преданности другим людям, предметам и явлениям окружающего мира, и как ценность возвышенных отношений с близким человеком, и как любовь к Богу, и как сексуальная близость. Почти каждый второй респондент (42,2%) связывает экзистенциальный смысл со спокойной безбедной жизнью, без чего трудно представить реализацию гедонистических установок. Чуть ниже доля молодежи (37,1%), для которой высшей ценностью, определяющей смысл жизни, является са-

мореализация – проявление своей индивидуальности. В продолжении себя в будущих поколениях видит смысл своей жизни каждый третий молодой человек (31,5%). А для 26,7% – смыслом жизни является стремление к истине, познание истинных ценностей добра и красоты. Каждый пятый (21%) видит смысл своей жизни в борьбе за справедливость, как представление о должном положении в обществе. И лишь незначительная доля молодежи (4%) признает высшей ценностью обладание властью, политической борьбе за которую готова посвятить свою жизнь.

Рассмотрим, как изменяются представления о смысле жизни в различных группах молодежи (табл. 2).

Таблица 2

Представления о смысле жизни в различных группах молодежи

Table 2

Perceptions of the meaning of life in different groups of young people

Социально-групповые характеристики		Связь со смыслами жизни, в % /ранг						
		Любовь	Спокойная безбедная жизнь	Проявление своей индивидуальности (самореализация)	Продолжение себя в будущих поколениях	Стремление к истине	Борьба за справедливость	Политическая борьба (за власть)
Возраст	15-17 лет	72,0/1	44,0/3	16,0/6	48,0/2	28,0/5	28,3/4	0,0/7
	18-24 года	47,1/1	37,3/3	41,2/2	35,3/4	30,1/5	26,8/6	2,6/7
	25-29 лет	59,6/1	42,9/2	33,3/3	28,2/5	28,5/4	19,8/6	4,0/7
Пол	Мужчины	46,0/1	43,7/2	34,8/3	33,8/4	29,3/5	23,7/6	3,5/7
	Женщины	69,5/1	40,5/2	39,3/3	29,2/4	26,0/5	18,4/6	4,4/7
Образование	Неполное среднее	58,6/1	43,2/2	40,5/3	32,6/4	26,0/5	18,9/6	5,7/7
	Среднее общее	69,2/1	48,7/2	46,2/3	30,8/4	23,1/5	17,9/6	0,0/7
	Бакалавриат	54,7/1	35,9/3	39,3/2	19,7/5	35,0/4	23,9/6	3,4/7
	Магистратура	58,2/1	41,4/3	42,6/2	31,9/4	31,0/5	22,3/6	6,0/7
Вера	Православие	61,7/1	40,9/2	33,8/3	31,6/4	24,6/5	18,9/6	3,7/7
	Ислам	59,0/1	47,8/2	29,9/5	35,8/3	34,4/4	29,1/6	3,0/7
Род занятий	Работающие	59,1/1	43,6/2	31,8/4	33,7/3	25,4/5	20,4/6	3,6/7
	Учащиеся в школе	53,1/1	33,3/3	39,6/2	19,8/6	30,9/4	25,9/5	3,7/7
	В лицее, в СПУЗ	54,2/1	35,9/3	40,5/2	28,2/5	34,4/4	27,5/6	6,1/7
	В ВУЗе	58,6/1	42,9/3	49,3/2	35,7/4	31,4/5	21,4/6	5,0/7
Тип поселения	Областной центр	67,6/1	54,3/2	39,1/3	39,0/4	10,5/6	16,2/5	0,0/7
	Районный город	56,2/1	30,8/5	46,2/2	33,1/4	40,8/3	23,1/6	4,6/7
	Село, деревня	59,2/1	35,8/3	30,8/4	26,7/5	45,0/2	26,1/6	5,8/7

Данные, представленные в таблице 2, показывают, что наиболее значимые изменения представлений молодежи о смысле жизни, по сравнению с общим распределением, отмечаются в связи с возрастными характеристиками, уровнем образования, вероисповеданием, родом занятий и типом поселения по месту жительства. Эти изменения не могут не проявляться в мотивации

жизнедеятельности молодежи в перечисленных группах. Так, если в старшей возрастной группе молодежи (25-29 лет) распределение значений анализируемых смыслов жизни сохранило устойчивость и лишь стремление к истине переместилось с пятой на четвертую позицию, то в младшей группе (15-17 лет) повысились значения таких смыслов, как продолжение себя в буду-

щих поколениях (с четвертой на вторую позицию), борьба за справедливость (с шестой на четвертую позицию), а в группе 18-24 года на вторую позицию переместилось значение самореализации, проявления своей индивидуальности, как высшей жизненной ценности. Не случайно данная тенденция отмечена также и среди учащихся в школе, в лицее, в СПУЗ, студентов вузов, в группе молодежи с высшим образованием первого и второго уровней.

Заметно различаются представления о смысле жизни в связи с вероисповеданием и типом поселения. Если смысложизненные ценности православной молодежи не отличаются от общего распределения, то среди молодых людей, разделяющих ислам, ценность самореализации, проявления своей индивидуальности перемещается с третьей на пятую позицию, но повышаются значения таких смыслов, как продолжение себя в будущих поколениях (с четвертой на третью позицию), стремление к истине (с пятой на четвертую позицию). Среди молодежи, проживающей в крупных городах и областных центрах, переместилась с шестой позиции на пятую ценность борьбы за справедливость. Но наиболее заметно отличаются смысложизненные ценности среди молодежи, проживающей в районных (малых) городах, в селах и деревнях. Ценность спокойной, безбедной жизни перемещается со второй на пятую позицию среди жителей малых городов и на третью позицию, среди сельских жителей, уступая вторую позицию ценности самореализации (в малых городах) и стремления к истине (в селах и деревнях).

Таким образом, во всех анализируемых группах молодежи наиболее значимым смыслом жизни остается любовь, ценность которой в мотивации жизнедеятельности является приоритетной, по сравнению с остальными смысложизненными ценностями. Их распределение по степени значимости характеризуется наибольшей устойчивостью в гендерных группах, не изменяя своих значений среди мужчин и женщин. В зависимости от возрастных характеристик, уровня образования, вероисповедания,

рода занятий и типа поселения наиболее заметно повышают свои значения ценности самореализации, продолжения себя в будущих поколениях и стремления к истине, а ценность спокойной безбедной жизни переходит на более низкие позиции. Наименее значимой смысложизненной ценностью во всех анализируемых группах молодежи является политическая борьба (за власть).

Проанализируем, в какой степени представления молодежи о смысле жизни связаны с различными типами культуры, господствующими в современном российском обществе. Для этого была использована типология, описанная Питиримом Сорокиным в работе «Социальная и культурная динамика» (Сорокин, 2000: 50-59). Ее смысловые признаки послужили эмпирическими референтами поколенческих черт, отмечаемых респондентами в самих себе как в представителе своего поколения. На основании ответов респондентов на вопрос «В какой степени нижеперечисленные черты характеризуют Вас как представителя своего поколения?» были получены данные о распределении и иерархии типов культуры в молодежной среде.

Согласно распределению ответов, в молодежной среде доминирует *инновационная культура*. Она отражает стремление к новизне, высокую активность, предприимчивость соответствующая, по типологии П. Сорокина (Чупров, 2018: 18-19), «активной чувственной культурной ментальности, характеризующейся преобразованием внешней среды».

Вторую позицию занимает *культура физического развития* как потребность в преобразовании «себя» и достижении определенных параметров телесности, соответствующая «идеалистической ментальности, отражающей сосуществование двух систем ценностей, присущих идеациональной и чувственной типам культуры».

Гедонистическая культура, стремление получить от жизни как можно больше удовольствий в режиме «здесь и сейчас» занимает третье место и отражает «пассив-

ную чувственную ментальность – эксплуатацию и утилизацию внешней реальности, рассматриваемой всего лишь как средство для получения удовольствий».

Адаптационная культура – воплощение приспособления к изменяющимся условиям внешней среды, экономии во всем соотносится с «псевдоидеациональной ментальностью, которая характеризуется пассивным приспособлением к внешним условиям». Этот смысловой тип занимает четвертое место.

Пятое место отводится смысловым референтам *духовной культуры*, отражающим такие ценности, как любовь, истина, справедливость, олицетворяющим высшие

цели молодых людей. В типологии культуры П. Сорокина такой тип относится к «идеациональному, характеризующемуся духовным преобразованием себя».

Культура моральной аномии, занимающая шестую позицию, символизирует отрицание обще разделяемых безусловных норм и вытеснение так ситуативными нормами, применяемыми утилитарно в конкретных жизненных ситуациях. Культурной матрицей этих смыслов является также «циничная чувственная ментальность, характеризующаяся изменчивостью жизненных принципов».

Проанализируем связь смысложизненных ценностей молодежи с каждым из типов культуры (табл. 3).

Таблица 3

Связь смысложизненных ценностей молодежи с различными типами культуры

Table 3

Connection of life meaningful values of young people with different types of culture

Смыслы жизни	Связь с типами культуры, в %*					
	Духовная культура	Инновационная культура	Культура физического развития	Гедонистическая культура	Адаптационная культура	Культура моральной аномии
Любовь	24,0	41,4	41,4	36,5	19,5	19,1
Спокойная безбедная жизнь	16,5	32,2	32,7	36,6	21,5	19,5
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	30,5	46,3	40,6	41,9	16,8	24,2
Продолжение себя в будущих поколениях	25,7	41,5	39,5	41,1	24,1	21,7
Стремление к истине	27,9	44,1	43,2	39,2	18,5	26,1
Борьба за справедливость	26,0	43,8	43,8	42,6	23,1	27,8
Политическая борьба (за власть)	21,9	40,6	53,1	53,1	16,6	31,2

*Больше 100%, так как допускалось несколько вариантов ответа

Данные, представленные в таблице 3, свидетельствуют о наличии связи смысложизненных ценностей молодежи с основными типами господствующей культуры. В наибольшей степени связь анализируемых

смыслов прослеживается со следующими типами культуры, разделяемыми респондентами в полной мере: любовь – с инновационной культурой и с культурой физического

ского развития (41,4%); спокойная безбедная жизнь – с гедонистической культурой (36,6%); проявление своей индивидуальности (самореализация) – с инновационной культурой (46,3%); продолжение себя в будущих поколениях – с инновационной (41,5%) и гедонистической культурами (41,1%), а также с культурой физического развития (39,5%); стремление к истине – с инновационной культурой (44,1%), с культурой физического развития (43,2%) и с гедонистической культурой (39,2%); борьба за справедливость и политическая борьба – с инновационной культурой (соответственно 43,8% и 40,6%), с культурой физического развития (43,8% и 53,1%) и с гедонистической культурой (42,6% и 53,1%).

Для более полного анализа культурного пространства молодежи, рассмотрим, какова связь представлений о смысле жизни с теми установками, которые конструируются в молодежных субкультурах как определенные характеристики образа жизни. В известной мере они являются уни-

версальными для разных субкультур, поскольку в их характере запечатлены основные проявления, сопутствующие процессу взросления молодежи, становлению ее социальной субъектности. Противоречивый клубок стремлений молодежи поддерживать свою социальность, объединяясь со сверстниками, быть на связи с ними и одновременно быть непохожим на других, самовыразиться, ощущать свою избранность, исключительность; быть в центре внимания, чувствовать неограниченную свободу, эпатировать окружающих и уходить от действительности в свой собственный мир; совместно протестовать против официоза и навязываемых молодежи норм и участвовать в противостояние «свои-чужие» – все это эмпирические референты смысловых и поведенческих установок, пронизывающих субкультурное пространство молодежи. Для анализа выделим подгруппу респондентов, в полной мере разделяющих их сущность и проанализируем их связь со смысложизненными ценностями (табл. 4).

Таблица 4

Связь смысложизненных ценностей молодежи и смысловых установок в рамках субкультур

Table 4

Association of life meaningful values of young people and semantic attitudes within subcultures

Смыслы жизни	Установки, в %*							
	Стремление самовыразиться, быть непохожим на других	Стремление к объединению со сверстниками	Противостояние «свои-чужие»	Самоощущение избранности, исключительности	Быть в центре внимания, эпатировать окружающих	Протест против официоза, бунтарство	Бегство от действительности. Уход в себя	Свобода без ограничений, в т.ч. сексуальная свобода
Любовь	37,3	39,7	13,9	19,2	16,5	8,8	8,2	11,4
Спокойная безбедная жизнь	32,2	36,6	14,7	15,0	17,7	10,3	9,6	11,8
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	46,0	40,6	17,1	22,9	23,2	11,4	7,4	13,4

Продолжение себя в будущих поколениях	34,8	41,9	16,6	17,8	16,6	9,5	7,5	11,1
Стремление к истине	39,2	41,4	20,3	19,4	19,8	11,7	14,0	12,6
Борьба за справедливость	42,6	47,3	21,3	19,5	19,5	13,0	10,1	12,4
Политическая борьба (за власть)	43,8	53,1	28,1	21,9	25,0	15,6	6,2	21,9

*Больше 100%, так как допускалось несколько вариантов ответа

В таблице 4 видно, что смысложизненные ценности молодежи в разной степени связаны со стилевыми установками в рамках субкультур. В наибольшей степени прослеживается связь всех анализируемых смыслов жизни со стремлением молодых людей к объединению со сверстниками (быть на связи), а также со стремлением самовыразиться, быть непохожим на других. Причем, наиболее высокий ее уровень отмечается в связи со стремлением к объединению в неформальные группы среди признающих смыслом своей жизни политическую борьбу (53,1%) и борьбу за справедливость (47,3%), а в связи со стремлением к самовыражению – среди признающих высшей жизненной ценностью проявление своей индивидуальности (самореализацию) (46%).

Достаточно высокие значения уровня связи анализируемых смыслов отмечены также со следующими установками: любовь – с самоощущением избранности, исключительности (19,2%); спокойная, безбедная жизнь – с эгоцентризмом, быть в центре внимания, эпатировать окружающих (17,7%); продолжение себя в будущих поколениях – с самоощущением избранности, исключительности (17,8%); стремление к истине – с противостоянием «свои-чужие» (20,3%).

Заключение (Conclusions). Проведенный анализ позволяет говорить о наличии связи смысложизненных ценностей молодежи с особенностями ее культурного пространства. Доминирующие смыслы жизнедеятельности современного поколения молодежи базируются на типах культуры, преобладающих в обществе, среди

которых выделяются инновационная, гедонистическая культуры, и культура физического развития, а также на молодежных смысловых установках, существующих в субкультурах молодежи и отражающих преимущественно два вида стремлений – к объединению со сверстниками и самовыражению своих личностных качеств. Выявленные зависимости могут найти отражение в государственной молодежной политике, выделив такие направления как расширение возможностей для творчества молодежи, реализации ее социальной активности; расширение институциональных возможностей для реализации гедонистических установок в социально значимых и безопасных для самой молодежи формах; создание условий для ее физического развития, поддержания здоровья и здорового образа жизни; расширение форм объединения молодежи по интересам, создание площадок для совместной инновационной деятельности.

Список литературы

- Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
- Зарубина Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: Макс Вебер и современные теории модернизации. СПб.: РХГИ, 1998.
- Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 223 с.
- Зубок Ю. А. Молодежь в изменяющейся социальной реальности: проблема саморегуляции выбора // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: Ин-т философии РАН, 2015. С. 173-189.

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. URL: <https://sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm>. (дата обращения: 17.09.2018).

Ковалева А. И., Луков Вал. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999.

Левикова С. И. Молодежная субкультура. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004.

Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социс. 2013. № 10. С. 52-61.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000.

Формирование мировоззренческой культуры молодёжи / Под ред. В. Г. Табачковского. Киев: Наукова думка, 1990.

Чупров В. И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 4. С. 13-25.

Patterns of Modernity. V. II: Beyond the West. N.Y., 1987.

References

Veber, M. (1990), *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Moscow, Russia. (In Russian).

Zarubina, N. N. (1998), *Sotsiokul'turnye faktory khozyaistvennogo razvitiya: Maks Veber i sovremennye teorii modernizatsii* [Socio-cultural factors of economic development: Max Weber and modern theories of modernization], Russian Christian Academy for the humanities, Saint Petersburg, Russia. (In Russian).

Zdravomyslov, A. G. (1986), *Potrebnosti. Interesy. Tsennosti* [Needs. Interests. Values], Politizdat, Moscow, Russia. (In Russian).

Zubok, Yu. A. (2015), "Youth in the changing social reality: the problem of self-regulation of choice", *Chelovek pered vyborom v sovremennom mire: problemy, vozmozhnosti, resheniya. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [A person is faced with a choice in the modern world: problems, opportunities, solutions. Materials of the all-Russian scientific conference], Moscow, Russia, 173-189. (In Russian).

Inglhart, R. *Postmodern: menyayushhiesya tsennosti i izmenyayushhiesya obshchestva* [Online], available at: <https://sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm>. (Accessed 17 September 2018). (In Russian).

Kovaleva, A. I. and Lukov, Val. A. (1999), *Sotsiologiya molodezhi: Teoreticheskie voprosy* [Sociology of youth: Theoretical issues], Sotsium, Moscow, Russia. (In Russian).

Levikova, S. I. (2004), *Molodezhnaya subkul'tura* [Youth subculture], FAIR-PRESS, Moscow, Russia. (In Russian).

Omel'chenko, E. L. (2013), "Solidarity and cultural practices of the Russian youth in the beginning of the XXI century: theoretical context", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), 52-61. (In Russian).

Sorokin, P. A. (2000), *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovanie izmeneniy v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, e'tiki, prava i obshhestvennykh otnosheniy* [Social and cultural dynamics: Research of changes in large systems of art, truth, ethics, law and social relations], Russian Christian Academy for the humanities, Saint Petersburg, Russia. (In Russian).

"The formation of the world Outlook culture of the youth" (1990), in Tabachkovsky, V. G. (ed.), *Naukova dumka*, Kiev, Ukraine. (In Russian).

Chuprov, V. I. (2018), "Self-regulation of the youth life in cultural space: the concept of socio-cultural mechanism", *Gumanitarniy Yuga Ros-sii*, 7 (4), 13-25. (In Russian).

Patterns of Modernity (1987), V. II: Beyond the West, N.Y., USA.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН.

Чупров Владимир Ильич, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН.

Yuliya A. Zubok, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences.

Vladimir I. Chuprov, Doctor of Social Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies, Russian Academy of Sciences.

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-2

Рязанова С. В.

**Православный епископ как персонаж,
миф и симулякр в высказываниях
пермских верующих**

Пермский научный центр УрО РАН
ул. Мира, 26, Пермь, 614066, Россия
svet-ryazanova@yandex.ru

*Статья поступила 3 сентября 2018 г.; Принята 15 сентября 2018 г.;
Опубликована 30 сентября 2018 г.*

Аннотация. Исследование посвящено особенностям восприятия православными верующими, принадлежащими Русской православной церкви Московского патриархата на территории Пермского края высшего регионального духовенства: основным мотивам, системе аргументации, факторам, определяющим стратегию формирования образа предстоятеля. Особенности представлений о руководителе местной православной церкви фиксируются в трех аспектах: сущностные представления о главе митрополии на абстрактном и персональном уровне, делегирование предстоятелю фиксированного набора функций и определение границ повиновения ему. Складывание спектра суждений о предыдущих архиереях и нынешнем митрополите рассматривается как возникающее на стыке бытового религиозного мировоззрения, набора элементов рационального дискурса и стереотипов традиционного и современного менталитета постсоветских верующих. Имидж владыки представлен как результат воспроизведения форм традиционных представлений о духовенстве, деятельности светской системы образования и средств массовой информации, скорректированной антирелигиозной политикой советского периода. Место высшего духовенства в религиозном пространстве индивида рассматривается как слабо определенное, не имеющее большого значения для реализации религиозных потребностей, что обусловлено тенденцией приватизации религиозной жизни в современном российском обществе. Текст построен на данных мониторинга религиозного пространства Пермского края с 2014 по 2018 гг. с использованием методики полуструктурированного интервью с интерпретацией данных на основе принципов герменевтического анализа текста.

Ключевые слова: православие; верующие; религиозное сознание; епископ; митрополит.

Информация для цитирования: Рязанова С. В. Православный епископ как персонаж, миф и симулякр в высказываниях пермских верующих // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 3. С. 14-28. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-2.

Svetlana V. Ryazanova

**Orthodox Bishop as a character, myth
and simulacrum in the statements of Perm believers**

Perm Scientific Center of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences
26 Myra St., Perm, 614066, Russia
svet-ryazanova@yandex.ru

Received on September 3, 2018; Accepted on September 15, 2018; Published September 30, 2018

Abstract. The research describes the features of perception of the highest regional clergy by orthodox believers belonging to the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchy in the Perm region: the main motives, the system of the argument, the factors defining the strategy of formation of an image. The features of the ideas about the head of local Orthodox Church are fixed in three aspects: intrinsic ideas of the head of a diocese at the abstract and personal levels, attributing to the bishop a fixed set of functions, and the definition of boundaries of obedience to him. Making a range of judgments of the previous bishops and the current metropolitan is considered as a set of elements of a rational discourse and stereotypes of traditional and modern mentality of Post-Soviet believers, arising at the junction of the popular religious worldview. The image of the reverend is presented as a result of reproduction of forms of traditional ideas of clergy, activity of the secular education system and mass media, and the corrected anti-religious policy of the Soviet period. The place of the highest clergy in religious space of the individual is considered as poorly defined, with low importance for realization of religious requirements. This situation is caused by a tendency of privatization of religious life in contemporary Russian society. The text is based on the data of monitoring of religious situation in the Perm region from 2014 to 2018, using the semi-structured interview technique with interpretation of data with principles of the hermeneutic text analysis.

Keywords: Orthodoxy; believers; religious consciousness; bishop; metropolitan.

Information for citation: Ryazanova, S. V. (2018), "Orthodox Bishop as a character, myth and simulacrum in the statements of Perm believers", *Research Results. Sociology and management*, 4 (3), 14-28. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-2.

Введение (Introduction). Любой социальный объект имеет две ипостаси – идеальную, основанную на менталитете, наборе идей и стереотипов, и реальную, иногда в значительной мере отдаленную от метафизического образца и даже слабо его напоминающую. В отношении религиозного пространства этот разрыв особенно заметен, поскольку идеальные каноны и связанные с ними субъекты, феномены и институты по самой своей природе не могут быть апплицированы в физическом мире без деформаций и искажений. А. А. Панченко справедливо отмечает: «Многие ис-

следователи... явно или скрыто предполагают, что христианство (или его отдельные этнокультурные формы – православие, католицизм и т.п.) есть не что иное, как строгое и последовательное учение, основанное на экзегетике и других отраслях богословия, каноническом праве, обрядовых предписаниях и поддерживаемое той или иной церковью. Что касается тех форм религиозной жизни, которые не укладываются в подобную структуру, то они автоматически объясняются «суевериями», «сектантством» или «язычеством». Иными словами, то, что не имеет официального конфессио-

нального статуса, объявляется нерелевантным религии как таковой. Даже сам термин «народная религия» в этом смысле представляет собой конструкт, обязанный своим появлением влиянию определенных институций» (Панченко, 2004: 68), поэтому получается объективно справедливее предполагать, что «говоря о Церкви и каноне, мы апеллируем не к чему-то целостному и неизменному, но к нашим представлениям о целостности и неизменности. И эти представления, и соотносимые с ними концепты могут существенно варьироваться как исторически, так и синхронно» (Панченко, 2004: 74).

Аберрация реальных религиозных объектов и субъектов относительно положений священного писания и канонических норм варьируется в зависимости от природы культурного феномена, исторического и политического контекста и конкретного персонажа (Stump, 1986: 209; Asad, 2008: 124; Satlow, 2005: 287-298; Kirpenberg, 2000: 222). В значительной мере это касается и высшего духовенства в отечественном православии, претендующего на вхождение в духовную и интеллектуальную элиту современного российского государства. Стратегия и тактика в занятии этой позиции должны стать объектом отдельного обстоятельного исследования. Нам представляется, более любопытным вопрос о том, насколько сообщество мирян готово к желательному для высшего клира восприятию сановников церкви. Это любопытство вполне оправдано, будучи определенным набором исторических обстоятельств: атеистическая политика советского государства привела не только к размыванию церковных кадров. К периоду застоя сформировалась большая группа населения, не только индифферентно относящаяся к религиозным вопросам, но и обладающая ничтожно малым объемом знаний о православии как религиозной системе, воспринимающая духовенство через призму представлений о социальном неравенстве, отсталости и мракобесии. В обиходе отсутствовали произве-

дения литературы и искусства, позволявшие на массовом уровне транслировать если не положительный образ священнослужителя, то хотя бы набор стандартных представлений об этом субъекте социального пространства. В незначительной мере такими знаниями обладали воцерковленные прихожане, которых в условиях закрытия большинства храмов было совсем немного.

Формально изменившаяся в конце прошлого века ситуация с положением религиозных организаций не привела автоматически к росту уровня осведомленности не только слабо заинтересованных в религиоз-

н
о
й

ж
и
з
н
и

г
р
а
ж
д
а
н

(
Д
у
б
и
н

Важным для исследования представлений о духовенстве представляется набор факторов, определяющий формирование образов (Львович, 2005: 44) и атрибутов, способных к формированию образа священнослужителя в сознании верующих. Это обусловлено тем, что в период застоя в православии, как и в других религиях, наблюдался кризис доверия к духовенству. В этот период произошло возрождение церковной структуры, преодоления кадрового дефицита и формирования новой сети приходов. Российский православный мир оказался не готов погрузиться в церковную и околоцерковную жизнь полностью, соотнося религиозные потребности с другими аспектами своего существования

определенности должны стать представлением о высшем духовенстве на местах. Образ главы РПЦ МП также заслуживает внимания, но в этом случае отдаленность мирян является абсолютной, превращающей реального персонажа в виртуальное изображение, в отличие от глав епархий, в чьей физической природе у прихожан есть шанс удостовериться.

Методология и методы (Methodology and methods). В отношении Пермского края необходимость осуществления исследования православного сообщества подкрепляется фрагментарностью изученных аспектов истории Русской православной церкви в регионе. В настоящее время имеется ряд работ популярного и научного характера, как правило, посвященных частным проблемам, либо отдельным историческим периодам в развитии РПЦ в регионе (Вяткин, 2000; Православие в судьбе Урала и России, 2010; Прикамский народный собор, 2009; Прикамский народный собор, 2013). Особо стоит отметить труды М. Г. Нечаева (Нечаев, 2004), А. Н. Марченко (Марченко, 2011; Марченко, 2005; Марченко, 2007), В. В. Лавринова (Лавринов, 2007; Лавринов, 2001), П. Н. Агафонова (Агафонов, 1996; Агафонов, 1997а; Агафонов, 1997б; Агафонов, 1997в; Агафонов, 1997г; Агафонов, 2002), часть из которых является конфессионально ангажированными и затрагивающими только исторический аспект пермского православия. В настоящее время не существует ни одного труда, посвященного особенностям функционирования соответствующих религиозных институтов.

Теоретический каркас работы сложился благодаря выходу ряда работ, так или иначе, рассматривающих специфику формирования современного религиозного пространства и религиозной самоидентификации индивида. Религиозное мировоззрение индивида как самостоятельно конструируемое трактуется согласно концепцией К. Добеллара (Dobbelaere, 2004: 229-253), совпадающей с результатами автора

(Рязанова, 1998: 126). Этот подход дополняется элементами теории рационального выбора веры Р. Кисалы (Kisala, 2004: 255-274), концепции Т. Асада о месте религии в индивидуальном сознании (Asad, 2008: 124) и идеей И. Боровик об уходе от институциональной религиозности современного верующего (Borovik, 1997: 235-255). Понимание процесса секуляризации как выведения религиозного на индивидуальный уровень сложилось на основе работы К. Митчелл (Mitchell, 2006: 1135-1152).

Для анализа представлений мирян о высшем духовенстве региона нами использованы данные из приблизительно сотни интервью с православными, аффилирующими себя к РПЦ МП и сигнализирующими о собственной религиозности через заявление о собственной религиозной идентичности и участие в церковной и околоцерковной жизни. Полуструктурированное интервью как метод сбора информации на основе качественного подхода было выбрано как позволяющее сущностно понимать процессы религиозной самоидентификации и генерирования религиозного мировоззрения на индивидуальном уровне. Учет глубинных мотивов индивида способствует прояснению факторов формирования и эволюции религиозного сознания верующих благодаря объяснению мотивов действий и намерений через коммуникативное взаимодействие с субъектом. Использование такого подхода в исследовании компенсирует «безликость» количественных методов (Ковалев, Штейнберг, 1999: 23 и далее) и предполагает наличие у исследователя элементов герменевтического вживания в информацию, получаемую от респондента. Вторая немаловажная причина выбора определенных форм интервью заключается в том, что опыт религиозного восприятия информанта остается достаточно абстрактной для него темой, поэтому основная информация черпается в ходе уточнений и расспросов, а не в самостоятельном рассказе респондента (Рязанова, Михалева, 2011: 54). Личный характер интервью гарантирует получение

информации определенной направленности и ее сопоставимость для аналитики. При соотнесении данных нами не учитывались половозрастной состав и уровень образования респондентов. Основной акцент был сделан на том, какой спектр представлений о высшем клире складывается в локальном (в данном случае – пермском, соотнесенном географически с территорией Пермского края) православном сообществе. Хронологически сбор информации проходил в 2016-2018 гг. В сносках тексты интервью атрибутированы через сокращенную фамилию интервьюера.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Для наглядности оценки уровня информированности прихожан пермский церковью укажем, что в постсоветский период предстоятелями церкви области, а потом края, последовательно являлись архиепископ Афанасий (Кудюк) (1984-2002) и епископ Иринарх (Грезин) (2002-2010). В настоящее время Пермскую митрополию возглавляет митрополит Мефодий (Немцов). Митрополия является сравнительно молодой структурой, недавно преобразованной из Пермской епархии, и в настоящее время не преодолела ситуацию организационного реформирования и кадровых перестановок. Обремененный большим количеством обязанностей владыка, находящийся в епархиальном управлении, для мирян становится неким плохо понятным персонажем, чья роль в православной жизни края и города является неочевидной.

В первую очередь об этом свидетельствует разнообразие представлений о том, что, в принципе, представляет собой епископ как часть церковной иерархии. Эти представления не поддаются четкой систематизации, но иллюстрируют многообразие мифосюжетов, возникающих в условиях информационного вакуума. Часть верующих уверенно идентифицирует епископа как священнослужителя, даже на уровне персоналий: «Конечно, я знаю, кто у нас сейчас епископ и кто был до этого. Сейчас у нас митрополит Мефодий, ранее

был епископ Иринарх, а перед ним был архиепископ Афанасий, которого я очень уважала, ценила, как родного отца» (Я-ко); «в Пермском крае сейчас не епископ, у нас митрополит. Митрополит Пермский и Кунгурский Мефодий, до него был епископ Иеринарх, сейчас его отозвали в Москву, у него свой приход, и он занимается по делам, скажем, осужденных» (Л-хов); «я даже знаю, кто был до-до него и до-до-до него. И до-до-до-до него. Сейчас у нас митрополия, митрополит у нас Мефодий. Также у нашей митрополии существует епархия. Епископ на ней сейчас является епископ Никон. Прибыл он у нас из Свердловска. Сейчас нынешняя церковная власть,.. пока что они... Трудно что-то конкретно говорить, хотя уже достаточное время прошло. Ну как бы вроде всё своим чередом идёт» (Мех-на).

Иногда сведения имеют расплывчатый характер, что не вызывает особого сожаления у респондента: «Ой... И... как? И... забываю всё, у него имя на Ирину похоже... блин... Пермский и Соликамский... Ири... Забыла опять. Забыла (посмеиваясь)» (Б-кин); «я (пауза) имени назвать не могу и, если честно, то сильно никогда и не озадачивалась этим вопросом» (П-ов); «а данный момент не знаю» (Ж-нов); «В этом больше разбирается муж, чем я» (Бур-в).

Рядовой верующий готов, чтобы выглядеть достойно в глазах интервьюера, додумать недостающие детали, что временами приводит к казусным умозаключениям, в которых сведения о святых накладываются на современную историю: «Так, в Перми у нас был отец Стефан, он даже был знаком с Сергеем Радонежским, вот. Сейчас у нас этот Мефодий, у нас, здесь, в Перми» (Мих-ва). Впрочем, есть и прямо противоположная позиция: «Знаете ли вы, кто епископ сейчас и кто был до этого? – Да нет, конечно, мне без разницы» (Ал-на).

Иногда у опрашиваемого возникают сложности с пространственной локализацией владыки: «Где? В Пермской области что ли? Или где он епископ то? Я... Я вот не

знаю этого. Тонкостей таких я не знаю, конечно, ... не знаю» (Кр-ва); «а кто у нас Мефодий? (в ответ интервьюер – «Митрополит») ... Пермской епархии. Не знаю. Там иерархия какая-то ... Я понимаю, что он рукоположение принимает. Не знаю, не могу сказать» (Шам-на). Такого рода высказывания содержат в себе прямое указание на невежество по отношению к элементарным представлениям об устройстве той религиозной организации, к которой респондент себя уверенно относит.

Треть опрошенных призналась, что, зная о наличии главы церкви в Перми, никогда не имела информации о том, кто занимал эту должность. Часть прихожан колеблется в правильности своих данных, чаще всего путая епископа с патриархом и указывает соответствующие имена: «(на вопрос респондента о предшественнике нынешнего владыки) Если не ошибаюсь, Алексей ... Могу сказать, что Алексей был очень уже ... это был человек, который был в церкви, весь в церкви» (Тр-на); «Сейчас Кирилл, до этого был Алексей» (Ник-на); «я знаю, что сейчас у нас Святейший патриарх Кирилл, а до Кирилла был Алексей, который мне был более симпатичен, нежели Кирилл» (Коз-ва); «Всея Руси.. Кирилл, это конечно, а до этого был Алексей ... сейчас во главе нашей православной церкви человек очень умный» (Кур-на). В такой ситуации забавной выглядит попытка поправить интервьюера: «В данное время у нас епископом, вернее патриархом, является патриарх Кирилл» (Кин-й); «наш епископ – митрополит Кирилл. Мудрый и рассудительный церковнослужитель. Отношусь к нему с уважением» (Еф-мов).

И в этом случае иногда полной уверенности нет, и корректная информация снова уступает место мифу: «Нет, нет, не знаю (*смеется*). Сейчас, очень жаль. Нет, ну я как ... забыла. Вот его совсем недавно снова у нас показывали, он и с Путиным ... забыла, как зовут (*смеется*) ... Ой ... ну, по моему, Тихон. По-моему, Тихон ... Подольский. Да, вот Тихон Подольский. Да-да-да-

да-да» (Кер-ва); «Ой, у нас сейчас Илларион, по-моему. А сейчас? Илларион был. Сейчас не знаю. Не готовился» (Гул-в); «сейчас епископом является Патриарх Кирилл. А до него был Алексей Второй. Нынешний патриарх мне не очень нравится, но мы их не выбираем, поэтому как-то вот так» (Сес-н); «сейчас, как ни странно, я даже вам скажу католического папу, который у нас, потому что у меня есть родственники. А епископом, боюсь ошибиться, по-моему, Кирилл Второй, нет? Видите, надо исправить пробелы» (Кор-на). Однозначно можно утверждать, что глав епархий среднестатистический верующий знает так же плохо, как и патриарха.

Путаница присутствует и в представлениях о том, кто такой епископ в принципе, в отрыве от локальных реалий. Доминирующей позицией является, опять-таки, отождествление епископа/митрополита с патриархом: «Епископ – это глава как бы ... т. е., ну, сказать по-современному, руководитель над всеми церквями, т. е. он, естественно ... смотрит, где какой церкви, может быть, какая-то помощь нужна, где не хватает ... служителей церкви» (Кер-ва); «епископ – это важный и главный священнослужитель православной церкви» (Мах-ва). Стоит обратить внимание на то, что епископат рассматривается как существенная часть именно православной церкви, хотя это обстоятельство не дает права говорить о наличии развитых представлений о других христианских церквях. Другие варианты ответа на вопрос о том, кто такой епископ, либо поверхностны: «Епископ, насколько я знаю, это священнослужитель в церкви. А чем он занимается, я не знаю» (Ис-ва), либо содержат элементы вербальной модернизации термина – «это менеджер церковный» (Гул-в).

Встречаются варианты ответов, представляющие собой крайнюю степень неосведомленности отвечающего, из которых один можно объяснить низкой ценностью самого образа местного владыки для конкретного верующего – «я вообще не знаю, кто такой епископ» (Кл-ва), поскольку

только девальвированные в своей значимости социальные сюжеты и персонажи становятся неинтересными для обывателя. В условиях пост-атеистического по формальным критериям сообщества эта версия ответа является логически предсказуемой. К издержкам работы системы образования и СМИ, уверенно отводящих время для эзотерических откровений и экстрасенсов можно отнести второй примечательный ответ: «Епископ – это как бы неправославный товарищ» (Ал-на). «Лоскутная» религиозность Добеллара в этом случае становится особенно пестрой. Индивид в своем конструировании мировоззрения отбирает настолько мелкие частицы отдельных религиозных и нерелигиозных систем, что вместо целостного сегмента использует смысловой отрывок, выбранный из соображений внешней привлекательности, удобства использования или привычности восприятия. Эта особенность конструирования представлений об окружающем мире не лишает их носителя возможности самоидентификации с исторически сложившимися системами верований.

Сумбурность представлений о владыке сохраняется и в отношении информированности о том, чем этот не вполне понятный рядовому мирянину персонаж должен заниматься. Поэтому ряд опрошенных честно признается, что информация эта пока недоступна и не особенно нужна для восприятия себя как воцерковленного человека: «если честно, то сильно никогда и не озадачивалась этим вопросом, чем занимается епископ. Ну, только могу предположить и все» (П-ов); «я даже не знаю. Всегда думала, что основные направления развития церкви определяет патриарх. Епископа не знаю, не интересовалась этим вопросом, не могу точно сказать» (Шаб-ва); «это человек, который как-то связан с церковью, работает там или служит, а чем конкретно он занимается, я затрудняюсь ответить» (Як-на); «этот вопрос конечно очень сложный... Но дело в том, что мы не настолько так сказать христиане и епископ наверно, это высокая птица полёта, высокого полёта

птица, и поэтому мы наверно даже не представляем, чем он должен заниматься и что входит в его обязанности. Но я точно знаю, что это должен быть истинно верующий человек» (Кур-на).

Один из опрошенных дает очень резкий ответ на вопрос, по нашему мнению, в некомфортном состоянии от собственного невежества в церковных вопросах: «Это его дело: чем он занимается, пусть тем и занимается» (Ал-на).

В ходе опроса нам встретились две попытки закамуфлировать собственную неосведомленность – через ответ наобум и путем построения сложных стилистически, но пустых в смысловом отношении фраз. Первый респондент уверенно заявил, что в обязанности владыки входит «писать иконы» (Дол-ва), а второй дал наукообразный, бюрократического характера ответ: «У каждого работника, в том числе у духовенства, есть свой функционал, свои функциональные обязанности, соответственно он их и должен выполнять. Если у него в подчинении по функциональным обязанностям есть работники, священники, соответственно они должны выполнять их или не работать» (Кин-й). Два очень отличающихся по форме высказывания герменевтически несут одинаковую смысловую нагрузку: они указывают на необходимость совмещения индивидуальной религиозной жизни с представлениями о церковной иерархии. Предлагаемая для характеристики фигура для этой части верующих формальна и эфемерна, скорее представляет собой условно необходимый компонент отечественного православия, чем его неотъемлемый сегмент.

Неслучайно и в этом случае епископ как некий симулякр иногда функционально отождествляется с главой всей РПЦ МП и наделяется соответствующими полномочиями: «Ну, к нашему патриарху я отнесусь скорее позитивно, нежели чем негативно. Про него также существует огромное количество слухов, как и про других священнослужителей, о чём мы говорили с вами ранее, но я в первую очередь вижу в патриархе человека, который пытается идти на

контакт с представителями других религий, других конфессий. Он также, немаловажно многое делает для реконструкции храмов, реконструкции монастырей на территории нашей страны. Также благодаря его помощи в России появляется возможность привозить иконы, которые обладают целебными свойствами, мощи святых, которые также излечивают людей, которые к ним приходят, и это всё является немаловажной миссией, которую он выполняет» (Сниг-в).

Вместе с тем, стоит признать, что среди прихожан есть те, кто готов компетентно и рационально не только осветить вопрос должностных обязанностей православного епископата, но и дать характеристику ситуации в местной епархии/ митрополии: «Вот это классный вопрос, конечно. Это не должен быть смотрящий какой-то, который будет исключительно выполнять функцию администратора. Сейчас можем пронаблюдать такую тенденцию, что архиереи уже не несут той, вот, допустим как бы, обозначим её в кавычках «дореволюционной архиерейской миссии, архиерейской функции», как бы они не окормляют всю епархию... почему архиерей, архипастырь? Он пастырь всех пастырей. Он должен так же, как священник на приходе, наставлять всех, поучать. Он должен как бы... показывать праведный путь. Так ныне при архипастыре непонятно, вообще, чем занимаются... Они сейчас занимаются... поборами если только. И вот эта функция их, функция пастыря – она стирается в рамках современного мироустройства. Хотя всё тоже зависит от человека. Вот если, допустим, вспоминать о ныне покойном архиерее... архиепископе Афанасии, то этого человека можно назвать поистине представителем епархии. А вот, допустим, если бы будем говорить о современной нашей митрополии. Она сейчас носит какой-то формальный характер. Вот если митрополиту разнарядка сверху из патриархии приходит, допустим, нужно провести мероприятия, посвящённые там...какому-то празднику или ещё что-то, то ему ничего не остаётся, как только давать разнарядку всё ниже и

ниже на приходы и выполнять поручения сверху. Мы уже не говорим о том, что он должен заниматься окормлением священства, окормлением епархии и прочее. Сейчас архиерей – он администратор, а не пастырь, а должен быть пастырем в первую очередь» (Мех-на).

Стоит признать, что и для этой части прихожан епископ представляется очень дистанцированным персонажем, только эта отдаленность имеет другую природу. Неосведомленность здесь уступает место сожалению о бюрократизации церковного аппарата выхолащивании отношений с мирянами, отсутствию продуктивного взаимодействия между клиром и членами приходов: «Епископ должен заниматься непосредственно своими обязанностями, на которые сейчас у него просто не хватает времени, он должен заниматься своей паствой. Вот епархия занимается их духовным воспитанием, а в современном мире епископ – это такое административное лицо, тесно связанное с государством, то есть это управленец-менеджер, у него просто от всех этих встреч с представителями власти, благотворительными фондами и т.д. очень мало остается времени на простых людей. Я считаю, что в связи с тем, что сейчас расширяется количество епископов должно быть именно то, что любой человек может попасть на прием к епископу. Во всяком случае, исповедоваться ему или что угодно такое» (Гиз-на).

Среди пермской паствы встречаются и верующие-интеллектуалы, мечтающие об акценте на духовном развитии православного сообщества и делегирующие правящему архиерею функции духовного руководства: «этот вопрос конечно очень сложный... Но дело в том, что мы не настолько так сказать христиане и епископ наверно, это высокая птица полёта, высокого полёта птица, и поэтому мы наверно даже не представляем, чем он должен заниматься и что входит в его обязанности. Но я точно знаю, что это должен быть истинно верующий человек» (Кур-на); «это ведь ранг, определен-

ный, да. Но он все равно человек. Что значит, вот чем он должен заниматься... Чем занимаются все православные христиане, да, если он в этой вере, католики, если он в той вере, то есть сеять добро изначально, я думаю, что в этом плане, чтобы люди чувствовали себя защищенными, да, чтобы могли... немножко быть какими-то счастливыми людьми в этой жизни, раз мы пришли в нее» (Ф-ва).

Впрочем, и для тех, кто не столь детально углубляется в размышления о предназначении епископов и митрополитов, очень популярным является акцент на просветительской и обрядовой функциях епархии: «Епископ должен заниматься своим непосредственным делом – управлять епархией, просвещать свою паству» (Я-ко); «епископ должен заниматься сохранением веры, должный порядок и уровень» (Жул-в); «ведет, ну, как начальник над священниками. Вот, он занимается духовными делами епархии своей» (Н-ва); «епископ должен управлять делами церкви, совершать богослужения и на них высокий авторитет, чтобы научить христиан православной вере. И они еще как бы имеют право рукополагать священнослужителей, ну кто готовится священниками стать» (Мих-ва); «прежде всего, своей паствой. Первое – просвещение, как священничества, так и своей паствы. Как и устно, например, проповедь на какой-то праздник. Так же и через издательство. Свои книги, брошюры» (Л-хов); «епископ со своими священнослужителями должен служить народу, учить их... учить людей искать путь к богу, учить их быть благородными, добрыми... вот этим должен заниматься епископ...искать путь истины» (Вл-ров); «епископ должен сеять добро и любовь, потому что главное предназначение церкви это любовь к ближнему, это любовь к людям, это, в общем-то, к чему призывает любая религия. Должны через средства массовой информации, через приходы нести людям любовь и веру в лучшее» (В-ва).

Стоит обратить внимание на то, что владыка в этих рассуждениях предстает как

активное начало по отношению к пассивной пастве – он контролирует уровень веры, наращивает авторитет, заставляет прихожан быть хорошими христианами, используя для этого все подручные средства: «Помимо того, что он ведет какую-то праведную работу, он должен духовно что-то размышлять, может, даже писать какие-то духовные статьи. Чтобы людей приобщать к духовному миру. Книжки выпускать, должен нести ответственность за всех людей. Должен доносить возвышенность в духовный мир через это» (Бур-в). Ни в одном интервью не встретилось предложений и предположений о сотрудничестве, роли прихода в церковной жизни. Высокий статус духовенства для опрошенных теснейшим образом связан с большим количеством долженствований и соответствий требованию: «Вообще все священнослужители, на мой взгляд, должны нести людям только положительные вещи. Это не должно быть всё коррумпировано, не должно ни в коем случае напоминать бизнес какой-либо. И они должны нести людям знания, библию до них доносить. В общем, знания людям нести» (Лат-ва). Именно клир должен «делать веру доступной для обычных простых людей, которые не знают канонов, которые не воцерквлены, которые не знают старославянского языка. Кирилл приблизил церковь к тому, что она стала более православной, понятней. В первую очередь, это то, что службы пошли на русском языке, потому что это довольно сложно бабушке лет 80-ти понимать церковнославянский язык. Ну, не столь, наверно, интересно посещать церковь, а все-таки родней русский язык, который она понимает. Еще больше привлекает также молодежь, кроме этого маленькие дети, которым все-таки тяжело» (Тр-на). Прихожанина в этом процессе как бы нет, либо он играет роль понуждаемого к получению необходимой религиозной информации реципиента, согласие которого зависит от качества предлагаемого продукта. Эта установка входит в противоречие с низким уровнем религиозной грамотности в настоящее время, но смущает только внешнего наблюдателя.

Впрочем, достаточно распространенным является и сведение деятельности архиерея к управлению разного рода церковными институтами: «это вроде священнослужитель, главный в обрядах» (Мял-на); «насколько я знаю, он делает специальные обряды, которые только он может делать и управляет монастырями» (Пон-ва); «епископ должен заниматься своим приходом, раз господь благословил» (Ник-на); «я думаю, по статусу у него много обязанностей, но, прежде всего, он должен нести службу Богу, держать под контролем и в порядке, подданные ему территории... епископом должен быть образованный и грамотный человек» (Мах-ва); «на него возложено руководство деятельностью всех православных храмов, расположенных на подчиненной ему территории» (Мал-ва); «епископ, то есть наш российский да? Я думаю, что он должен следить за правильным исполнением своих обязанностей ниже подчиненных священников, то есть он координирует их деятельность, он следит за соблюдением всех законов, правил и т. д.» (Хас-ва); «вот я даже не знаю какие у него обязанности, ну, наверное, смотреть за приходом, за приходами ли, он ведь, наверное, все приходы объединять. Епископ ведь какая-то высшая категория-то» (Крас-ва). Весь смысл эти фраз хорошо сходится в одно высказывание: «Чтобы приходы работали» (Гул-в). В некоторых случаях встречается более подробная детализация: «вот где, может быть, построить надо церковь... далекие люди вот просто, бывает что живут, и церковь очень далеко, и хочется вот человеку прийти в храм помолиться, и некуда просто – тут тоже опять же вот это вот всем занимается епископ... ну, вот прежде чем семинарию заканчивают, прежде чем становиться, скажем, каким же вот священником, тут тоже опять же все через епископа... А... проходит, то есть... Грубо говоря, руководитель. Руководитель над всеми (*смеется*) церквями» (Кер-ва); «какой-нибудь храм освятить, на праздники приезжает. Какой-то избранный человек, у которого повы-

сили сан, и он может решать какие-то богословские вопросы. Решать стратегические вопросы. Не особо интересовался, хотя знаю иерархию. Это просто священник с большим опытом, мудрые люди» (Ис-лов). В этой версии пастырских обязанностей владыка из просветителя превращается в завхоза-администратора высокого уровня, занятого сугубо материальными вопросами. Такие земные нужды более понятны с точки зрения обывателя и не требуют образовательной или информационной подготовки.

Достаточно редко в ходе опросов встречались предположения о том, что деятельность высшего клира может выходить за пределы формальных обязанностей и непосредственной заботы о пастве: «К сожалению, вот про епископа, я очень мало знаю, ну вот что, митрополит Мефодий заботится о приходе вот Пермском и Кунгурском, вот это я знаю. Ну, мне кажется у епископа еще какие-то более глобальные задачи, цели и он охраняет, заботится о всех прихожанах» (Реш-ва); «епископ должен заниматься представлением церковью определенного региона» (Тим-ва). Путаница в понятиях «епархия» и «приход», употребление слов «какие-то», «определенный» в сочетании с признанием в наличии малого объема знаний по предложенной к обсуждению теме указывают, что мы снова имеем дело не с отражением в голове верующего реальной ситуации, а слаботекущим процессом мифоконструирования.

Особо хотелось бы выделить одно высказывание, указывающее на влияние секуляризирующих факторов на сознание верующего индивида: «Епископ должен, следить за тем, как мне кажется, чтоб православная церковь не лезла в дела государства, в светские дела» (Сес-н). Примечательно, что это – позиция православного человека, еще раз подтверждающая факт утери церковью значимого места в социокультурном пространстве для значительной части населения. Образ епископа в данном случае является только одной из линз, при помощи которой исследователь смотрит на

рядового верующего как основного потребителя того, что церковь вносит в сферу духовного производства. Предлагаемые паттерны и симулякры имеют слабую связь с реальными процессами в отечественной религиозной жизни, замещая информационные пустоты идеальными конструктами, скорректированными за счет личных представлений каждого отдельного верующего. Поэтому и епископ предстает перед мирянином не как живой человек, а некая совокупность вроде бы религиозных обязанностей и малопонятных атрибутов, нечто среднее между помещенным в историческое прошлое святым и рядовым гражданином, что определяет и сложность отношения к нему как авторитету веры и религиозного поведения.

Сумбурность представлений транслируется на уровень императивности требований высшего клира по отношению к рядовому мирянину в представлениях последнего. На вопрос о том, насколько указания владыки предназначены для исполнения, мнения разделились. Менее 15% опрошенных уверены в том, что «послушание превыше всего» (Я-ко). Аргументацией в этом случае является статус священнослужителя как главы местной церкви: «конечно, наверное, да. Как же!? Все равно ведь как-то он считается руководитель. Считаю, что он все-таки заслуженный человек» (Мих-ва). Иногда к статусу присоединяется требование обязательности послушания как факт отечественной традиции религиозной жизни: «И я считаю, что надо конечно выполнять, что он говорит особенно тем, кто истинно верующий человек, много лет уже из поколения в поколение, когда идет эта вера и естественно, что они даже... у них не стоит такой вопрос – надо ли выполнять это? Они просто выполняют» (Кур-на). В обоих случаях исполнение распоряжений высшего клира не является рационализированным, ответственность в принятии решения перекладывается на коллективный опыт и историческое наследие.

И даже в этом случае современного верующего охватывает сомнение, когда

жизненный опыт подсказывает, что занимаемая должность не является залогом успешности и компетентности руководителя. В такой ситуации снова выручает традиционное мышление и вера в веками устанавливающиеся формальные религиозные авторитеты: «наверно, да, если человек духовный, служит в этом деле, то служит церкви. То, конечно, наверное, нужно подчиняться» (Ис-ва); «наверное, достойного человека выбирают в епископы. Недостойный же не может править целой епархией» (Крас-ва). Гарантом правильности выдвигаемых требований может считаться и соборный характер православия: «я думаю да, но по крайней мере стоит к этому прислушиваться, я думаю, в тандеме со священником» (Им-ва).

Большинство же мирян уверены, что у них есть критерии определения обязательных и не очень требований. Среди критериев на первом месте стоит Священное писание (вне зависимости от того, насколько респондент хорошо его знает и есть ли в регионе авторитетные религиозные деятели для определения соответствия указания свыше Писанию): верными являются распоряжения владыки «не те, что противоречат законам Божьим, Евангелию» (Л-хов); «если они не противоречат законам Божьим» (Ник-на); «только в рамках канона веры» (Жул-в). Другим критерием обязательности является та сфера приложения, к которой относится требование высшего клира: «Если он благословляет, то да, а если он просто посоветовал или сказал, то это уже на свое усмотрение» (Н-ва).

Рядовой мирянин берет на себя ответственность в оценке деятельности епископа/митрополита как пастыря: «если они соответствуют, там, порядку, если от него нет отрицательных..., или еще что-то... Ну, не все стоит. Надо сначала посмотреть, подумать, потом выполнять» (Шес-в), – и допускает должностное несоответствие занимающего должность руководителя митрополии, особенно в вопросах, не связанных напрямую с церковной жизнью: «Если умный, значит, он даёт умные советы, значит,

его надо слушать. А если он... Сейчас очень много разговоров идёт о чипизации, о том, что человек, как бы даже... Карты выдаются всякие и прочее. Тут надо думать над такими вопросами» (Шуй-я); «смотря какие они будут. Ведь он не господь бог. Он также издаёт из каких-то своих соображений. Это так же, как один говорит, что рыбу кушать – это полезно, другой говорит – нет, это вредно, грех. Мы должны принимать это на свое усмотрение» (Тр-на).

В среде прихожан выработана стратегия самоустранения из системы подчинения вышестоящим клирикам, особенно в том случае, если этот священнослужитель воспринимается как умозрительный персонаж. Оправданием неподчинения становится мирской статус респондента, отчетливо представляющий место РПЦ МП в повседневной жизни обычного верующего: «Смотря кто ты. Если ты ... как бы обычный священник, то естественно. А если ты простой православный прихожанин, то слово архипастыря не истина для тебя в последней инстанции. В первую очередь, если ты просто православный прихожанин, ты должен руководствоваться священным писанием, с одной стороны. Но с другой стороны, это писание тебе кто-то должен трактовать, и тут уже я думаю, что... истинный православный человек вырабатывать должен для себя сам. Не без помощи, конечно, своего духовника, но тем не менее. Получается, что если ты священник, то, определённо – да, ты должен исполнять указы своего правящего архиерея, потому что на этом выстроена вся церковная система» (Мех-на). С одной стороны, мирянин отстранен от некоторых сторон литургической деятельности и аспектов церковной жизни, но эта отстраненность оборачивается расширением индивидуальной свободы: «епископ может отлучить от церкви, например, может благословить на брак или запретить повторный, зачастую это сейчас формальная процедура... в его полномочии нет таких функций, что он может приказывать: ты становишься священником... Ты пойдешь туда-то. Этих полномочий просто

по церковным правам у него нет, поэтому все те, которые у него есть, я считаю, что христианин должен исполнять» (Гиз-на).

Предполагаемая модель поведения мирянина выглядит приблизительно так: «если ты человек просто прихожанин, то, естественно, у каждого у нас есть какие-то свои законы, свои дела. И мы можем просто-напросто не попадать в ту, в ту колею, действительно надо только так и... (смеется) не иначе. У нас, естественно... есть какие-то свои обязанности и законы, да и бывает, что мы не исполняем. Конечно же, нет. Тоже все зависит от образа жизни, который человек ведет» (Кер-ва), поскольку «как духовенство – должны, а как люди мы из мирской, то это дело каждого человека – исполнять или нет» (Бур-в).

Среди опрошенных выделилась и группа волонтеристов, чье религиозное пространство формируется на основании собственных мировоззренческих позиций: «вера – дело добровольное, почему я должен исполнять все его распоряжения? Что значит все распоряжения? Для кого распоряжения? Для меня лично или...» (Гул-в); «выполнение распоряжений – на усмотрение каждого человека» (Лат-ва). Категоричные высказывания о том, что епископ мирянина вообще не указ (Пон-ва), самое большее, рекомендация («Я, безусловно, прислушаюсь к совету духовного лица, но решать буду сама» (Вол-в)) дополняются пожеланиями секуляризации коллективного и индивидуального религиозного сознания: «Мне кажется, что нашему государству и православным людям изначально, люди должны думать своей головой, да церковь ведёт, но помимо каких-то духовных устоев есть, что-то у каждого своё, поэтому не все приказы должны исполняться» (Сес-н). Это еще один индикатор медленно, но неуклонно разворачивающихся процессов секуляризации. Они не имеют массового характера, реализуются только на индивидуальном уровне, но приводят к постепенному размыванию того, что церковь и ряд исследователей привыкли считать сообществом традиционных верующих.

Заключение (Conclusions). Представления о главе митрополии (епархии), его функционале и соотнесенности этого набора функций с жизнью рядового прихожанина для современного православного составляют незначительную часть картины мира, поэтому не являются, чаще всего, предметом глубокой заинтересованности. Безразличие влечет за собой сохранение информационной неграмотности, иногда инспирирующей процессы мифогенеза. Высший епархиальный клир (как и сам верховный предстоятель РПЦ МП) существуют в другой реальности, которая крайне редко пересекается с пространством слабо развитой, местами эфемерной в условиях большого города, приходской жизни. Верующий в этой ситуации существует один на один с тем, что он полагает для себя священным, и такой характер отношений является не обременительным, а удобным. Атеистическая политика советского государства не привела к уничтожению религиозной жизни, но она создала условия для ее индивидуализации, возможностей конструирования на личностном уровне, с применением принципов интеллектуального и эмоционального бриколажа. Использование подручных средств в этом процессе обеспечило и обеспечивает большую степень закреплённости религиозного в сознании индивида, гарантируя жизнеспособность религии как совокупности идей, вне зависимости от степени успешности ее реализации в институциональных формах.

Список литературы

- Агафонов П. Н. Архиепископ Пермский и Кунгурский Андроник. 2-е изд., доп. Пермь: изд-во Пермского Петропавловского собора, 1996. 71 с.
- Агафонов П. Н. Духовенство Пермской епархии в 1918-1928 гг. Ч. 1. Пермь: изд-во Пермского Петропавловского собора, 1997. 66 с.
- Агафонов П. Н. Духовенство Пермской епархии в 1928-1965 гг. Ч. 2. Пермь: изд-во Пермского Петропавловского собора, 1997. 75 с.
- Агафонов П. Н. Епископы Пермской епархии в 1918-1928 гг. Век государственного атеизма. Ч. 1. Пермь: изд-во Пермского Петропавловского собора, 1997. 39 с.
- Агафонов П. Н. Епископы Пермской епархии в 1928-1965 гг. Век государственного атеизма. Ч. 2.

Пермь: изд-во Пермского Петропавловского собора, 1997. 39 с.

Агафонов П. Н. Эволюция государственно-церковных отношений в 1920-1929 гг.: на материале Пермской епархии: дис. ... канд. истор. наук. Пермь, 2002. 212 с.

Вяткин В. В. Пермские архипастыри-новомученики. Пермь, 2000. 60 с.

Дубин Б. «Легкое бремя: массовое православие в России 1990-2000-х годов // Религиозные практики в современной России. М., 2006. С. 68- 88.

Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: «Логос», 1999. 384 с.

Коначева С. А. Религиозная ситуация в постсоветской России: особенности процесса секуляризации // Трансформация идентификационных структур в современной России. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 82-105.

Марченко А. Н. Епископы пермской епархии эпохи «хрущевских гонений» на Русскую православную церковь (1958-1964 гг.): очерки церковно-государственных отношений. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011. 280 с.

Марченко А. Н. Защитник Отечества и Веры Христовой: жизнеописание подвижника православной веры Александра (Голстопятова), архиепископа Молотовского, Пермского и Соликамского. М.: «Астер», 2005. 148 с.

Марченко А. «Хрущевская церковная реформа»: очерки государственно-церковных отношений (1958-1964 гг.) (по материалам архивов Уральского региона). Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2007. 198 с.

Марченко А. Н. Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). М., 2015.

Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917-1922 гг. Пермь: Изд-во ПГПУ, Изд-во УрГУ, 2004. 335 с.

Панченко А. А. Христовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект. 2-е изд. М.: ОГИ, 2004. 541 с.

Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Екатеринбург: изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. 382 с.

Прикамский народный собор памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия. Пермь, 2009. 218 с.

Прикамский народный собор памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия. Пермь, 2013. 240 с.

Рязанова С. В. «Вот люди-то там стоят, а ты не можешь»: посещение церкви в современном пермском православном сообществе. Пермь: Изд-во ПГИК, 2018. 172 с.

Рязанова С. В. Диалог Запада и Востока и феномен неоориенталистских культов: дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 1998. 184 с.

Рязанова С. В., Михалева А. В. Феномен женской религиозности в постсоветском обществе: региональный аспект. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2011. 240 с.

Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35-45.

Asad T. The Construction of Religion as an Anthropological Category // A reader in the anthropology of religion. Wiley-Blackwell, 2008. Pp. 110-126.

Borovik I. Institutional and private religion in Poland 1990-1994 // New religious phenomena in Central and Eastern Europe. Krakow: Nomos, 1997. Pp. 235-255.

Dobbelaere K. Assessing secularization theory // New Approaches to the Study of Religion. Berlin, 2004. Vol. 2. Pp. 229-253.

Kippenberg H. G. Religious History, Displaced by Modernity // Religions in the Disenchanted World. Numen, 2000. Vol. 47, № 3. Pp. 221-243.

Kisala R. Urbanization and religion // New Approaches to the Study of Religion. Berlin, 2004. Vol. 2. Pp. 255-274.

Mitchell C. The Religious Content of Ethnic Identities // Sociology. 2006. Vol. 40, № 6. Pp. 1135-1152.

Satlow M. L. Disappearing categories: using categories in the study of religion // Method & Theory in the Study of Religion. 2005. Vol. 17, № 4. Pp. 287-298.

Stump R. W. Regional Variations in the Determinants of Religious Participation // Review of Religious Research. 1986. Vol. 27, № 3. Pp. 208-225.

References

Agafonov, P. N. (1996), *Arhiepiskop Permskiy i Kungurskiy Andronik* [Archbishop Perm and Kungur Andronicus], 2nd ed., Perm Peter and Paul Cathedral, Perm, Russia. (In Russian).

Agafonov, P. N. (1997), *Dukhovenstvo Permskoy eparkhii v 1918-1928 gg.* [Clergy of the Perm diocese in 1918-1928], P. 1, Perm Peter and Paul Cathedral, Perm, Russia. (In Russian).

Agafonov, P. N. (1997), *Dukhovenstvo Permskoy eparkhii v 1928-1965 gg.* [Clergy of the Perm diocese in 1928-1965], P. 2, Perm Peter and Paul Cathedral, Perm, Russia. (In Russian).

Agafonov, P. N. (1997), *Episkopy Permskoy eparkhii v 1918-1928 gg. Vek gosudarstvennogo ateizma* [Bishops of the Perm diocese in 1918-1928. Century of the state atheism], P. 1, Perm Peter and Paul Cathedral, Perm, Russia. (In Russian).

Agafonov P. N. (1997), *Episkopy Permskoy eparkhii v 1928-1965 gg. Vek gosudarstvennogo ateizma* [Bishops of the Perm diocese in 1918-1928. Century of the state atheism], P. 2, Perm Peter and Paul Cathedral, Perm, Russia. (In Russian).

Agafonov, P. N. (2002), "Evolution of the state and church relations in 1920-1929: on material of the Perm diocese", Ph. D. Thesis, Perm, Russia. (In Russian).

Vyatkin, V. V. (2000), *Permskie arhipastyri-novomucheniki* [Perm arch-flamens new martyrs]. Perm, Russia. (In Russian).

Dubin, B. (2006), "Easy burden: mass Orthodoxy in Russia of the 1990-2000th years", in *Religioznye praktiki v sovremennoy Rossii* [Religious practices in modern Russia], Moscow, Russia, 68-88. (In Russian).

Kovalyov, E. M. and Shteinberg, I. E. (1999), *Kachestvennye metody v polevyh sotsiologicheskikh issledovaniyah* [Qualitative methods in field sociological researches], Logos, Moscow, Russia. (In Russian).

Konacheva, S. A. (2001), "Religious situation in Post-Soviet Russia: features of the process of laicization", in *Transformatsiya identifikatsionnyh struktur v sovremennoy Rossii* [Transformation of identification structures in modern Russia], Moscow public scientific fund, Moscow, Russia, 82-105. (In Russian).

Marchenko, A. N. (2011), *Episkopy permskoy eparkhii epokhi «khrushchevskih gonimiy» na Russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' (1958-1964 gg.): ocherki tserkovno-gosudarstvennyh otnosheniy* [Bishops of the Perm diocese of an era of "Khrushchev's persecutions" on Russian Orthodox Church (1958-1964): sketches of the church and state relations], PSU, Perm, Russia. (In Russian).

Marchenko, A. N. (2005), *Zashchitnik Otechestva i Veri Hristovoy: zhizneopisanie podvizhnika pravoslavnoy veri Aleksandra (Tolstopyatova), arkhiepiskopa Molotovskogo, Permskogo i Solikamskogo* [Defender of the Motherland and Vera Khristova: a biography of the devotee of orthodox belief Alexander (Tolstopyatov), archbishop Molotovskiy, Perm and Solikamsk], Aster, Moscow, Russia. (In Russian).

Marchenko, A. N. (2007), «Khrushchevskaya tserkovnaya reforma»: ocherki gosudarstvenno-tserkovnyh otnosheniy (1958-1964 gg.) (po materialam arkhivov Ural'skogo regiona) ["Khrushchev's church reform": sketches of the state and church relations (1958-1964) (on materials of archives of the Ural region)], PSU, Perm, Russia. (In Russian).

Marchenko, A. N. (2015), *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v godi Velikoy Otechestvennoy voyny (1941-1945)* [Russian Orthodox Church in days of the Great Patriotic War (1941-1945)]. Moscow, Russia. (In Russian).

Nechaev, M. G. (2004), *Tserkov' na Urale v period velikih potryaseniy: 1917-1922 gg.* [Church in the Urals in the period of great shocks: 1917-1922] PSPU, USU, Perm, Russia. (In Russian).

Panchenko, A. A. (2004), *Khristovshchina i skopchestvo: Fol'klor i traditsionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt* [Hristovshchina and skopchestvo: Folklore and traditional culture of the Russian mystical sects], 2nd ed., OSE, Moscow, Russia. (In Russian).

Pravoslavie v sud'be Urala i Rossii: istoriya i sovremennost' [Orthodoxy in the fate of the Urals and Russia: history and present] (2010), Yekaterinburg diocese, Ekaterinburg, Russia. (In Russian).

Prikamskiy narodny sobor pamyati ravnoapostol'nyh Kirilla i Mefodiya [Kama national cathedral of memory of Kirill equal to the apostles and Mefodiy], (2009), Perm, Russia. (In Russian).

Prikamskiy narodny sobor pamyati ravnoapostol'nyh Kirilla i Mefodiya [Kama national cathedral of memory of the equal to the apostles Kirill and Mefodiy], (2013), Perm, Russia. (In Russian).

Ryazanova, S. V. (2018), «*Vot lyudi-to tam stoyat, a ty ne mozhesh'*»: *poseshchenie tserkvi v sovremennom permskom pravoslavnom soobshchestve* ["Here people stand there, and you can't": visit of church in modern Perm orthodox community], PSIC, Perm, Russia. (In Russian).

Ryazanova, S. V. (1998), "Dialogue of the West and East and the phenomenon of neoorientalist cults", Ph. D. Thesis, Perm, Russia. (In Russian).

Ryazanova, S. V. and Mikchaleva, A. V. (2011), *Fenomen zhenskoy religioznosti v postsovetskom obshchestve: regional'ny aspekt* [Phenomenon of female religiousness in Post-Soviet society: regional aspect], PSU, Perm, Russia. (In Russian).

Filatov, S. B. and Lunkin, R. N. (2005), "Statistics of the Russian religiousness: magic of figures and ambiguous reality", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (6), 35-45. (In Russian).

Asad, T. (2008), "The Construction of Religion as an Anthropological Category" in *A reader in the anthropology of religion*, Wiley-Blackwell, United States 110-126.

Borovik, I. (1997), "Institutional and private religion in Poland 1990-1994", in *New religious phenomena in Central and Eastern Europe*, Nomos, Krakow, Poland, 235-255.

Dobbelaere, K. (2004), "Assesing secularization theory", *New Approaches to the Study of Religion*, 2, 229-253.

Kippenberg, H. G. (2000), "Religious History, Displaced by Modernity", *Religions in the Disenchanted World*, 47 (3), 221-243.

Kisala, R. (2004), "Urbanization and religion", *New Approaches to the Study of Religion*, 2, 255-274.

Mitchell, C. (2006), "The Religious Content of Ethnic Identities", *Sociology*, 40 (6), 1135-1152.

Satlow, M. L. (2005), "Disappearing categories: using categories in the study of religion", *Method & Theory in the Study of Religion*, 17 (4), 287-298.

Stump, R. W. (1986), "Regional Variations in the Determinants of Religious Participation", *Review of Religious Research*, 27 (3), 208-225.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра УрО РАН

Svetlana V. Ryazanova, Doctor of Philosophy, Leading Research Fellow, Perm Scientific Center of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 316.77: 316. 324.8

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-3

Бердник Е. А.

Рефлексируемые риски сетевых коммуникаций
(результаты онлайн опроса российской молодежи)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
k_berdnik@inbox.ru

Статья поступила 1 августа 2018 г.; Принята 2 сентября 2018 г.;
Опубликована 30 сентября 2018 г.

Аннотация. В статье осуществлена ревизия новейших рисков и угроз, связанных с технологизацией информационно-коммуникативной сферы, а также представлены основные направления научного теоретизирования в указанной области. Особое внимание уделено рассмотрению новых вызовов, которые еще не нашли своего отражения в качестве таковых ни в научном сообществе, ни в политико-правовых документах Российской Федерации, таких как: технологии анализа Больших данных, переход от «социального Web» (Web 2.0) к «когнитивному Web» (Web 3.0), технологии дополненной реальности, трансмедийная трансляция контента. Делается вывод о том, что наличие обозначенных рисков в процессе сетевых коммуникаций молодежи обуславливает необходимость формирования практик их успешной нейтрализации и минимизацию их негативного воздействия. В этой связи в статье актуализируется эмпирический анализ рефлексивной оценки молодыми людьми собственной безопасности в процессе сетевых коммуникаций. Представлены результаты онлайн анкетирования молодых российских пользователей социальной сети «ВКонтакте», на основании которых делается вывод о том, что большая часть молодых людей склонна не фиксировать или игнорировать риски и угрозы в процессе сетевых коммуникаций, отмечая, что сталкиваются с последними редко или практически никогда. Подтверждается гипотеза о дифференцированном восприятии молодыми людьми своей безопасности в Сети, которое коррелирует с их социально-демографическими показателями и ценностными установками.

Ключевые слова: сетевые коммуникации; информационно-коммуникативные риски; информационная безопасность; технологизация информационной сферы; Большие данные; когнитивный Web; молодежь.

Информация для цитирования: Бердник Е. А. Рефлексируемые риски сетевых коммуникаций (результаты онлайн опроса российской молодежи) // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 3. С. 29-44. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-3.

Ekaterina A. Berdnik

**Reflected risks of network communications
(the Russian youth online survey results)**

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
k_berdnik@inbox.ru

Received on August 1, 2018; Accepted on September 2, 2018; Published September 30, 2018

Abstract. The author revises the latest risks and threats associated with technologization of the information and communication sphere, and presents the main directions of scientific theorization in this area. Special attention is paid to the new challenges, which have not yet been reflected as threats in the scientific community or in the political and legal documents of the Russian Federation, such as: Big Data analysis technologies, the transition from the "social Web" (Web 2.0) to the "cognitive Web" (Web 3.0), the augmented reality technologies, and transmedia content delivery. It is concluded that the presence of identified risks in the young people network communication process necessitates their neutralization practices formation and negative impact minimization. In this regard, the article actualizes the empirical analysis of young people's reflexive evaluation of their own safety in the network communications process. The article presents the results of the online survey involving young Russian users of the social network "Vkontakte". The survey enabled to draw a conclusion that the majority of young people tend not to fix or to ignore risks and threats in the network communications process, noting that they rarely or almost never faced the latter. The author confirms the hypothesis of young people's safety in the Network differentiated perception, which correlates with their socio-demographic indicators and values.

Keywords: network communications; information and communication risks; information security; technologization of information and communication sphere; Big Data; cognitive Web; youth.

Information for citation: Berdnik, E. A. (2018), "Reflected risks of network communications (the Russian youth online survey results)", *Research Results. Sociology and management*, 4 (3), 29-44, DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-3.

Введение (Introduction). Бурное развитие информационно-коммуникативных технологий последние пятьдесят лет обуславливает необходимость выработки новых правил существования и взаимодействия в условиях беспрецедентной прозрачности, транспарентности и транзитивности современного мира. Все чаще на международных площадках обсуждаются вопросы будущего человеческой цивилизации в новых технологических условиях, а также этические нормы, выработка которых необходима для безопасного существования человека в транспарентном сетевом мире,

наполненном роботами, при этом на первый план выдвигается оценка «человекомерных» эффектов технологизации информационно-коммуникативных процессов.

В научном сообществе также предпринимаются попытки осмысления экзистенциальной угрозы, вызванной технологическим развитием, становлением глобального сетевого информационно-коммуникативного пространства с функционирующими в нем роботами и искусственным интеллектом, тотальной транспарентностью социальных взаимодействий, а также снижением эффективности государственного управления. Так, швейцарский

ученый-футуролог Герд Леонхард в своей книге «Технология против человечности» (Leonhard, 2016) пытается предсказать риски существования человека в полностью оцифрованном сетевом мире. Автор настаивает на создании Глобального этического совета по цифровым вопросам (Global Digital Ethics Council) и формулирует глобальный манифест киберэтики, в котором отстаиваются права человека на то, чтобы оставаться натуральным (т.е. не размещать технологии внутри своего тела для пользования публичными сервисами и социального взаимодействия); быть неэффективным (иметь возможность быть медленнее, чем технические системы), отключаться от сетей, оставаться анонимным, иметь возможность нанимать людей вместо роботов.

Профессор Оксфордского университета, директор Института будущего человечества, философ Ник Бостром также анализирует угрозы и риски существования человеческой цивилизации в новых технологических условиях (Бостром, 2016). При этом источником существенных опасностей автор называет искусственный интеллект, который может превратиться в суперинтеллект со своими потребностями, целями и будет конкурировать с человеком за доступ к ресурсам. Нейтрализацию обозначенных угроз автор предлагает осуществлять по пути совершенствования средств контроля над сетевыми технологиями, а также, в противовес Герду Леонхарду, отстаивает идею использования технологических достижений для улучшения умственных и физических возможностей человека и обеспечения конкурентоспособности в роботизированном мире.

Траектории социализации и становления подрастающего поколения в новой сетевой информационно-коммуникативной реальности также вызывают много вопросов. Так, российский социолог, директор Фонда «Общественное Мнение» Лариса Паутова отмечает, что «поколение z», пришедшее на смену «поколению y» после 2000-х г.г., имеет ряд характерных черт

(Исследователь 2.0: трансформация профессии в цифровую эпоху, 2017). К ним можно отнести следующее: индивидуализм, стремление к самореализации и поиску «дзен» в противовес карьерному росту любой ценой, отсутствие опыта жизни без интернета, социальных сетей и мобильной связи, потоковое сознание и поверхностность при работе с информацией, новый уровень коммуникабельности, тяга к волонтерству и социальной активности. При этом из уст исследователя звучит предупреждение к подрастающему поколению о необходимости конкурирования с роботами и искусственным интеллектом в будущем.

В этой связи актуализируется анализ восприятия молодыми людьми своей собственной безопасности в процессе сетевой информационно-коммуникативной деятельности, так как именно рефлексивное отношение к сетевым рискам и угрозам является неотъемлемым шагом на пути их нейтрализации.

Методология и методы (Methodology and methods). Перед тем как обратиться к анализу восприятия молодыми людьми собственной безопасности в Сети, осуществим ревизию новейших рисков и угроз, связанных с технологизацией информационно-коммуникативной сферы, а также рассмотрим основные направления научного теоретизирования в указанной области.

Как было отмечено, проблематика информационно-коммуникативных рисков все чаще возникает в повестке обсуждений международных организаций. Так, в ноябре 2016 г. в ООН была принята Резолюция «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», соавторами которой выступили 80 государств из всех регионов мира. В Резолюции приветствуется созыв новой Группы правительственных экспертов ООН по международной информационной безопасности, основной задачей которой «является выработка правил ответственного поведения государств в информационном пространстве» (Генассамблея

ООН приняла резолюцию по информационной безопасности, 2016). Генеральная Ассамблея ООН выступила с призывом о формировании глобальной культуры кибербезопасности и создании национальных программ повышения осведомленности и распространения знаний среди детей и индивидуальных пользователей (Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН, 2009).

В последнем докладе Римского клуба также затрагиваются проблемы цифровизации современного мира, при этом авторы отмечают разрушительный характер данного процесса (Von Weizsäcker and Wijkman, 2018). Последнее обстоятельство связано с тем, что все чаще цифровые технологии используются для обхода правил и регулятивных механизмов, а в цифровом мире также возникают монополии и гангстерские конгломераты, при этом значительно возрастает потребление таких ресурсов как энергия, металлы, вода и др. «Нет сомнения, что все положительные вещи, связанные с ИКТ и цифровыми технологиями, при рассмотрении их прямых последствий с точки зрения устойчивости, вызывают отрицательные эффекты первого порядка» (Von Weizsäcker and Wijkman, 2018: 46).

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, 2016) отмечается, что современные информационные технологии приобрели трансграничный характер. В этой связи защита национальных интересов в данной сфере предполагает, наряду с остальным, сохранение суверенитета РФ в информационном пространстве, обеспечение безопасности в области культуры, а также неприкосновенность частной жизни при использовании информационно-коммуникативных технологий. В Доктрине указывается, что возможности новейших информационно-коммуникативных технологий все чаще используются для информационно-психологического воздействия с

целью дестабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуации в государствах. Вместе с тем «наращивается информационное воздействие на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, 2016). При этом стратегическая стабильность в мире разрушается из-за стремления ряда стран использовать технологическое превосходство для доминирования в информационном пространстве.

Несмотря на то, что документы стратегического планирования РФ достаточно полно отображают риски и угрозы в информационной сфере необходимо обратить внимание на новые вызовы, которые еще не нашли своего отражения в качестве таковых ни в научном сообществе, ни в политике – правовых документах РФ.

1. *Технологии Big Data Analysis* – социально-экономический феномен, который связан с появлением новых технологических возможностей для анализа огромного количества данных (Что такое Big Data, 2017). Существует несколько определений того, что же такое Big Data (Большие данные), но в общем под ними понимают структурированные и неструктурированные данные огромных объемов, которые оставляют пользователи о себе в Сети (Савельев, 2015). Вместе с тем, технологии Big Data Analysis на основе систем искусственного интеллекта позволяют осуществлять сегментацию пользователей в Сети, группировку по моделям поведения, что открывает новые возможности для маркетингового и социально-политического воздействия на пользователей через персонализированную рекламу. Так, выступая на Международном Конгрессе по кибербезопасности в Москве 6 июля 2018 года, глава Сбербанка России Герман Греф отметил, что кража цифровых следов и доступ к цифровому образу в Сети – это угроза для граждан, а Большие данные пользователей становятся важнейшим активом и объектом

противоборства. При этом применение систем искусственного интеллекта, моделей психоаналитики, построение графовых связей между данными, полученными из открытого Интернета делает доступной личную информацию кому угодно (Международный конгресс по кибербезопасности, 2018).

Примером такого использования в политике может служить предвыборная кампания Д. Трампа, которая, как выяснилось, осуществлялась на основе таргетированной рекламы пользователям социальных сетей, разработанной кампанией Cambridge Analytica. Последняя хранила и анализировала данные более чем о 51 млн. граждан, имеющих страницы в Facebook, в большинстве случаев – без их ведома и согласия. По признанию директора компании Александра Никса, на основе этих данных составлялись «психологические портреты» и оказывалось влияние на избирателей в ходе президентской кампании 2016 года в США (Rosenberg, 2018).

Отметим, что в Российской Федерации данная сфера информационно-коммуникативной отрасли еще не получила своего правового регулирования. Но уже вырисовываются два направления такой регуляции:

- государственная монополия на сбор больших пользовательских данных и торговлю ими, государство – хранитель цифрового образа страны;

- свободный сбор данных «data-брокерами» и их коммерческое использование. Именно такой вариант подготавливается Медиа-коммуникационным союзом в разработанном им «Инфокоммуникационном кодексе» (Нагорная, 2018).

2. Развитие технологий анализа Больших Данных обуславливает *переход от «социального Web» (Web 2.0) к «когнитивному Web» (Web 3.0)*. Основная цель Web 3.0 – помочь пользователю сориентироваться в океане информации и найти нужный контент, т.е. предоставлять персонализированную информацию, что достигается благодаря когнитивным агентам, об-

ладающим знаниями, способностью к самообучению, а также характеризующиеся человекоподобным поведением в Сети (Дрожжинов, Райков, 2017). Такого рода агентов еще называют «интеллектуальными агентами» т.к. они представляют собой программные продукты, действующие на основе интеллектуального анализа данных и искусственного интеллекта (Яковлев, 2018). Их функционирование также связано с угрозой сбора пользовательской информации, а также запрограммированным под определенные задачи человекоподобным поведением в Сети, например, распространение определенной информации, поддержание дискуссий и т.д. Все чаще в общественном дискурсе появляются понятия «бот» (сокращение от «робот»), «чат-бот», «ферма ботов», «детский сад ботов», «бот-сети» и т.д. Осязаемость рисков, связанных с деятельностью ботов подтверждает разработка закона в штате Калифорния, который будет обязывать ботов признаваться, что они боты. «Использование бота для общения или взаимодействия с другим лицом в Калифорнийском сегменте Интернета с намерением ввести другого человека в заблуждение относительно его искусственной идентичности с целью заведомо обмануть человека для стимулирования покупки или продажи товаров и услуг в коммерческой сделке или влияния на голосование на выборах должно быть незаконно. Лицо, использующее бота, не несет ответственности в соответствии с настоящим разделом, если лицо раскрывает, что это бот» – отмечается в законопроекте (Legislative counsel's digest, 2018).

3. Поступательное внедрение *технологий дополненной реальности*, которые позволяют вносить цифровой контент в реальный мир в режиме реального времени также несет определенные риски в отсутствие должного регулирования со стороны государства. Примером такого рода технологий могут служить певцы-голограммы или «вокалоиды», которые набирают все большую популярность. Если в России и США используются голограммы реальных

певцов (В. Цоя, М. Джексона и др.), то в Азии колоссальную популярность завоевали именно «вокалоиды» – придуманные персонажи, с синтезированным голосом.

Так виртуальный статус не мешает собирать полные стадионы с миллионами поклонников китайской голограмме в стиле аниме Ло Тяньи. Вместе с тем, Коммунистическая партия Китая обязала разработчиков голограммы, компанию Shanghai Wangcheng, включить в репертуар «острые социальные вопросы и позитивные ценности, чтобы распространять их среди молодого поколения». Уже появились первые видео, на которых голограмма поёт гимн КНР «Марш добровольцев». В настоящее время компания Shanghai Wangcheng занимается производством виртуальных персонажей для китайских государственных органов и неправительственных организаций с целью донести необходимую им информацию до молодого поколения (Бовдунов, 2017).

Отметим, что подобное использование новейших технологий в Китае получает двоякие оценки мирового сообщества: с одной стороны, указывается на отсутствие свободы, информационный тоталитаризм, проводятся аналогии с Большим братом; с другой – отмечается цивилизационная субъектность Китая, которая позволяет ассимилировать любую новейшую социальную технологию или любое технологическое устройство без внесения изменений в основу своего культурного ядра.

Вместе с тем, следует признать, что технологии дополненной реальности обладают колоссальными возможностями по воздействию на механизмы нормативно-ценностной регуляции и формирования жизненных стратегий в молодежной среде, что требует более внимательного отношения к ним со стороны государства.

4. Новая философия подачи контента, возникшая на базе новейших медийных платформ – *трансмедийное повествование* – также может стать существенным фактором дестабилизации информационно-

коммуникативного пространства. Суть последней заключается в том, что повествование (история) раскрывается через вербальную и невербальную коммуникации, с использованием разных медиасредств (видео, фото, изображения) и медиaplatform (телевидение, мобильное приложение, YouTube-канал, Vkontakte и др.). Американский теоретик медиа Г. Дженкинс концептуализирует трансмедийное повествование как «процесс, при котором отдельные части истории доставляются аудитории по различным каналам с целью создания единого целостного ее представления» (Jenkins, 2011). Главной особенностью является то, что истории не повторяются в разных формах повествования, а, наоборот, дополняют друг друга с целью конструирования цельного информационного пространства. Такой способ подачи информации позволяет добиться субъективности восприятия с помощью многомерности, гиперссылочности. При этом повествование осуществляется от лица нескольких героев, а не из одного источника или от одного журналиста, а у потребителя есть возможность воспринимать информацию по индивидуальной траектории. Кроме того, создается эффект присутствия путем переплетения повествования с помощью текста, аудио-, видеоинформации, а также новейших технологий. В результате трансмедийные истории обретают сегодня все большую популярность, благодаря возможности создания картины вымышленного мира, стирая при этом границу между реальным и виртуальным. Вместе с тем, подобная форма подачи контента открывает широкие возможности для манипулирования общественным мнением, распространения «фейк-ньюз», создания псевдознания.

Так, группа американских исследователей во главе с Джошуа Интроном проанализировала то, как люди объединяют онлайн информацию в псевдознание (Introne et al., 2018). Авторы обнаружили, что ложные повествования (нарративы) не просто передаются от человека к человеку в социальных сетях, а строятся из разрозненных

фрагментов информации, получаемой из нескольких источников, постепенно становясь частью правдоподобной реальности и псевдознанием.

В другом исследовании, предпринятом К. Старбирд, было установлено, что множество альтернативных новостных изданий действуют совместно, чтобы продвигать более широкую систему политических убеждений, которая сплетена из ложных повествований, вытекающих из текущих событий (Starbird, 2017). При этом различные сайты играют разные роли в обнаружении ложных повествований, причем некоторые из них используются в качестве доказательной базы, в то время как другие объединяют доказательства для создания более насыщенных историй.

Таким образом, подобный способ подачи контента, который стал возможен благодаря новейшим ИКТ, требует своего дальнейшего изучения с точки зрения его рискогенности и манипулятивного потенциала.

В целом, обобщая ревизию новейших рисков и угроз, связанных с технологизацией информационно-коммуникативной сферы необходимо обозначить основные направления научного теоретизирования в указанной области. Так научный подход к данной проблеме позволяет сформулировать различные ее уровни и направления. В первую очередь отметим, что сущность информационно-коммуникативных рисков и угроз, а также проблем информационной безопасности социальных субъектов сводится к «защите информации и защите от информации», что определяет развитие двух базовых направлений, связанных: 1) с разработкой технической базы для обеспечения устойчивости программного обеспечения информационных сетей и сохранения конфиденциальности, целостности информации (технологический подход); 2) с выявлением, оценкой последствий, нейтрализацией, а также защитой от негативной, неадекватной, манипулятивной информации (контентный подход) (см. напр., Владимирова, 2011; Наберушкина, Бердник, 2016).

Научное рассмотрение проблемы информационной безопасности и анализа информационно-коммуникативных рисков и угроз в вертикальной плоскости позволяет выявить различные уровни ее проявления. Так, макроуровень затрагивает вопросы устойчивости, управляемости и воспроизводимости социальных систем в новых информационно-коммуникативных условиях, на мезоуровне актуализируются обозначенные вопросы в рамках различных социальных групп и организаций. При этом микроуровень отражает проблемы обеспечения информационной безопасности личности в пространстве сетевых коммуникаций, без решения которых невозможно дальнейшее стабильное существование системообразующих структур общества. Вместе с тем исследование вопросов информационной безопасности, нейтрализации информационно-коммуникативных рисков и угроз в различных сферах и отраслях общественной жизни (политической, экономической, социальной, духовно-культурной) отражает горизонтальную плоскость указанной проблемы.

Значительный интерес представляют научные наработки в сфере изучения информационно-коммуникативного среза бытия современной молодежи. При этом по мере осмысления воздействия сетевых коммуникаций на социализационные процессы и выбор жизненных стратегий исследователи все чаще обращаются к эмпирическому анализу рискогенности сетевых коммуникаций, а также к исследованию вопросов обеспечения информационной безопасности молодых людей (Бердник, 2018). На основании проведенных в этой области исследований можно выделить следующие группы рисков и угроз, с которыми сталкиваются молодые люди в процессе сетевых коммуникаций (см. напр. Морозова, 2016):

- технологические – вирусное ПО, утечка персональных данных, взломы аккаунтов и т.д.;

- экономические – несанкционированное снятие денежных средств, финансовое мошенничество, вирусный маркетинг;

- психофизиологические – расстройства памяти, сна, низкая физическая активность, интернет-зависимость и т.д.;
- когнитивные – рассредоточенность внимания, трудности с запоминанием, пониманием, прочтением текстовой информации;
- контентные – материалы явно содержащие незаконную, деструктивную информацию;
- манипулятивные воздействия – материалы, скрыто содержащие информацию для воздействия на мотивацию и поведение пользователей;
- негативная коммуникация – нежелательные контакты «кибербуллинг» или кибертравля, киберпреследования, «груминг» или сексуальные домогательства в Сети;
- самоизоляция – отказ от социальной жизни.

Наличие обозначенных рисков в процессе сетевых коммуникаций молодежи делает необходимым минимизацию их негативного воздействия, а также формирование практик их успешной нейтрализации. Решение данных вопросов, по нашему мнению, неразрывно связано с осознанием рискогенности сетевого пространства и учетом данного обстоятельства при осуществлении информационно-коммуникативной деятельности в Сети. Вместе с тем методологической базой исследования стали идеи о социальной конструируемости риска, обусловленности его восприятия ценностными, социокультурными установками социальных субъектов, которые детально разработаны в работах М. Дуглас, А. Вилдавски, К. Дейк и др. (Вилдавски, Дейк, 1994; Дуглас, 2000; Чупров, Зубок, Уильямс, 2003). При этом тезис о том, что риск социально конструируем, а значит, его оценка не свободна от ценностей, стал важным отличием социокультурного подхода в современной рискологии.

Указанные методологические основания позволили выдвинуть гипотезу о наличии дифференцированного восприятия собственной безопасности и сетевых рисков в молодежной среде, которое коррелирует с социально-демографическими характеристиками и ценностными установками молодых людей. Для прояснения обозначенных вопросов нами было предпринято эмпирическое исследование в январе – июле 2017 года на основе онлайн анкетирования. В качестве генеральной совокупности исследования были выбраны российские пользователи социальной сети «ВКонтакте». Рекрутирование осуществлялось посредством рассылки личных сообщений и размещения постов в различных сообществах с предложением пройти по ссылке социологического исследования, размещенного в сети Интернет с помощью специализированной автоматической формы google. forms. Сформированная по результатам опроса выборка составила 300 человек и отразила основные социально-демографические характеристики молодых российских пользователей Сети от 14 до 29 лет. Целью предпринятого эмпирического исследования было выявление рефлексивной оценки молодыми людьми собственной безопасности в процессе сетевых коммуникаций, а также проверка гипотезы о дифференцированном восприятии информационно-коммуникативных рисков, в корреляции с социально-демографическими характеристиками и ценностными установками молодых людей.

Научные результаты и обсуждение (Research results and discussion).

В ходе исследования было установлено, что на вопрос «Насколько безопасно Вы ощущаете себя в Сети?» молодые респонденты отвечают весьма неоднозначно (рис. 1).

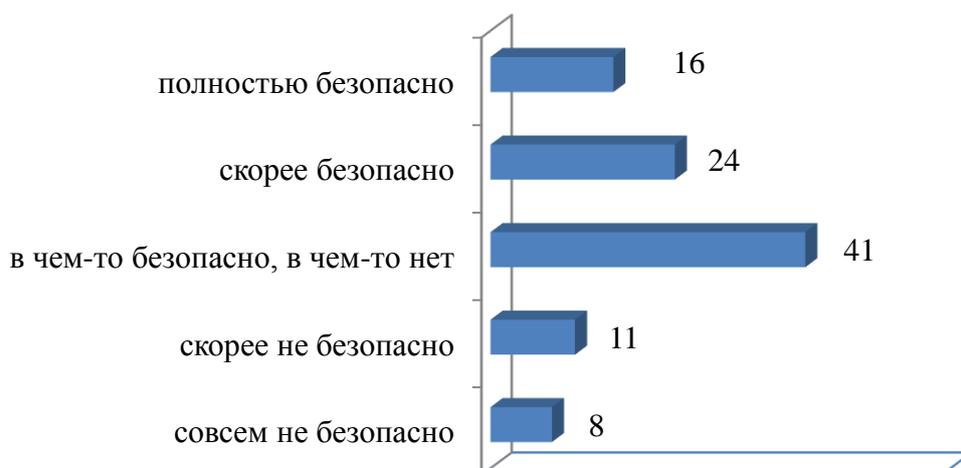

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос
«Оцените, насколько безопасно Вы ощущаете себя в Сети?», %
Fig. 1. Distribution of answers to the question «Assess, how safe you feel online», %

Из полученных данных видно, что в целом 40% опрошенных ощущают себя безопасно в Сети, 41% – все же сомневается в своей безопасности и только 19% – чувствуют себя небезопасно в Сети. Подобное распределение отражает, по нашему мнению, тенденцию к игнорированию существующих рисков и угроз в процессе сетевых коммуникаций. Данный вывод подтверждает и распределение ответов на вопрос о частоте столкновения с нижеперечисленными рисками и угрозами (табл. 1).

Как видно из таблицы альтернатива «часто» и «иногда» были наименее выбираемыми. Свои столкновения с нижеперечисленными рисками и угрозами молодые люди описывают понятиями «редко» и «практически никогда». Вместе с тем полученные данные идут вразрез с результатами предпринятого нами анализа контента социальных медиа, где было установлено, что негативный контент встречается в более чем в половине, предложенной молодым людям информации (Бердник, 2018).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Оцените, как часто Вы сталкиваетесь со следующими сетевыми рисками и угрозами?» (где 4 – часто, 3 – иногда, 2 – редко, 1 – практически никогда)

Table 1

Distribution of answers to the question «Assess, how often you face the following network risks and threats?» (4 – often, 3 – sometimes, 2 – rarely, 1 – almost never)

Ранг	Информационно-коммуникативные риски	Средние значения
1	Негативный контент	2
2	Технологические	1,9
3	Манипулятивное воздействие	1,7
4	Психофизиологические	1,7
5	Когнитивные	1,6
6	Негативная коммуникация	1,3
7	Самоизоляция	1,2
8	Экономические	1

Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодые люди склонны не замечать или игнорировать информационно-коммуникативные риски сетевых коммуникаций, в целом ощущая себя безопасно в Сети.

Вместе с тем, в контексте нашего исследования значительный интерес представляли социально-демографические характеристики и ценностные установки молодых людей, которые имеют различное восприятие информационно-коммуникативных рисков и угроз. Для изучения данного аспекта, на основании вопроса «Оцените, насколько безопасно Вы ощущаете себя в Сети» нами были выделены две группы респондентов: «осторожные» – ребята которые чувствуют себя небезопасно в Сети (19% ответивших на вопрос); «смелые» молодые люди, которые чувствуют себя в безопасности в процессе сетевых коммуникаций (40% ответивших на вопрос). Отметим, что интерес представляли именно полюсные группы респондентов,

так как их сравнение дает более четкую картину различий. Анализ изучаемых характеристик в выделенных группах позволил выявить статистически значимые различия в социально-демографических показателях и ценностных установках респондентов¹.

Охарактеризуем социально-демографические показатели в выделенных группах. Как видно из таблицы 2 «смелые» ребята моложе (в среднем им 17 лет), соответственно у них ниже уровень образования (среднее общее/среднее профессиональное), но выше материальное положение. В то же время «осторожные» молодые люди старше (около 21 года), они, либо окончили средние профессиональные учебные заведения, либо являются студентами высших учебных заведений, при этом отмечают, что денег в основном хватает только на самое необходимое. Вместе с тем по признаку «Пол» не было обнаружено статистически значимых различий, т.е. восприятие своей безопасности в Сети не зависит от пола респондентов.

Таблица 2

Социально-демографические характеристики в выделенных группах: возраст (метрическая переменная); уровень образования (где 1 – неоконченное среднее, 2 – среднее общее, 3 – среднее профессиональное; 4 – высшее бакалавриат/неоконченное, 5 – магистратура/специалитет, 6 – аспирантура, ученая степень); материальное положение (1 – денег не хватает на самое необходимое, 2 – все деньги расходуются на покупку вещей первой необходимости, 3 – хватает на все, кроме товаров длительного пользования, 4 – живем обеспеченно, но не можем осуществить крупные покупки, 5 – можем позволить практически все)

Table 2

Socio-demographic characteristics in the selected groups:

age (metric variable); education level (1 – incomplete secondary, 2 – secondary, 3 – vocational; 4 – bachelor's degree /incomplete, 5 – master's degree/ specialist, 6 – postgraduate, PhD); financial situation (1 – money is not enough for bare essentials, 2 – all the money is spent on bare essentials, 3 – enough for all, except durable goods, 4 – live securely, but cannot make large purchases, 5 – can afford almost everything)

Социально-демографические характеристики	Средние значения		Статистическая значимость различий (95% доверительный интервал) <i>Sig</i>
	«осторожные»	«смелые»	
Возраст	21	17	0,004
Уровень образования	3,7	2,5	0,003
Материальное положение	2,8	3,2	0,004

¹Статистическая значимость различий устанавливалась с помощью Т-тестов для независимых выборок в программе SPSS.

Анализ ответов на вопрос «С какого возраста Вы начали пользоваться виртуальными социальными сетями» в выделенных группах показал, что «осторожные» ребята начинают пользоваться социальными сетями преимущественно в 14 лет, в то время как средний возраст начала сетевой деятельности «смелых» ребят составляет 12 лет.

Отвечая на вопрос, с какими рисками молодые люди сталкиваются чаще всего,

«осторожные» отмечают, что чаще сталкиваются с технологическими рисками, в отличие от «смелых» (табл. 3). Можно предположить, что рискогенность сетевого пространства, ребятами, которые ощущают себя небезопасно в Сети, в целом связывается с технологическими угрозами (вирусным ПО, утечкой персональных данных, взломы аккаунтов и др.). При этом контентные риски не актуализируются ни «осторожными», ни «смелыми» респондентами.

Таблица 3

Распределение в выделенных группах ответов на вопрос «Как часто Вы сталкиваетесь со следующими сетевыми рисками и угрозами?» (где 4 – часто, 3 – иногда, 2 – редко, 1 – практически никогда, 0 – трудно сказать)

Table 3

Distribution of answers in the selected groups to the question «Assess, how often you face the following network risks and threats?» (4 – often, 3 – sometimes, 2 – rarely, 1 – almost never)

Риски	Средние значения		Статистическая значимость различий (95% доверительный интервал) Sig
	«осторожные»	«смелые»	
Технологические	2,5	1,7	0,003
Психофизиологические	1,6	1,6	0,982
Экономические	1,2	1,3	0,599
Когнитивные	1,5	1,6	0,280
Негативный контент	2	2,1	0,082
Манипулятивное воздействие	1,7	1,8	0,257
Нежелательные контакты	1,3	1,2	0,480
Самоизоляция	1	1,2	0,121

Анализ ценностных установок в выделенных группах (табл. 4), несмотря на схожесть ценностных ориентаций, показал дифференцированное отношение к матери-

альному благополучию – для «смелых» ребят оно оказалось самым ценным, более значимым для них оказалось и участие в общественной жизни, в решении общественных проблем.

Таблица 4

Распределение в выделенных группах ответов на вопрос «Насколько ценно лично для Вас ...?» (где, 3 – ценно, 2 – отчасти ценно, отчасти нет, 1 – совсем не ценно, 0 – трудно сказать)

Table 4

Distribution of answers in the selected groups to the question «How valuable is to you» (3 – valuable, 2 – partly valuable, partly not, 1 – not valuable, 0 – hard to say)

Ценности	Средние значения		Статистическая значимость различий (95% доверительный интервал) <i>Sig</i>
	«осторожные»	«смелые»	
1. Интересная творческая работа	2,5	2,6	0,982
2. Материальное благополучие	2,5	3	0,003
3. Хорошие отношения с окружающими людьми	2,6	2,7	0,599
4. Возможность приносить пользу людям	2,4	2,2	0,280
5. Участие в общественной жизни, в решении общественных проблем	2	2,6	0,005
6. Образованность, знание	2,7	2,6	0,257
7. Личное спокойствие, отсутствие неприятностей	2,5	2,7	0,480
8. Семейное благополучие	2,6	2,7	0,121
9. Здоровье	2,6	2,6	0,468
10. Полноценный отдых, интересные развлечения	2,6	2,6	0,438
11. Высокое служебное и общественное положение	2,3	2,3	0,846
12. Приобщение к литературе и искусству	2,2	2,3	0,321
13. Экологическая безопасность	2,3	2,2	0,798
14. Взаимопонимание с родителями, старшим поколением	2,6	2,5	0,035
15. Личная свобода независимость в суждениях и действиях	2,5	2,4	0,176
16. Возможность развития, реализации своих талантов	2,4	2,5	0,736
17. Экономическая независимость	2,5	2,4	0,067
18. Бытовой комфорт	2,4	2,4	0,198
19. Свободный доступ к Интернет	2,4	2,3	0,054

Резюмируя проведенное эмпирическое исследование можно сделать вывод о том, что большая часть молодых людей склонна не фиксировать или игнорировать риски и угрозы в процессе сетевых коммуникаций, отмечая, что сталкиваются с последними редко или практически никогда.

Вместе с тем, подтверждена гипотеза о дифференцированном восприятии молодыми людьми своей безопасности в Сети, которое коррелирует с их социально-демографическими показателями и ценностными установками. «Смелые» молодые люди в целом моложе (менее 18 лет), они

раньше начинают пользоваться виртуальными социальными сетями, при этом материальное благополучие и участие в решении социальных проблем являются приоритетными для них. В то же время «осторожные» молодые люди старше (им более 20 лет), образованность и знание для них стоят на первом месте. Примечательно то, что основную угрозу своей безопасности в Сети они связывают с технологическими рисками (вирусным ПО, хищением персональных данных, взломами аккаунтов и др.). При этом контентные риски не актуализированы ни в одной из выделенных групп.

Заключение (Conclusions). Таким образом, налицо недостаточная информированность российской молодежи о современных вызовах и угрозах в информационно-коммуникативной сфере. Данное обстоятельство требует выработки совместных подходов всех заинтересованных сторон – государственных структур, родительских ассоциаций, образовательных организаций представителей гражданского общества, НКО, поставщиков Интернет-услуг, администраторов популярных онлайн-сервисов. Их взаимодействие позволит создать единую нормативно-правовую базу по защите и регулированию информационно-коммуникативной деятельности молодых людей в сети Интернет, разработать просветительскую федеральную программу, которая решит задачи повышения осведомленности и получения навыков по обеспечению информационной безопасности с учетом новейших вызовов и угроз в этой сфере, инициировать всероссийские научные исследования по анализу стратегий родительского контроля, изучению онлайн-активности подрастающего поколения, оценке ими собственной безопасности в Сети, сформировать систему рейтингования безопасных ресурсов в виртуальном пространстве, поставщиков Интернет-услуг, а также программных средств обеспечения безопасности в Сети.

Список литературы

Бердник Е. А. Контентные риски в поле сетевой культуры молодежи (на примере анализа сообществ «ВКонтакте») // Человек. Общество. Инклюзия. МГГЭУ, 2018. № 1 (33). С. 12-30.

Бовдунов А. Цифровой дракон: как Китай строит общество тотального контроля с помощью интернет-технологий // RT на русском. 31.12.2017 г. URL: <https://russian.rt.com/world/article/466304-kitai-kontrol-internet-tehnologii> (дата обращения: 15.08.2018).

Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.

Вилдавски А., Дейк К. Теории восприятия риска: кто боится, чего и почему? // Thesis: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 5. С. 268-276.

Владимирова Т. В. Сетевые коммуникации как источник информационных угроз // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». 2011 г. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/20/1267451215/Vladimirova.pdf> (дата обращения: 10.09.2018).

Генассамблея ООН приняла резолюцию по информационной безопасности // Информационное агентство ТАСС. 02.11.2016 г. URL: <https://tass.ru/politika/3754890> (дата обращения: 11.09.2018).

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 05.12.2016 г. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 06.09.2018).

Дрожжинов В. И., Райков А. Н. Веб-технологии, искусственный интеллект и когнитивное правительство // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2017. Т. 13. № 2. С. 153-169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/veb-tehnologii-iskusstvennyy-intellekt-i-kognitivnoe-pravitelstvo> (дата обращения: 14.09.2018).

Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2000.

Международный конгресс по кибербезопасности / Выступление Г. Грефа на пленарной сессии, 06.07.2018 г. URL: <https://icc.moscow/translyatsii.html> (дата обращения: 12.09.2018).

Международный социологический ма-
рафон «Исследователь 2.0: трансформация про-
фессии в цифровую эпоху» / Выступление
Л. Паутовой, 12.12.2017 г. URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=v7aWcVUFEBQ>
(дата обращения: 11.09.2018).

Морозова А. А. Основные виды рисков
медиапотребления в социальных сетях: на при-
мере «ВКонтакте» // Журналистика цифровой
эпохи: как меняется профессия: материалы
междунар. науч.-практ. конф.: к 80-летию жур-
налист. образования на Урале и 75-летию фак.
журналистики Урал. ун-та, Екатеринбург, 14-15
апр. 2016 г.; М-во образования и науки РФ,
Урал. федер. ун-т им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2016.
С. 117-120.

Наберушкина Э. К., Бердник Е. А. Со-
циокультурные аспекты информационной без-
опасности в сетевом обществе // Научные ведо-
мости Белгородского государственного универ-
ситета. Серия: Философия. Социология. Право.
Белгород, 2016. № 17 (237). С. 90-99.

Нагорная М. Бизнес-сообщество обсуж-
дает идею создания Инфокоммуникационного
кодекса // Адвокатская газета. 17.01.2018 г.
URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/biznes-soobshchestvo-obsuzhdaet-ideyu-sozdaniya-infokommunikatsionnogo-kodeksa/>
(дата обращения: 10.09.2018).

Резолюция, принятая Генеральной Ас-
самблей 21.12.2009 г. URL:
<https://undocs.org/ru/A/RES/64/211>
(дата обращения: 02.09.2018).

Савельев А. И. Проблемы применения
законодательства о персональных данных в
эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право.
Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1.
С. 43-66.

Что такое Big data: собрали всё самое
важное о больших данных // Образовательные
материалы Rusbase. 16.05.2017 г. URL:
<https://rb.ru/howto/chto-takoe-big-data/>
(дата обращения: 04.09.2018).

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К.
Молодежь в обществе риска; Рос. акад. наук,
Ин-т соц.-полит. исслед., М-во образования РФ,
Департамент по молодеж. политике. 2-е изд.
М.: Наука, 2003. 230 с.

Яковлев К. Интеллектуальные агенты //
Постнаука. 10.09.2018 г. URL:
<https://postnauka.ru/video/88720>
(дата обращения: 15.09.2018).

Introne J., Yildirim, I. G., Iandoli, L.,
Decook, J., Elzeini, S. How people weave online
information into pseudoknowledge // Social Me-
dia+Society. 2018. № 4 (3). URL: <http://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2056305118785639>
(дата обращения: 15.09.2018).

Jenkins H. Transmedia 202: Further Re-
flections // Confessions of an Aca-Fan. Los Ange-
les, 2011. URL: http://henryjenkins.org/blog/2011-08/defining_transmedia_further_re.html
(дата обращения: 15.01.2018).

Legislative counsel's digest: SB 1001,
Hertzberg. Bots: disclosure. 05. 02.2018 г. URL:
https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=201720180SB1001
(дата обращения: 15.09.2018).

Leonhard, G. Technology vs. Humanity:
The Coming Clash Between Man and Machine
(Futurescapes). USA: Fast Future Publishing Ltd.,
2016.

Rosenberg, M. Cambridge Analytica Sus-
pends C.E.O. Amid Facebook Data Scandal // The
New York times. 20 March 2018. URL:
<https://www.nytimes.com/2018/03/20/world/europe/cambridge-analytica-ceo-suspended.html?action=click&module=Top%2520Stories&pgtype=Homepage>
(дата обращения: 12.09.2018).

Starbird K. Examining the alternative me-
dia ecosystem through the production of alternative
narratives of mass shooting events on Twitter //
Proceedings of the International AAAI Conference
on Web and Social Media. 2017. URL:
<https://www.aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/ICWSM17/paper/view/15603>
(дата обращения: 15.09.2018).

Von Weizsäcker E. U., Wijkman A. Come
On! Capitalism, Short-termism, Population, and
the Destruction of the Planet. New York: Springer,
2018.

References

Berdnik, E. A. (2018), "Content risks in
the field of youth network culture (on the example
of "Vkontakte" communities analysis)", *Human.
Society. Inclusion*, 1 (33), 12-30. (In Russian).

Bovdunov, A. (2017), *Digital dragon: how
China is building a total control society with the
help of Internet technologies* [Online], available at:
<https://russian.rt.com/world/article/466304-kitai-kontrol-internet-tehnologii>
(Accessed 15 September 2018). (In Russian).

Bostrom, N. (2016), *Iskusstvenny intellect.
Etapy. Ugrozy. Strategii* [Superintelligence: Paths,

Dangers, Strategies], Translated by Filin S., Moscow, Russia. (In Russian).

Wildavsky, A. and Dake, K. (1994), "Theories of risk perception: who fears what and why?", *Thesis*, 5, 268-276. (In Russian).

Vladimirova, T. V. (2011), *Setevye komunikatsii kak istochnik informatsionnyh ugroz* [Network communications as a source of information threats], The Federal educational portal "Economics. Sociology. Management" [Online], available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/20/1267451215/Vladimirova.pdf> (Accessed 10 September 2018). (In Russian).

The UN General Assembly adopted a resolution on information security (2016), [Online], available at: <https://tass.ru/politika/3754890> (Accessed 11 September 2018). (In Russian).

The Russian Federation information security doctrine (2016), [Online], available at: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (Accessed 6 September 2018). (In Russian).

Drozhzhinov, V. I. and Raikov, A. N. (2017), "Web technologies, artificial intelligence and cognitive government", *Modern information technologies and IT education*, 13 (2), 153-169. (In Russian).

Douglas, M. (2000), *Chistota i opasnost': analiz predstavleniy ob oskvernenii i tabu* [Purity and Danger. An Analysis of the Concepts of Defilement and Taboo], Kanon-Press-Cz: Kuchkovo pole, Moscow, Russia. (In Russian).

International Congress on cybersecurity (2018), [Online], available at: <https://icc.moscow/translyatsii.html> (Accessed 12 September 2018). (In Russian).

International sociological marathon "Researcher 2.0: transformation of the profession in the digital age" (2017), [Online], available at: <https://www.youtube.com/watch?v=v7aW-cvUFeBQ> (Accessed 11 September 2018). (In Russian).

Morozova, A. A. (2016), "The main types of risks of media consumption in social networks on the example of "Vkontakte", *Zhurnalistika cifrovoj ehpoi: kak menyaetsya professiya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: k 80-letiyu zhurnalist. obrazovaniya na Urale i 75-letiyu fak. zhurnalistiki Ural. un-ta*, Ekaterinburg, Russia, 117-120. (In Russian).

Naberushkina, E. K. and Berdnik, E. A. (2016), "Socio-cultural aspects of information se-

curity in a network society", *Belgorod State University Scientific Bulletin: Philosophy. Sociology. Law*, 17 (237), 90-99. (In Russian).

Nagornaya, M. (2018), "The business community discussing the idea of creating an Info-communication code" [Online], available at: <https://www.advgazeta.ru/novosti/biznes-soobshchestvo-obsuzhdaet-ideyu-sozdaniya-infokommunikatsionnogo-kodeksa/> (Accessed 10 September 2018).

UN General Assembly Resolution (2009), [Online], available at: <https://undocs.org/ru/A/RES/64/211> (Accessed 02 September 2018). (In Russian).

Savel'ev, A. I. (2015), "Personal data legislation application problems in the era of "Big data", *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 1, 43-66. (In Russian).

What is Big data: we have collected the most important things about big data (2017), [Online], available at: <https://rb.ru/howto/chto-takoe-big-data> (Accessed 04 September 2018). (In Russian).

Chuprov, V. I., Zubok, Y. A. and Uil'yams, K. (2003), *Molodezh' v obshchestve riska* [Youth at risk society], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian).

Yakovlev, K. (2018), *Intelligent agents* [Online], available at: https://postnauka.ru/video/88720_ (Accessed 15 September 2018). (In Russian).

Introne, J., Yildirim, I. G., Iandoli, L., Decook, J., & Elzeini, S. (2018), "How people weave online information into pseudoknowledge", *Social Media+Society*, 4 (3), [Online], available at: <http://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2056305118785639> (Accessed 15 September 2018). (In Russian).

Jenkins, H. (2011), "Transmedia 202: Further Reflections", *Confessions of an Aca-Fan*, Los Angeles, USA. [Online], available at: http://henryjenkins.org/blog/2011-08/defining-transmedia_further_re.html (Accessed 15 September 2018)

Legislative counsel's digest: SB 1001, Hertzberg. Bots: disclosure, (2018). [Online], available at: https://leginfo.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=201720180SB1001 (Accessed 15 September 2018).

Leonhard, G. (2016), *Technology vs. Humanity: The Coming Clash Between Man and Machine (Futurescapes)*, Fast Future Publishing Ltd., USA.

Rosenberg, M. (2018), "Cambridge Analytica Suspends C.E.O. Amid Facebook Data Scandal", *The New York times*, [Online], available at: <https://www.nytimes.com/2018/03/20/world/europe/cambridge-analytica-ceo-suspended.html?action=click&module=Top%2520Stories&pgtype=Homepage> (Accessed 12 September 2018).

Starbird, K. (2017), "Examining the alternative media ecosystem through the production of alternative narratives of mass shooting events on Twitter", in *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, [Online], available at: <https://www.aaai.org/ocs/index.php/ICWSM/ICWSM17/paper/view/15603> (Accessed 12 September 2018).

Von Weizsäcker, E. U. and Wijkman, A. (2018), *Come On! Capitalism, Short-termism, Population, and the Destruction of the Planet*, Springer, New York, USA.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Бердник Екатерина Александровна, старший преподаватель кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Ekaterina A. Berdnik, Senior Lecturer of the Department of International Relations, Foreign Regional Studies and Political Science, Belgorod State National Research University.

УДК 316.3

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-4

Василенко Л. А.

«Нормальная аномия»: трансформация институтов
в условиях сложного социума

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
проспект Вернадского, 82, г. Москва, 119571, Россия
vasilenkola@mail.ru

*Статья поступила 1 сентября 2018 г.; Принята 15 сентября 2018 г.;
Опубликована 30 сентября 2018 г.*

Аннотация. Исследуется феномен «нормальной» аномии на примере трансформации социальных институтов в условиях сложного социума и одновременного стремления индивидов к двум противоположным тенденциям: а) к обновлению, включая крайние формы (девиации, патологии), б) возврату к старым социальным институтам. Подчеркивается особенность современного периода – переход доминанты институциональных правил от крупных социальных групп к менее крупным, но обладающих большим влиянием и совокупностью капиталов. Обсуждается феномен «спонтанной социализации» применительно к процессам быстрого формирования нового порядка в современных коммуникациях. Высказана идея о возможности применения методологии эволюционной фрактальности и кроссдисциплинарного синтеза естественных, социальных, гуманитарных наук и теологии к исследованию «нормальной» аномии. Показаны возможные пути трансформации социальных институтов или их самосохранения за счет введения «фрактально-рамочного» регулирования, своевременного изменения внутренней структуры, содержания выполняемых функций и скорости изменения социального порядка – необходимых условий устойчивости общества как социальной системы. Представлены варианты рекурсивного распространения фракталов поведения (потенциала «нормальной» аномии) на материалах социологических исследований: а) эффекта дисхроноза – прототипа вариантов концепции «нормальной аномии»; б) применения в блогосфере скрытых инструментов управления; в) продвижения фрактала открытого управления и ответного эффекта сопротивления управленческой среды (свойство резистентности) как ограничения рекурсивного процесса. Поставлен проблемный вопрос, почему одни форматы поведения в социуме фрактально заполняют наше социальное пространство, тогда как другие, не могут осуществлять эти рекурсивные процессы, пребывая в «спящем» состоянии. В качестве гипотезы рассматривается наличие достаточной энергетической мощности рекурсивно распространяемого фрактала (формата поведения) и введение фрактально-рамочного регулирования устойчивости социальной системы.

Ключевые слова: аномия; «нормальная» аномия; социальный институт; сложный социум; социальные изменения; спонтанная социализированность; нелинейность; кроссдисциплинарный синтез; фрактал; открытость; фрактально-рамочное регулирование устойчивости социальной системы.

Информация для цитирования: Василенко Л. А. «Нормальная аномия»: трансформация институтов в условиях сложного социума // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 3. С. 45-56. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-4.

Ludmila A. Vasilenko

«Normal anomie»: transformation of institutions
in a complex society

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia
vasilenkola@mail.ru

Received on September 1, 2018; Accepted on September 15, 2018; Published September 30, 2018

Abstract. The author examines the phenomenon of "normal" anomie on the example of the transformation of social institutions in a complex society. It is emphasized that the peculiarity of the modern period – the transition of the dominant institutional rules from large social groups to smaller, but with greater influence and a set of capitals. The author examines the phenomenon of "spontaneous socialization" in the process of rapid formation of a new order in modern communications. The idea was expressed about the possibility of applying the methodology of evolutionary fractality and cross-disciplinary synthesis of natural and social sciences, humanities and theology to the study of "normal" anomie. The author showed the options of recursive spread of the fractal behavior (the capacity of "normal" anomie) on materials of sociological research: a) the dyshronosis effect – a prototype of the concept of "normal anomie" variants; b) the use of hidden management tools in the blogosphere; c) promotion of the open management fractal and the response effect of the resistance of the management environment (resistance property) as a limitation of the recursive process. A problematic question has been posed: why do some formats of behavior in society fractally fill our social space, while others cannot carry out these recursive processes being in a "sleeping" state. As a hypothesis, the presence of sufficient energy capacity of a recursively propagated fractal (behavior format) and the introduction of a fractal-frame regulation of the stability of the social system are considered.

Keywords: normal anomie; social institution; complex society; transformation; spontaneous socialization; nonlinearity; cross-disciplinary synthesis; fractal; openness.

Information for citation: Vasilenko, L. A. (2018), ««Normal anomie»: transformation of institutions in a complex society», *Research Results. Sociology and management*, 4 (3), 45-56. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-4.

Введение (Introduction). Тема статьи выбрана под влиянием «переоткрытия аномии» российским ученым Сергеем Кравченко, «под которой он понимает расширяющуюся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности Человека (Кравченко, 2014: 3), отличие от традиционного рассмотрения

термина «аномия», введенного классиком социологии Эмилем Дюркгеймом, как «патологических» форм учащающихся случаев девиации вследствие отказа от социальных норм в условиях инновационного ускоренного обновления сложного социума (Дюркгейм, 1995: 298). В результате теоретико-методологического анализа С. Кравченко

наряду с традиционными формами отклонений от норм, рассмотренных такими классиками социологии как Р. Мертон, Т. Парсонс, Э. Фром, выделяет качественно новые подходы применительно к периодам «конца определенности», когда невозможен возврат социума к нормативной долговременной стабильности. «Аномия, квинт-эссенцией которой является безнормие, сама стала нормой современной жизни». Автор выдвигает концепцию «нормальной аномии», представляя ее как расширяющуюся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности Человека». Более того, он утверждает, что в теории эволюции социальных систем девиация рассматривается как детерминанта будущего развития (Кравченко, 2015: 5).

Методология и методы (Methodology and methods). Действительно, будущее детерминирует настоящее. Мы становимся свидетелями поистине уникального процесса, когда «реальность обретает черты неопределённости», в ней начинают сочетаться некоторые противоположенные возможности (Смакотина, 2009: 32). В рассматриваемом нами феномене аномии всегда присутствует неопределенность двух противоположных тенденций. Одна из них выражается в стремлении индивидов к обновлению – структуры, функций, ценностей, норм, стиля жизни, дохода зачастую до крайних форм – девиации, патологии – значимого признака аномии. Другая тенденция, напротив, выражает стремление к старому порядку, к стабильности, снятию неопределенности, возврату к старому социальному институту как к «системе наиндивидуальных ограничений», официальных отношений и санкций, создаваемых в интересах крупных социальных групп. Из данного противоречия происходит усложнение выбора, в виду динамического характера процессов стабилизации социальной жизни, отличающегося высокой вариативностью, широким сочетанием возможностей (Синергетическая парадигма, 2009).

Современный период обозначил трансформационные сдвиги социальных институтов, динамику изменений институциональных норм, отношений и санкций. «Постоянные изменения во внешней среде (т.е. необходимость адаптироваться к флуктуациям внешнего окружения), приводят к тому, что постоянно действующие, достаточно инертные институциональные правила сталкиваются с постоянно возникающими вызовами внешнего окружения». Специфика разнообразной деятельности людей не позволяет также динамично и всеобъемлюще адаптировать институциональные нормы. «Для сохранения эффективности институциональных правил искусственно создаются границы определенной социальной группы или другой социальной общности» (Фролов, 2015: 124). Если в предыдущие периоды доминанта институциональных норм формировалась в интересах крупных социальных групп, то теперь такая доминанта стала формироваться в пользу групп, менее крупных по численности, но более влиятельных, обладающих большим объемом капитала – социального, финансового, интеллектуального, символического и т.п. Пьер Бурдьё ввел образ взаимодействующих полей как новый образ видения и объяснения социальной действительности через результат противоречий и борьбы между держателями основных капиталов – политического, экономического, культурно-образовательного, социального), называя капиталом «власть над доходами и прибылью» в любом поле (Бурдьё, 2001: 52).

Важнейшим фактором трансформации развития современных социальных институтов становятся особенности накопления социального капитала. Социальный капитал представляет собой институты, отношения и нормы, определяющие качество и количество социальных взаимодействий в обществе, объем и качество доступных ресурсов партнера общения, приобретения за счет этого «власти над прибылью», демонстрируя, как могут неэкономические ресурсы быть важным источником социаль-

ного влияния. Главным становится не количественная основа, т.е. численность социальных групп, а «сила» их влияния, их качественные характеристики, способность стать институтообразующей. Подтверждение мы находим у российского исследователя Л. Ионина, утверждающего, что основанием интеграции современных крупномасштабных сообществ не может выступать ни ценностный консенсус (из-за плюрализма стилей и образов жизни), ни систематическое насилие, ни снижение витальности человека, вызванного виртуализацией страстей. Будущее за относительно небольшими самоорганизующимися сообществами, основанными на единстве мировоззрений (Ионин, 2000). Конвенциональные нормы, на которых базируется повседневная сфера индивидов, охватываемых институтом, конструируются, создаются и поддерживаются институтообразующей группой, в результате чего она обретает дополнительное влияние. Следует отметить возрастание воздействия на индивидов не столько формальных институтов, сколько неформальных институциональных правил как особой семантики коммуникаций, субкультурных мемокодов совместных действий часто не полностью осознаваемые, особенно если они базируются на мемокодах общенационального уровня (поговорах, поговорках, сказаниях и анекдотах).

Поддержание трансформированной системы социальных отношений требует наличия соответствующих условий, а также применения специальных механизмов и инструментов институтообразующей группой по определению оснований для концентрации социальной базы становящегося института, интегрирующих вокруг себя индивидов с близкими установками, накопления ими суммы капиталов, самоформирования системы ограничений и санкций, а также организации противодействия при возникновении острых противоречий между институциональным социальным слоем и остальными социальными общностями. Мотивом участников могут быть эгоистичные стремления к личной выгоде, особые

преференции при определении их статуса, ролей, расширении возможностей для самореализации. В основе мотивов могут быть не только эгоистичные, но и нравственные устремления к устранению возникающей и фрактально диффундирующей несправедливости.

Объективным основанием возможности представленных выше динамических процессов является феномен спонтанной социализации (Фукуяма, 2004). Традиционная социализированность предопределяет верность старым нормам поведения и нравственным устоям. Спонтанная социализированность характеризует способность «собираться вместе в сплоченные группы» в условиях социальных изменений, демонстрируя разрушение старых норм поведения, но обозначая отличающееся от старого социокультурное ядро, вокруг которого происходит согласование позиций участников этих процессов. В результате постепенно утрачивается единство культурных основ крупных социальных структур в силу массовых и разнообразных процессов спонтанной социализированности.

В условиях глобализации информационного пространства и современной системы интенсивных коммуникаций, использования компьютерных сетей быстро распространяются знания о других культурах, их идеях, мировоззрении, ценностях. Хотя по-прежнему огромные расстояния разделяют страны и континенты, давней изолированности народов уже нет, и люди могут объединяться на основе общих ценностных и мировоззренческих установок, не обращая внимания на разделяющие их территориальные границы. С одной стороны, отказ от части традиционных ценностей можно назвать тенденцией к аномии, а с другой стороны, данные процессы обозначают вероятность становления нового порядка, т.е. нормальный процесс эволюционного развития, препятствием которому, по мнению Ф. Фукуямы может служить традиционная социализированность (Фукуяма, 2004).

Если к анализу процессов «нормальной» аномии применить концепцию фрактальности¹, то станет возможным исследовать «анормальные» процессы с учетом закономерностей коэволюции, отслеживать рекурсивное распространение одного и того же фрактала поведения на разных иерархических уровнях, от низших к высшим и наоборот, плодотворно используя достижения естественных наук и наук о живом как проявление фрактальной природы социальных процессов в живой природе. Событие, инициирующее рекурсивный процесс, может происходить в самых разных «точках» и на самых разных уровнях системы. Примером тому является распространение фрактала в форме агрессивного поведения, рожденного на микроуровне (например, в семье), до формата аналогичного поведения на макроуровне (Василенко, Колесникова, 2015: 84). Социальная структура, получив однажды импульс информационного заражения, начинает в искаженном виде мультиплицироваться во времени и пространстве.

Исследовать такие процессы в рамках методологии только одной науки невозможно. С. Кравченко высказывает идею о синтезе естественнонаучного, социального и гуманитарного знания (Кравченко, 2015: 9), хотя, по нашему мнению, стала реальной необходимостью «мультипарадигмального методологического основания процесса познания и диалогических подходов», кросс-дисциплинарный синтез знаний из различных социальных наук. При этом «диалог приобретает качественно новое звучание, он возможен как между субъектами, культурами, так и, в определенных границах – в виде встречного движения науки и теоло-

гии», а фрактальный кросс-дисциплинарный синтез рассматривается не только как синтез методов, но и принципов (Василенко, Колесникова, 2015: 92).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Применительно к теме трансформации процессов формирования социальных институтов, зададим вопросы, можно ли считать проявлением аномии изменение сущности социальных институтов, в которых происходит распад единства крупных социальных структур или это нормальный процесс современной эволюции? Каков механизм «скрепления» динамически возникающих социальных институтов, как может оформляться институционализация отношений и социальных практик, создаваемых относительно небольшими общностями? Как может обеспечиваться порядок человеческой деятельности внутри института? Каким образом относительно небольшая социальная группа может мультиплицировать и закреплять в институциональных нормах индивидуальные ограничения, формировать отношения зависимости, предлагать соответствующую систему официальных санкций? Как и в каких формах может осуществляться «групповое давление»? Для полного ответа на поставленные вопросы необходимо проведение масштабного глобального исследования, но для первичного рассмотрения достаточно имеющихся измерений. Рассмотрим ряд примеров.

Первый пример отражает один из контуров концепций «нормальной» аномии С. Кравченко (Кравченко, 2015: 6) – эффект временного дисхроноза, согласно которому в одном социальном пространстве сосуществуют люди, фактически живущие в разных темпомирах (Князева, Курдюмов,

¹Фрактал (лат. fractus – дробный) – понятие, описывающее множество, которое характеризуется свойством динамического самоподобия. Это свойство присуще объектам живой и неживой природы. Другим важным свойством фрактальных структур является рекурсия как способ их образования, заключающийся в повторяющемся воспроизводстве своего изначального образца по одному и тому же правилу, таким образом, любой малый фрагмент такого объекта (множества) подобен другому, полученному на следующем уровне итерации, и всей структуре в целом. Термин введен в научный оборот математиком Б. Мандельбротом – создателем фрактальной геометрии, и в точном своем определении опирается на более сложную концепцию, связанную с различными гранями категории размерности и инвариантности. Прим. авт.

2007): моральные представления одних групп могут относиться к одному социальному времени, а других – к иному. Данный аспект был нами выявлен в исследовании «Анализ воспроизводства социальной несправедливости в отношениях власти и общества (на примере Челябинской области)»¹ в 2011 г., было выделено пять типов социального поведения и организационных предпочтений под воздействием идентичности, ментальности, доминирующего мировоззрения, сложившихся привычек, способов организации, особенностей современных институтов управления, степени социальной развитости индивидов с условными названиями: Homo Sapiens – Человек разумный, Homo Mobilis – Человек подвижный, Homo Faber – Человек ремесленный, Homo Ludens – Человек играющий, Homo Divinans – Человек творящий; типы организационных предпочтений: Традиционный для Homo Sapiens, Племенной для Homo Mobilis, Авторитарный для Homo Faber, Демократический для Homo Ludens, Гражданский для Homo Divinans (Василенко, Миронова, 2012: 48). Распределение в социуме типов социального поведения определяет социальную динамику.

Проведенное немасштабное исследование в далеко не столичном регионе показывает одновременное присутствие в социуме всех пяти типов поведения, а также наличие тенденций, из которых могут произрастать трансформированные социальные институты, часть из которых может рассматриваться как феномены «нормальной» аномии. Одной из таких тенденций является поведение социальной группы, условно названной «Интерактивный-В». Группа не является полностью сформировавшейся, но при определенных условиях у нее есть шанс стать институтообразующей в силу наличия тенденции формирования

общего мировоззрения и в случае осуществления Гражданского демократического сценария, предполагающего развитие гражданских общественных институтов, инкорпорацию их в сложившуюся систему управления, развитие инструментов консенсуса базовых ценностей. Потенциальная возможность реализации такого сценария определяется особенностями современного общественного развития, выражающегося в том, что информационные сети трансформируют прежние ценности (индивидуализм, обособленность, присвоение, собственность, рынок, капитал, потребительские ценности) и создают условия для новых ценностей (информация, знание, открытость общества и человека).

Начиная исследование, мы предполагали, что гражданам, обращающимся с жалобами в органы власти, свойственен скорее тип поведения, тяготеющий к сценарию «Традиционный», а представители органов власти, реализующие реформационные преобразования, могут слоняться, скорее, к «Реактивному» или «Интерактивному-В» типам властных отношений, реализуемых в гражданском и демократическом сценариях. Результаты исследования показали, что это не так. Собственная индивидуальная матрица ценностей для такой социальной общности, условно названной «Интерактивный-В», содержит ранжированный ряд, включающий в себя как традиционные ценности: жизнь (78,4%; 70%)²; здоровье (71,1%; 65%); дети (42,4%; 87,5%); так и другие – безопасность (30%; 40%), гуманизм (8,4%; 15%) и др. Приоритетное развитие познавательной способности людей и их духовности позволяет формировать идентичность суперинформационального творческого социума – «Homo Divinans», который начинает генерировать новые мо-

¹ Анализ воспроизводства социальной несправедливости в отношениях власти и общества (на примере Челябинской области). Методы: 50 кейс-стади, слабо структурированные интервью граждан, участвовавших в разрешении обращений (N=100), анализ писем-обращений граждан к УПЧ (N=50). Сентябрь-октябрь 2011 г. Научн. рук.: д.с.н., проф. Л.А. Василенко, к.с.н. Н.И. Миронова (Василенко, Миронова, 2012: 48).

² Здесь и далее первая цифра означает ответ респондентов из числа государственных служащих, вторая – из числа граждан. Респонденты составляют социальную общность, условно названную «Интерактивный-В». Прим. авт.

дели управления. Сравнивая наличие позиции трансформаторского типа респондентов из числа граждан, обратившихся к УПЧ, и представителей органов власти, участвующих в рассмотрении их обращений, следует отметить, что граждане-заявители в большей мере рассматривают источником несправедливости «само время перемен» и непредвиденные социальные изменения (42,5%), разрушение морали и нравственности в обществе (на 38,6%), они почти в два раза чаще, чем госслужащие, поддерживают утверждение, что «социальная обязанность власти – это делиться властными полномочиями с гражданами», у них более высокий уровень использования Интернет как источника независимой информации, значительно более высокий уровень (почти в два раза) приверженности такой базовой ценности как дети, в то время как у респондентов-госслужащих на первом месте – здоровье. 20% граждан считают, что главную роль в провоцировании коррупции играет «высокий профессионализм чиновников», данное утверждение никто из представителей власти не поддержал.

Представители власти, участвующие в рассмотрении обращений граждан, в большей мере поддерживают утверждение, что для борьбы с несправедливостью нужно изменить правила использования власти (70%), большая их часть рассматривает коррупцию как «свойство организационной системы» (на 18,9% чаще, чем граждане-заявители), считая более высокой коррупцию законодателей по сравнению с судебной властью. У них на 17,5% выше творческая активность, они почти в два раза чаще поддерживают утверждение, что социальные перемены следует использовать, чтобы не упустить свой шанс (75%).

Отметим постепенное созревание и близость мотивов изменения властных отношений и норм деятельности органов вла-

сти и у граждан, и госслужащих. Так, респонденты рассмотренной выше группы «Интерактивный-В» рассматривают несправедливость как потерю моральных ориентиров (22,6%; 25%); потерю свободы выбора (33,3%; 35%). По их мнению, коррупция – это свойство организационной системы (48,9%; 40%), а несправедливость может подтолкнуть к борьбе за свободу (40,3%; 43,2%) (Василенко, Миронова, 2012: 51).

В результате исследований В.М. Шамыкиной¹ выявлены модели управления поведением пользователей, применяемые субъектами социоинформационной блогосферы, которые вполне можно квалифицировать как инструменты спонтанной социализированности (Шамыкина, 2012: 117):

– «креативное развитие», модель организации и стимулирования работы творческого сообщества;

– «обучение от противного», модель коррекции поведения участника в личном общении с подачей латентных управляющих сигналов негативного характера;

– «автоуправление», модель, при которой субъекту приписывается роль управляющего, его поведение служит образцом для копирования, а фактическим субъектом управления служит обучающийся на примере блогер, рефлексирующий собственное поведение;

– «воспитание единомышленников», модель организации групп единомышленников и несогласных путем публикации вкусовых предпочтений;

– «требование внимания», модель, при которой субъектом управления подается запрос на внимание окружающих, с последующим поощрением подчинившихся;

– «рекламирование», модель коммерческой рекламы идеи/ товара/ услуги, моти-

¹ Анализ субъект-субъектных отношений управления в блогосфере: роли, мотивация, цели. Метод: кейс-стади и неформализованное слабо структурированное интервью авторов блогов платформы «@дневники» (сайт www.diary.ru) (N=35). Три эксперта участвовали в аналитической триангуляции. Научный руков. д.с.н., проф. Л.А. Василенко. Автор-разработчик В.Ю. Шамыкина. Сентябрь-октябрь 2011 г.

вирующая материально, с описанием рекламируемого объекта, органично объединенным с искренним жизнеописанием;

– «мультипликация», модель публикации качественно охарактеризованного содержимого, вызывающая множественные равнодушные отклики, при которой субъект управления фактически не имеет других целей, помимо самой публикации, а последствия наступают в силу самоорганизации и использования модели «автоуправление».

Спонтанная социализированность здесь проявляется как фрактальный процесс распространения в блогосфере инновационных форматов поведения латентного характера через «гибкие» инструменты управления мотивацией, ценностными системами, а также в ответных моделях конструктивного сопротивления управленческому воздействию (свойство резистентности, т.е. способность сохранять устойчивость ценностной, мировоззренческой систем, индивидуальности и самостоятельности). Само по себе это явление объективное не содержит в себе негативных целевых установок. Однако, реализация таких моделей управления в массовом порядке может вызывать возникновение нового организационного порядка социума как позитивной, так и негативной направленности, т.е. содержит в себе побочный эффект уязвимости, т.е. потенциал «нормальной» аномии. С Кравченко представил такую уязвимость как формирование симулятивных норм в виртуальной реальности, что в конечном итоге грозит социуму утверждением «эры тотальной симуляции» (Кравченко, 2015: 7).

Другой пример продвижения нового институционализирующегося порядка выражается в постепенном рекурсивном процессе распространения форматов открытого управления. Изменение отношения власти и общества к открытости ярко демонстрируют новые нормативные правовые акты по вопросам административной реформы, электронного правительства, информационного общества. Важнейшим шагом в этом направлении стало утверждение Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти¹. Принятые ранее нормативные правовые акты затрагивали лишь один из аспектов открытости – раскрытие информации о деятельности органа власти. Концепция направлена на качественно новые форматы открытости федеральных органов исполнительной власти, включая совершенствование технологий взаимодействия, вовлечения граждан, экспертного сообщества и общественных организаций в процедуры выработки и реализации решений органами власти, развитие форм, способов и возможностей для гражданского контроля.

Распространение этой тенденции мы находим в комплексном исследовании – «Инновационные модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях»². Так 10% руководителей и политиков, ведущих блоги, используют в социальных сетях network-стратегию, т.е. интерактивное использование социальных медиа не только для контроля аудитории и прямых сообщений, но и для получения обратной связи, обсуждая с гражданами актуальные вопросы политики и деятельности ведомства. Приме-

¹«Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти». Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 г. №93-р // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

²Инновационные модели диалога «власть – общество» в интернет-коммуникациях. Комплексное социологическое исследование. Науч. рук. д.с.н, проф. Л.А. Василенко. Методы: анализ 322 сайтов трех ветвей власти (федеральных и субъектов Федерации); анализ 101 блога руководителей высшего уровня (федеральных и субъектов федерации), анализ 122 аккаунтов социальных сетей; фокус-группа экспертов из числа граждан и госслужащих; полуструктурированное интервью экспертов (N=100), анализ 150 документов институтов посредничества (Общественных палат, УПЧ, всероссийских общественных организаций); 22 кейс-стади участия посреднических структур в диалогах «власть – общество»; 16 кейс-стади анализа протестного потенциала в интернет-коммуникациях. Исследование проведено НП СОЦИНКО в рамках гранта Г-163 в соответствии с распор. Президента РФ от 29.03.2013 г. № 115-рп на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ. (Василенко Л.А., Василенко В.И., Казанцева О.А., Тарасова Е.В., 2015).

чительно, что в дискуссиях таких руководителей с гражданами в исследованных блогах наиболее часто употребляется понятие «развитие» и «культура», что демонстрирует желание активной части населения участвовать в решении проблем развития своей территории, региона, страны совместно с органами власти. В то же время открытые форматы взаимодействия граждан и власти пока не стали нормой, их фрактальное распространение ограничивается постоянно возникающими аномальными формами деградирующей культуры управления, стремлением старой системы к самосохранению. Основными причинами, препятствующими осуществлению конструктивного диалога между органами власти и обществом в Интернет-коммуникациях является: технологическая неподготовленность площадки – официального сайта, отсутствие или недостаток компетенции у работника государственного органа, осуществляющего коммуникацию, отсутствие доверия у граждан как к органу власти, так и его руководителю. «Формальные ответы» вошли в топ-3 у обеих категорий респондентов полуструктурированного глубинного интервью – граждан и государственных служащих, что означает широкую распространённость данного явления, которое способно разрушить любой диалог, даже не дав ему завязаться. Прорыв в этой сфере состоится тогда, когда проблемы граждан будут напрямую отражаться на карьере и благосостоянии чиновников, когда с помощью корректно и с профессиональной тщательностью подготовленных выборов мы сможем влиять на состав органов власти, а их решения будут формироваться с применением культуры открытого управления, в частности посредством интернет-технологий будут прозрачными и обоснованными.

Заключение (Conclusions). Подчеркнем, что «нормальная» аномия может нести в себе некоторый конструктивный потенциал. Аномия как утверждающееся «неправильное отклонение» в старой социальной системе может быть представлена своей

противоположностью как социально значимое поведение в новой становящейся социальной системе. Отрицание такого поведения заодно «отклоняет» и новые «вызовы будущего», возможности творчества подчиненных, не заданного управляющим субъектом. Завершая анализ изменений социальных институтов, отметим, что для полноты картины необходимо исследовать возможность проявлений «нормальной» аномии вновь формирующихся:

– стимулов, представляющих собой систему мотивирующих воздействий на поведение членов социальных институтов (направляющих, ограничительных, мотивирующих), возможностей и ресурсов для их осуществления (материальных, статусных, информационных, силовых, нормативных и т.д.). Необходимо выявить, во имя каких целей вводятся институциональные стимулы, оценить их сбалансированность, своевременность, действенность и как они вводятся в социальные практики с учетом общественного мнения, культуры различных социальных групп, ситуации в обществе;

– санкций, вводимых для осуществления социального контроля за поведения членов социальных институтов (положительные оценки-вознаграждения и отрицательные оценки-наказания). Требуется исследовать зрелость социальных институтов, т.е. все ли статусы и роли находятся в сфере влияния санкций, кто именно осуществляет социальный контроль, с какой мерой ответственности и во имя каких целей;

– функций установления и поддержания социального порядка – регулятивной (с учетом масштаба и организационной культуры), интегративной (внутриинтеграционные связи, взаимозависимость, взаимответственность, степень когерентности действий индивидов, распределенность и согласованность ролей и предписаний, консолидированность, степень принятия ценностей, норм и символов), транслирующей (форматы приобретения и передачи социального опыта), рекурсивного воспроизводства и поддержания социальных отношений и др.);

– специальных функций, присущих каждому социальному институту.

Введение рамочных регуляторов в период интенсивного изменения социального порядка позволяет придать некоторую устойчивость социальной системе. Одним из признаков проявления аномии социальных институтов выступает отказ российского социума законными способами соблюдать заданный властью порядок, а функции, направленные на обеспечение соответствующего поведения индивидов, такой порядок обеспечить не могут. Одним из признаков аномии устаревающих социальных институтов, свидетельствующих о незрелости вырастающих новых социальных институтов, выступает несформированность адекватных стимулов и санкций. Эти санкции в переходный период наиболее продуктивно выстраивать как ответ на феномены перехода границ официально заданных рамок.

Второй признак проявляется в виде сложных процессов новообразования социальных институтов в интересах небольшой, но влиятельной институтообразующей группы на фоне игнорирования этого института крупными социальными общностями и неумения противостоять не нравящимся тенденциям, в виду недоразвитости фрактала поведения, условно называемого «коммуникативная согласованность» (Василенко, Миронова, 2012). Высокий уровень интеллектуальности все же позволяет находить не совсем законные пути решения личных проблем, обходя заданный социальными институтами порядок, усиливая эффект аномии.

Современная наука находится в поиске целостных теорий и моделей, позволяющих определить, почему одни форматы поведения в социуме фрактально заполняют наше социальное пространство, тогда как другие, не могут осуществлять такие рекурсивные процессы, пребывая в «спящем» состоянии. Среди возможных факторов – наличие достаточной энергетической мощности каждого фрактала. Можно пред-

положить, что акты насилия или альтруистической любви у институтообразующей группы часто инициируют стремительное распространение в силу наличия накала эмоций и чувств. При этом становится интересным, какую роль в инициации рекурсивного процесса имеют новые смыслы, информация, знания? Ответить на данные вопросы можно только проведя исследования фундаментального характера. Одна из возможных идей такого исследования может строиться на феномене эволюционной фрактальности через поиск ментальных истоков самоподобия, архетипических знаний, изначально существующих в человеке, и их изменений под воздействием социального окружения. Но эти гипотезы ждут своей проверки.

Список литературы

- Буданов В. Г., Курдюмов В. С., Пунда Д. И. Управление сложностью, возможности и ограничения в современных условиях // Экономические стратегии. 2014. № 2 (118). С. 90-97.
- Василенко Л. А. Социология неравновесных процессов становления информационного общества: методологические подходы // Синергетическая парадигма-2008. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
- Василенко Л. А., Василенко В. И., Казанцева О. А., Тарасова Е. В. Модели диалога власти и общества в интернет-коммуникациях. М., 2015. 112 с.
- Василенко Л. А., Миронова Н. И. Социальная несправедливость: методология социологического измерения и интерпретации // Государственная служба. 2012. № 3. С. 47-53. (Синергетика в гуманитарных науках).
- Василенко Л. А., Колесникова Л. А. Научная рациональность в социальном познании // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 3 (7). С. 81-93.
- Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные суждения» // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
- Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000.
- Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013.

Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007.

Кравченко С. А. Нормальная аномия: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3-10.

Кравченко С. А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012.

Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2.

Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический Проект, 2002.

Василенко Л. А. Социология неравновесных процессов становления информационного общества: методологические подходы // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / Г. А. Аванесова, В. И. Аршинов, О. Н. Астафьева и др.; под редакцией В. Г. Буданова. М., 2009.

Смакотина Н. Л. Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты: монография. 2-е изд., пер. и доп. М.: КДУ, 2009.

Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

Фролов С. С. Возникновение и развитие правил в практике управления социальными системами // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 120-127.

Фролов С. С. Социальные институты в современном обществе // Социология власти. 2010. С. 120-127.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ-ЛТД, 1998.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.

Шамыкина В. М. Отношения управления в блогосфере – исследование резистентности // Государственная служба. 2012. № 1. С. 115-117.

Sztompka P. Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge: Polity Press, 1991.

References

Budanov, V. G., Kurdyumov, V. S. and Punda, D. I. (2014), "Managing complexity, possibilities and limitations in modern condition", *E`konomicheskie strategii*, (2), 90-97. (In Russian).

Vasilenko, L. A. (2009), "Sociology of the non-equilibrium processes of formation of the information society: methodological approaches", in *Sinergeticheskaya paradigma-2008* [Synergetic paradigm-2008], Progress-Tradition, Moscow, Russia. (In Russian).

Vasilenko, L. A., Vasilenko, V. I., Kazantseva, O. A. and Tarasova, E. V. (2015), *Modeli dialoga vlasti i obschestva v internet-kommunikatsiyah* [Models of Dialogue Between the Authorities and Society in Internet Communications], Moscow, Russia. (In Russian).

Vasilenko, L. A. and Mironova, N. I. (2012), "Social injustice: the methodology of sociological measurement and interpretation", *Gosudarstvennaya sluzhba*, (3), 47-53. (Synergy in the Humanities). (In Russian).

Vasilenko, L. A. and Kolesnikova, L. A. (2015), "Scientific rationality in social cognition", *E`konomicheskie i sotsial`no-gumanitarny`e issledovaniya*, (3), 81-93. (In Russian).

Durkheim, E. (1995), "Value and the 'real judgment'", in Durkheim, E. (ed.), *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose], Kanon, Moscow, Russia. (In Russian).

Ionin, L. G. (2000), *Sotsiologiya kul'tury: put' v novoe tysyacheletie* [Sociology of culture: the way into the new millennium], Moscow, Russia. (In Russian).

Kara-Murza, S. G. (2013), *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia: causes and manifestations], Nauchny ekspert, Moscow, Russia. (In Russian).

Knyazeva, E. N. and Kurdyumov, S. P. (2007), *Sinergetika: Nelineinost' vremeni i landshafty koevolyutsii* [Synergetics: Nonlinearity of time and landscapes of co-evolution], KomKniga, Moscow, Russia. (In Russian).

Kravchenko, S. A. (2014), "A normal anomie?: contours of conception", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (8), 3-10. (In Russian).

Kravchenko, S. A. (2012), *Stanovlenie slozhnogo sotsiuma: k obosnovaniyu humanisticheskoi teorii slozhnosti* [Development of a Complex Society: a Humanistic Turn], MGIMO-Universitet, Moscow, Russia. (In Russian).

Luhmann, N. (2004), *Obshchestvo kak sotsial'naya Sistema* [Society as a social system], Logos, Moscow, Russia. (In Russian).

Merton, R. (1992), "Social theory and social structure", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2). (In Russian).

Parsons, T. (2002), *O sotsial'nyh sistemah* [About social systems], Akademicheskii Proekt, Moscow, Russia. (In Russian).

Vasilenko, L. A. (2009), "Sociology of non-equilibrium processes of formation of the information society: methodological approaches", in Avanesova, G. A., Arshinov, V. I., Astaf'eva, O. N. and Budanov, V. G. (ed.) *Sinergeticheskaya paradigma. Sotsial'naya sinergetika* [Synergetic paradigm. Social synergetics], Moscow, Russia. (In Russian).

Smakotina, N. L. (2009), *Osnovy sotsiologii nestabil'nosti i riska: filosofskiy, sotsiologicheskii i sotsial'no-psihologicheskii aspekty* [Fundamentals of sociology of volatility and risk: philosophical, sociological and socio-psychological aspects], KDU, Moscow, Russia. (In Russian).

Toshchenko, Zh. T. (2015), *Fantomy rossiyskogo obshchestva* [The Phantoms of Russian society], Centr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, Moscow, Russia. (In Russian).

Frolov, S. S. (2015), "Emergence and development of rules in practice of managing social systems", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (3), 120-127.

Frolov, S. S. (2010), "Social institutions in modern society", *Sotsiologiya vlasti*, 120-127. (In Russian).

Fromm, E. (1998), *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [The Anatomy of human destructiveness], AST-LTD, Moscow, Russia. (In Russian).

Fukuyama, F. (2004), *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: social virtue and the path to prosperity], Translated from English, OOO «Izda-tel'stvo ACT»: ZAO NPP «Ermak», Moscow, Russia. (In Russian).

Shamykina, V. M. (2012), "The Relationship management in the blogosphere – a study of resistance", *Gosudarstvennaya sluzhba*, (1), 115-117. (In Russian).

Sztompka, P. (1991), *Society in Action: A Theory of Social Becoming*, Polity Press, Cambridge, UK.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Василенко Людмила Александровна, доктор социологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Lyudmila A. Vasilenko, Doctor of Sociology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

УДК 316.4.06

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-5

Дидковская Я. В.¹
Онегов Д. В.²

**Молодежь индустриальных регионов России:
социальные ожидания и инновационный потенциал
(на примере Свердловской области и Красноярского края)**

¹⁾ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия
diyana@yandex.ru

²⁾ Российский университет кооперации
Веры Волошиной, 12/30, Мытищи, Московская область, 141014, Россия
ondvic@gmail.com

*Статья поступила 1 сентября 2018 г.; Принята 15 сентября 2018 г.;
Опубликована 30 сентября 2018 г.*

Аннотация. Статья посвящена проблеме инновационного потенциала работающей молодежи в контексте ее социальных ожиданий. Сравниваются данные социологического опроса молодежи, занятой на промышленных предприятиях двух крупнейших индустриальных регионов России – Свердловской области и Красноярского Края (N=420). Молодежь является важнейшим ресурсом инновационного развития, но при этом актуализируется вопрос: каким инновационным потенциалом обладает сама молодежь и насколько он сегодня востребован? Придерживаясь социологического подхода к изучению инновационного потенциала молодежи, авторы подчеркивают, что социальные ожидания и настроения молодежи образуют значимый социокультурный фактор, определяющий инновационную активность молодежи, мотивируют (или демотивируют) молодежь на реализацию своего инновационного потенциала. Выявлена региональная специфика социальных ожиданий молодежи: Красноярская молодежь более уверена в завтрашнем дне, нежели молодежь Свердловской области, выше оценивает вероятность наступления позитивных событий в будущем. Молодежь Свердловской области настроена критически как относительно своих перспектив, так и относительно изменений в стране в целом. Для молодежи в целом, а особенно для молодежи Красноярского Края, характерен прагматизм в оценке необходимости научных исследований и инноваций, молодые люди ориентированы на поддержку исследований, несущих в себе конкретную практическую пользу. Для свердловской молодежи более характерна ориентация на перспективу, понимание, что выгода от внедрения инновации может иметь отложенный эффект.

Ключевые слова: работающая молодежь; социальные ожидания; инновационный потенциал; индустриальный регион.

Благодарность: Исследование проведено в рамках проекта «Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития ее инновационного потенциала», реализуемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), № 18-011-00907\18.

Информация для цитирования: Дидковская Я. В., Онегов Д. В. Молодежь индустриальных регионов России: социальные ожидания и инновационный потенциал (на примере Свердловской области и Красноярского края) // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 3. С.58-71. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-5.

Yana V. Didkovskaya¹
Dmitrii V. Onegov²

**Young people from Russian industrial regions:
their social expectations and innovative potential
(based on the example of Sverdlovsk region
and Krasnoyarsk territory)**

¹⁾ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia
diyana@yandex.ru

²⁾ Russian University of Cooperation
12/30 Vera Voloshina St., Mytishi, Moscow oblast, 141014, Russia
ondvic@gmail.com

*Received on September 1, 2018; Accepted on September 15, 2018;
Published September 30, 2018*

Abstract. The article is devoted to the problem of innovative potential of the working youth in the context of their social expectations. We compare the data of a sociological survey of young people employed at industrial enterprises of two largest industrial regions of Russia – Sverdlovsk oblast and Krasnoyarsk Krai (N=420). Young people are an important resource of innovative development, but the question is: what innovative potential does the youth possess and what demand exists for it today? Using the sociological approach to the study of the innovative potential of young people, the authors emphasize that the social expectations and attitudes of young people form a significant socio-cultural factor that determines the innovative activity of young people, and motivate (or demotivate) young people to fulfill their innovative potential. We have revealed the regional specificity of young people’s social expectations: young people from Krasnoyarsk krai have more confidence for the future than the youth from Sverdlovsk oblast, they have more positive estimates for the occurrence of positive events in the future. Young people from Sverdlovsk oblast are more critical about their prospects and changes in the country as a whole. Young people from Krasnoyarsk krai are typically pragmatic in assessing the need for research and innovation, they are focused on supporting research that has a specific practical benefit. The Sverdlovsk youth are more oriented on the future perspective, on the fact that the benefits of innovation could have a delayed effect.

Keywords: working youth; social expectations; an innovative potential; an industrial region

Acknowledgment: The study was conducted within the framework of the project “The Youth of the Industrial Regions of Russia: the Image of the Social Future as a Factor of the Development of its Innovative Potential”, implemented with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-011-00907\18.

Information for citation: Didkovskaya, Ya. V. and Onegov, D. V. (2018), “Young people from Russian industrial regions: their social expectations and innovative potential (based on the example of Sverdlovsk region and Krasnoyarsk territory)”, *Research Results. Sociology and management*, 4 (3), 58-71. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-5.

Введение (Introduction). Одна из наиболее существенных черт современного общества – его динамичность, способность к быстрым и качественным изменениям. Об этом еще начиная с 1990-х годов XX века говорят крупнейшие социологи современности. Способность общества активно трансформироваться определяется во многом тем, насколько субъекты социальных процессов готовы воспринимать и создавать инновации.

Очевидно, что наиболее перспективной социально-демографической группой в этом плане является молодежь, которая может быть рассмотрена как человеческий ресурс инновационного развития. При этом возникает вопрос: обладает ли сама молодежь инновационным потенциалом и насколько он сегодня востребован?

Объективные условия реализации потенциала молодежи и субъективное ощущение молодыми людьми своих возможностей самореализоваться в этих условиях определяют социальные ожидания и настроения молодого поколения, его ориентации на будущее, жизненные планы.

В последнее десятилетие исследовательский интерес к проблеме инноваций и человеческому капиталу заметно возрос. В рамках современных экономических и социологических теорий человеческий капитал, его креативность и профессионализм рассматриваются как главный фактор формирования и развития инновационной экономики. В работах К. Маллигана и К. Мартина, Э. Денисона, развиваемых в рамках институционального экономического направления, основной акцент делается на изучение возможностей оценки стоимости человеческого капитала применительно к различным странам (Mulligan, 2000; Denison, 1989). Социальные последствия и аспекты перехода к экономике знаний, рас-

сматриваются в работах социологов и экономистов Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, М.Кастельса (Белл, 1999; Гэлбрейт, 2004; Кастельс, 2000).

На постсоветском пространстве и в России институциональные условия развития и реализации человеческого капитала анализируются в работах А.Г. Эфендиева и Е.С. Балабановой, Г.А. Ключарева (Эфендиев, 2014; Ключарев, 2015). В последние годы активно исследуется феномен инновационного потенциала индустриальных регионов. Но, в основном, в фокусе внимания ученых находятся тенденции экономического развития и система экономических показателей, используемая для выявления инновационной активности регионов, измерения их инновационных потенциалов и инновационных рисков, построения экономических прогнозов (Акбердина, 2015; Макарова, 2014). Социальные факторы, которые могли бы через улучшение качества человеческого капитала влиять на развитие инновационного потенциала регионов практически не изучаются. На наш взгляд, в качестве таких факторов могли бы быть рассмотрены жизненные ориентации, социальные ожидания и настроения молодежи индустриальных регионов.

Исследование жизненных перспектив молодежи, ее планов, настроений и ожиданий – достаточно разработанное направление в мировой и российской социологии. Сегодня проблемы социальных ожиданий обычно исследуются в контексте процессов взросления и адаптации молодежи (Scales, 2011), в контексте проблем выбора молодежью жизненного пути, образования, места работы (Van Mol, 2016). Особо подчеркивается проблема завышенных ожиданий, «необоснованных амбиций» (Sabates, 2011) и их последствий, выраженных в девиантном и делинквентном поведении (Cundiff,

2017). Российскими социологами социальные ожидания изучаются в рамках комплексных исследований социального самочувствия молодежи, поскольку актуальное социальное самочувствие как удовлетворенность настоящим формирует образ будущего (Горшков, 2014; Зубок, 2016; Вишневский, 2016; Гаврилюк, 2016).

Вопросам, связанным с инновационностью молодежи, с изучением ее инновационного потенциала, уделяется гораздо меньше внимания. Тем не менее, стратегии студентов и выпускников колледжей и университетов, их возможности на рынке труда, использование инновационных способов поиска работы изучаются П. Рират (Rerat, 2014), К. Юном (Jun, 2012), К. Мавромарасом, С. МакГинессом, Н. Олири (Mavromaras, 2013). Мы полагаем, что особенно эффективно изучение работающей молодежи, которая занята в наиболее перспективных сложных и наукоемких отраслях производства, являющихся площадкой для инноваций. Именно этим объясняется выбор нашего объекта исследования – молодых работников, занятых на крупных промышленных предприятиях ведущих отраслей индустриальных регионов России.

Кроме того, анализ литературы показывает, что практически отсутствуют исследования, которые рассматривали бы взаимоотношенность инновационного потенциала молодежи и ее социальных ожиданий. Между тем, мы полагаем следующее. Во-первых, субъективная оценка молодежи возможности реализовать свой потенциал в конкретных условиях определяет ее ориентацию на перспективу. Во-вторых, ожидание позитивных перемен в будущем влияет на желание молодежи осваивать новые технологии, вкладывать в свое профессиональное и личностное развитие; негативная ориентация на перспективу, напротив, способствует тому, что молодежь преимущественно стремится сохранить или повысить свой экономический статус, обеспечить себе и семье определенный уровень жизни, прибегая к так называемым «стратегиям выживания».

В связи с этим, целью настоящей статьи является изучение инновационного потенциала работающей молодежи в связи с ее социальными ожиданиями и настроенностями.

Индустриальные регионы являются специфическим местом для реализации потенциала молодежи. А. Т. Каюмов, Ф. К. Каников и Н. Р. Исхакова считают, что для крупных индустриальных центров большое значение имеет развитие квалифицированного, творческого потенциала и воспроизводства кадров на крупных промышленных предприятиях (Каюмов, 2013). Подчеркнем, что, с одной стороны, индустриальные центры предоставляют сравнительно широкие возможности для молодежи для образования, профессиональной и личностной самореализации, но с другой, содержат в себе риски, связанные с более жесткой конкуренцией на рынке труда и с высокими требованиями к квалификации кадров со стороны работодателя. Для нас прежде всего имеет значение тот факт, что индустриальные регионы в целом обладают более высоким уровнем развития высокотехнологичных производств и, соответственно, наиболее перспективны для развития и реализации инновационного потенциала различных социальных и профессиональных групп, в том числе молодежи.

Выбранные нами для сравнения регионы исследования – Красноярский Край и Свердловская область – обладают как сходными чертами, так и особенностями. Оба региона относятся к сходному типу российских промышленных регионов – традиционным индустриальным регионам, для которых в последние годы характерен устойчивый процесс деиндустриализации, связанный с сокращением доли промышленности в структуре валового регионального продукта (ВРП) и перехода к экономике потребительского типа (Акбердина, 2015). По-прежнему сильную промышленную и научную базу этих регионов составляют крупные промышленные производства, существенная часть которых представлена наукоемкими отраслями промышленности

– авиастроением, машиностроением, ракетостроением. Данные регионы сопоставимы по социально-экономическому положению, поскольку обладают близкими значениями таких показателей как ВРП и индекс промышленного производства (Ульянова, 2012). Однако, Красноярский Край, имея территорию существенно превышающую территорию Свердловской области, в отличие от последней не обладает статусом транспортно-логистического хаба и уступает практически в 2 раза по численности населения. Сходства и специфика социально-экономических характеристик данных регионов образует сложный комплекс условий для реализации образовательного, профессионального и инновационного потенциалов молодежи и дает необходимые основания для сопоставления результатов исследования социальных ожиданий и оценок молодыми людьми своего инновационного потенциала.

Методология и методы (Methodology and methods). Исследуя инновационный потенциал молодежи индустриальных регионов, мы исходили из положений теории инновационного развития, разработанной Й. Шумпетером, который определил экономическое развитие как повышение уровня и качества жизни, смену образа жизни на основе крупных значительных новшеств – инноваций (Шумпетер, 2008). Отсюда мы предположили, что инновационность выступает фактором, обуславливающим позитивную динамику как объективных условий жизнедеятельности социальных групп и индивидов, так и субъективных оценок этих условий, выражающихся в комплексном феномене – социальном самочувствии, включающем в себя ожидания и настроения людей.

Придерживаясь социологического подхода к изучению инновационного потенциала молодежи, мы подчеркиваем и обратную сторону данной взаимосвязи: социальные ожидания, настроения и планы молодежи образуют значимый социокультурный фактор, определяющий инновационную активность молодежи, мотивируют

(или демотивируют) молодежь на реализацию своего инновационного потенциала.

Таким образом, центральным моментом методологии исследования является положение о взаимовлиянии инновационного потенциала молодежи и ее социальных ожиданий и настроений.

Под инновационным потенциалом молодежи обычно понимают характеристики данной социальной группы, позволяющей ей заниматься инновационной деятельностью. Исходя из семантики самого термина «потенциал», мы полагаем, что он характеризует некий комплекс способностей, которые могут быть реализованы в определенных условиях, а могут и остаться невостребованными. К этому комплексу мы отнесли способность повышать свой образовательный уровень, способность к профессиональному развитию, освоению новой информации, а также креативность, способности к генерации новых идей, разработке и воплощению в жизнь проектов, решению новых нестандартных задач. Таким образом в структуре инновационного потенциала молодежи мы выделяем два уровня: первый, на котором измеряются способности к восприятию новых идей и новой информации, к профессиональному развитию и повышению уровня образования, инновационная открытость; второй уровень, включающий в себя способности к генерации новых идей, разработке и воплощению в жизнь новых проектов и решению нестандартных задач, образует инновационную готовность.

Эмпирической базой статьи послужили результаты социологического исследования, реализованного авторами в период с мая по август 2018 г. в крупнейших индустриальных регионах России – Свердловской области и Красноярском Крае. В ходе исследования методом анкетирования на платформе Google Form было опрошено более 500 молодых работников промышленных предприятий (возраст – не старше 30 лет; после выравнивания квот N=420) высокотех-

нологичных отраслей экономики – машиностроения, ракетостроения, авиастроения, металлургии и сферы IT. Исследование охватило не только предприятия, расположенные в столицах регионов – Екатеринбург и Красноярске, но и находящиеся в других крупных промышленных центрах – Каменск-Уральском, Нижнем Тагиле, Железногорске и др.

Анкета включала в себя три основных раздела – инновационный потенциал и оценка возможностей его реализации; социальное самочувствие как удовлетворенность условиями жизни и своими возможностями; социальные ожидания и жизненные планы. Обработка данных проведена при помощи пакета обработки социологической информации Vortex.10.0.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Социальные ожидания работающей молодежи.

Прежде всего мы изучали удовлетворенность молодежи выбранных регионов своей жизнью в целом, которая конкретизировалась самочувствием в различных областях – материально-экономической, образовательной, профессиональной и др. Различные параметры удовлетворенности оценивались респондентами в баллах от 1 до 5.

Согласно полученным результатам молодежь в целом довольна своей жизнью, однако сравнение данных по регионам показывает, что в Красноярском Крае уровень удовлетворенности несколько выше, чем в Свердловской области (табл. 1).

Таблица 1

Уровень удовлетворенности жизнью в целом, в %

Table 1

The level of satisfaction with life in general, %

Довольны ли Вы своей жизнью в целом?	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
Да	31,0	49,4
Скорее да	46,9	39,5
Скорее нет	11,1	7,4
Нет	5,4	2,5
Затрудняюсь ответить.	5,7	1,2
ИТОГО:	100,0	100,0

Анализ отдельных составляющих удовлетворенности показывает, что сравнительно низкая удовлетворенность жизнью молодежи Свердловской области в сравнении с красноярской связана с ее более высокими социально-экономическими запросами: свердловская молодежь значительно больше недовольна своим материальным положением – среднее значение удовлетворенности материальным положе-

нием молодежи Свердловской области составляет 2,72 балла, тогда как в Красноярском Крае 3,14 (табл. 2). Оценка других параметров самочувствия – состояние здоровья, работа, образование – не сильно варьирует в зависимости от региона. Однако, красноярская молодежь несколько менее довольна экологической ситуацией в своем регионе в сравнении с молодежью Свердловской области.

Таблица 2

Средние оценки удовлетворенности различными аспектами жизни в баллах
(1 – совершенно не удовлетворен, 5 баллов – полностью удовлетворен)

Table 2

Average ratings of satisfaction with various aspects of life in points
(1 – not satisfied at all, 5 points – fully satisfied)

Параметры социального самочувствия	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
Своим материальным положением	2,72	3,14
Состоянием здоровья	3,76	3,73
Своей работой	3,61	3,62
Своим образованием	3,91	3,85
Экологической ситуацией	2,56	2,38

Актуальное социальное самочувствие экстраполируется на социальные ожидания респондентов как на микроуровне (уверенность в завтрашнем дне), так и на макро

уровне (оценка динамики ситуации в стране на ближайшие 3 года). Общие социальные ожидания молодежи по регионам представлены в таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Уровень уверенности молодежи в завтрашнем дне, в %

Table 3

The level of confidence of young people in the future, %

Чувствуете ли Вы уверенность в завтрашнем дне?	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
Да	21,0	33,3
Скорее да	39,5	53,1
Скорее нет	21,6	8,6
Нет	11,1	3,7
Затрудняюсь ответить.	6,8	1,2
ИТОГО:	100,0	100,0

Таблица 4

Оценка динамики изменения ситуации в нашем обществе в ближайшие 3 года, в %

Table 4

Assessment for the dynamics of changes in the condition of our society for the next 3 years, %

Как вы считаете, изменится ли ситуация в нашем обществе в ближайшие 3 года?	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
Нет, ничего не изменится	57,4	46,9
Да, изменится в худшую сторону	26,1	12,3
Да, изменится в лучшую сторону	16,5	40,7
ИТОГО:	100,0	100,0

Красноярская молодежь значительно увереннее смотрит в будущее. Сравнительная неудовлетворенность молодежи Свердловской области настоящим в более резкой

форме проецируется на неуверенность в своем будущем: среди свердловской молодежи не уверены в завтрашнем дне более

30%, еще около 7% затруднились определить степень своей уверенности, среди молодежи Красноярского Края неуверенных только 12%.

Ожидания изменений в стране в ближайшем будущем среди свердловской молодежи в целом также носят более негативный оттенок в сравнении с красноярской молодежью. Среди молодежи Свердловской области более одной четвертой респондентов считают, что в ближайшие 3 года ситуация в стране изменится в худшую сторону. Оптимистов среди уральской молодежи явное меньшинство. Большинство (57%, для сравнения – в Красноярском Крае таких 47%) считают, что каких-либо изменений ожидать не стоит, но с учетом сравнительно высокой неудовлетворенности настоящим, эти оценки выглядят тоже довольно пессимистично.

Причины пессимизма молодежи Свердловской области в отношении своего будущего и будущего страны в целом заключаются, как нам кажется, не только в сравнительно более высоких запросах к уровню жизни, о которых мы говорили выше, но и связаны с общим критическим настроем уральской молодежи относи-

тельно настоящего и будущего, что традиционно проявляется в негативных оценках политической, экономической и социальной ситуаций (Банникова, 2017).

Социальные ожидания молодежи измерялись нами также и на основе балльной оценки респондентами вероятности наступления позитивных и негативных событий в ближайшем будущем (1 балл – вероятность наступления события крайне мала, 5 баллов – вероятность наступления события очень высока). К возможным позитивным событиям мы отнесли следующие: успешные экономические и социальные реформы, принятие законопроектов и государственных программ, способствующих развитию деловой активности, предпринимательской и других инициатив, увеличение информационной открытости, прозрачности в обществе, переход от сырьевой экономики к развитию наукоемких отраслей и инноваций. К возможным негативным: увеличение внешнеполитической напряженности, конфликтов с другими странами, рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня, дальнейшее укрепление государственной власти, властной вертикали, принятие законопроектов и решений, влекущих за собой рост бюрократизации, формализма.

Таблица 5

Оценка вероятности наступления позитивных и негативных событий в стране в ближайшие 5 лет, средние баллы

Table 5

Assessment of the probability of positive and negative events in the country in the next 5 years, average points

Оцените вероятность наступления следующих событий в нашей стране в ближайшие 5 лет	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
Успешные экономические и социальные реформы	2,17	2,69
Принятие законопроектов и государственных программ, способствующих развитию деловой активности, предпринимательской и других инициатив	2,45	3,47
Переход от сырьевой экономики к развитию наукоемких отраслей и инноваций	2,40	2,68
Увеличение информационной открытости, прозрачности в обществе	2,19	3,54
Укрепление государственной власти, властной вертикали	3,52	2,96
Рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня	4,24	3,19

Увеличение внешнеполитической напряженности, конфликтов с другими странами	3,73	3,19
Принятие законопроектов и решений, влекущих за собой рост бюрократизации, формализма	3,61	3,73

Из таблицы 5 видно, что среди молодежи Красноярского Края более высокие оценки получили позитивные события, тогда как среди молодежи Свердловской области, напротив, негативные.

Если анализировать рейтинг вероятности наступления событий (степень ожидаемости), то молодежь Красноярского Края проявляет некоторую противоречивость в своих оценках и ожидает принятия законопроектов и решений, влекущих за собой рост бюрократизации, формализма и, одновременно, принятия законопроектов и государственных программ, способствующих развитию деловой активности, предпринимательской и других инициатив. Среди красноярской молодежи довольно сильны ожидания увеличения информационной открытости и прозрачности в обществе. Молодежь Свердловской области более всего ожидает роста цен, инфляции, снижения жизненного уровня, увеличения внешнеполитической напряженности, конфликтов с другими странами и солидарна с красноярской молодежью, достаточно высоко оценивая вероятность принятия законопроектов и решений, влекущих за собой рост бюрократизации и формализма.

Таким образом, молодежь Свердловской области оценивает более негативно события настоящего и ожидает изменений в будущем в худшую сторону. Это касается как ситуации в стране в целом, так и ее отдельных составляющих. Молодежь Красноярского Края, оценивая настоящие события в целом более позитивно, в большей мере склонна к ожиданию благоприятных изменений в будущем, однако, демонстрирует определенную парадоксальность в оценке вероятности наступления конкретных позитивных и негативных событий.

Инновационный потенциал работающей молодежи.

Проектируя исследование, мы предположили, что социальные ожидания молодежи образуют своего рода мотивационное поле для развития и реализации инновационного потенциала – инновационной открытости и инновационной готовности молодых работников. Отчасти наша гипотеза подтвердилась.

Изучая инновационную открытость молодежи, мы прежде всего опирались на оценку значимости для молодых работников научных исследований как фактора инновационного развития. Существенных различий в значимости научных исследований между молодежью исследуемых регионов мы не выявили (табл. 6).

В целом для молодежи характерна высокая оценка роли научных исследований (считают, что не стоит тратить деньги на исследования и науку около 1% респондентов), хотя замечен некоторый прагматизм в оценке роли исследований и инноваций: большинство респондентов полагают, что поддерживать нужно те исследования, которые несут конкретную практическую пользу (особенно это характерно для Красноярской молодежи).

Отметим, что прагматизм в оценке значимости исследований и инноваций прослеживается и по ответам на другие вопросы анкеты. В частности, интересно распределение ответов молодежи на проективный вопрос: «Представьте, что от Вас зависит принятие решения о внедрении новации на предприятии, где Вы работаете. Какие причины могут побудить Вас принять положительное решение (способствовать ее внедрению)?» (табл. 7).

Таблица 6

Значимость исследований и инноваций для молодежи, в %

Table 6

The importance of research and innovation for young people, %

Выберите из списка утверждение, с которым Вы согласны в наибольшей степени	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
Научные исследования, даже если они не приносят сиюминутной пользы, должны иметь финансовую поддержку со стороны государства	44,3	38,3
Нужно поддерживать те исследования, которые несут конкретную практическую пользу	50,0	51,9
Не стоит тратить деньги на исследования и науку, у государства есть более важные задачи	0,9	1,2
Затрудняюсь ответить	4,8	8,6
ИТОГО:	100,0	100,0

Таблица 7

Прожективные причины необходимости принятия инновации, в %*

Table 7

Projective reasons for the adoption of the innovation, %

Причины необходимости внедрения	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
в результате внедрения вы получите премию	23,6	22,2
данные научной экспертизы, что новация имеет существенные преимущества	34,4	27,2
после внедрения новации конечная продукция предприятия будет соответствовать более высоким стандартам качества	51,4	29,6
явная и быстрая экономическая выгода от внедрения	39,2	43,2
прямое распоряжение руководителя о необходимости внедрения	18,8	23,5
освоение этого новшества конкурентами	6,3	11,1
новация даст вам (предприятию) конкурентные преимущества в будущем (через 2-3 года)	42,6	27,2
новация повысит безопасность производства	28,1	22,2
новация улучшит экологическую ситуацию в регионе	14,5	17,3
ваше предприятие будет оштрафовано, если не внедрит новацию	4,0	4,9

* Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма больше 100%.

В рейтинге причин необходимости внедрения инноваций среди молодежи

Красноярского Края лидирует в существенном отрыве от всех остальных мотивов явная и быстрая экономическая выгода от внедрения (43%). Для молодежи Свердловской области эта причина тоже существенна (39%), но она не является доминирующим мотивом. Для свердловской молодежи в сравнении с красноярской более характерна ориентация на перспективу, понимание, что выгода от внедрения инновации может иметь отложенный, и не только экономический, эффект. Среди наиболее значимых причин следующие: после внедрения новации конечная продукция предприятия будет соответствовать более высоким стандартам качества (51%), новация даст вам (предприятию) конкурентные преимущества в будущем (43%), данные научной экспертизы, что новация имеет существенные преимущества (34%).

Помимо открытости инновациям, мы также изучали насколько молодежь готова к конкретным действиям, связанным с внедрением инноваций, генерированием новых идей, проектов, участием в научной и новаторской деятельности. В процессе анализа виды деятельности, которые так или иначе сопряжены с инновациями, условно были поделены нами на две группы. К первой группе мы отнесли виды деятельности, требующие определенной креативности и инициативы от работника, связанные с генерацией собственных идей и проектов; во вторую группу отнесена деятельность, также имеющая отношения к инновациям, способствующая развитию потенциала работника, но не требующая творческой активности и инициативы (табл. 8).

Таблица 8
Виды деятельности, сопряженные с инновациями, практикуемые молодежью, в %*
Table 8

Activities practiced by young people connected with the innovation, %

Отметьте из перечисленных видов деятельности те, которыми Вы занимались в последние 3 года	Регион	
	Свердловская область	Красноярский Край
1. Готовность к творческой инновационной деятельности, генерации идей и проектов		
предлагал свой проект (идею) руководству по решению производственной задачи	19,9	30,9
участвовал в разработке творческого проекта, связанного со своей профессиональной или служебной деятельностью	14,5	22,2
регистировал свои патенты на изобретения	4,0	4,9
разрабатывал бизнес-план и предлагал его к рассмотрению в банке	2,6	0,0
участвовал в профессиональных конкурсах, конкурсах на получение грантов, стипендий	6,5	14,8
выступал с докладами на конференциях или семинарах	13,9	22,2
2. Готовность осваивать и внедрять инновации, развивать свой потенциал		
повышал свой уровень образования в рамках образовательной организации	40,1	43,2
занимался самообразованием по своей или смежной профессии (читал литературу, смотрел вебинары и т. п.)	61,1	61,7
проходил курсы повышения квалификации, тренинги и др. по заданию предприятия/ организации	29,8	46,9

принимал/ участвовал в принятии решения о внедрении новшества (новой технологии, идеи, способа) в производственный процесс	17,9	11,1
осваивал новую технологию, новое оборудование, новые методы работы	41,5	23,5
Отсутствие инновационной активности		
ничем из перечисленного	10,2	7,4

*Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма ответов больше 100%

Анализ показывает, что для молодежи в целом, более характерна деятельность, связанная с освоением и внедрением уже готовых инноваций, повышением своего образовательного или профессионально-квалификационного уровня, нежели активность по разработке и представлению своих идей и проектов. Это вполне понятно и нормально, главное, что обе группы активностей достаточно широко представлены в изучаемых регионах.

Однако, если виды активности молодежи, связанные с освоением инноваций и образовательной деятельностью, практикуются молодежью обоих регионов примерно в равной степени (за исключением курсов повышения квалификации, но это, скорее всего, не региональная специфика, а отражение особенностей работы с персоналом на конкретных предприятиях), то деятельность по созданию инноваций, разработке и реализации собственных проектов в Красноярском Крае заметно более представлена. Так, молодежь Красноярского Края в сравнении со свердловской молодежью в 1,5 раза чаще представляла свой проект (идею) руководству по решению производственной задачи, в 2 раза чаще участвовала в профессиональных конкурсах, конкурсах на получение грантов, стипендий, более чем в 1,5 раза чаще участвовала в разработке творческого проекта, связанного с профессиональной или служебной деятельностью и значительно чаще выступала с докладами на конференциях или семинарах.

Таким образом, наша гипотеза о том, что определенная обусловленность состояния инновационного потенциала молодежи от социокультурных факторов, в частности

социальных ожиданий, подтвердилась данными опроса работающей молодежи Красноярского Края и Свердловской области. Мы видим, что инновационная готовность ярче и в большей мере проявляется в регионе с более благоприятным социальным самочувствием и более позитивными социальными ожиданиями молодежи.

Заключение (Conclusions). На основании проведенного исследования инновационного потенциала молодежи Красноярского Края и Свердловской области в контексте ее социальных ожиданий можем обозначить следующие выводы.

Во-первых, социальные ожидания образуют социокультурный контекст, который является фактором развития инновационного потенциала молодежи и мотивирует или демотивирует молодежь на реализацию своего потенциала. Позитивное социальное самочувствие и ожидания способствуют развитию инновационной готовности молодежи, ее активности по выдвижению новых идей и разработки своих творческих проектов.

Во-вторых, молодежь индустриальных регионов демонстрирует достаточно высокий уровень и сформированность инновационного потенциала, включая готовность к повышению своего образовательного и профессионального уровня, однако реализация этого потенциала может натолкнуться на негативный сценарий будущего – ожидания принятия законопроектов, тормозящих инициативу молодежи, кризисных явлений в экономике и политике. Кроме того, наше исследование зафиксировало низкую активность молодежи в разра-

ботке и представлении своих бизнес-проектов, а также незначительное участие в изобретательской и рационализаторской деятельности, в конкурсах на получение грантов и стипендий.

В-третьих, на основе сравнения данных по Свердловской области и Красноярскому Краю выявлена региональная специфика социальных ожиданий молодежи, которая заключается в следующем: Красноярская молодежь значительно увереннее смотрит в будущее, нежели молодежь Свердловской области; для молодежи Красноярского Края более характерны позитивные социальные ожидания; свердловская молодежь настроена более критически как относительно своих перспектив, так и относительно изменений в стране в целом.

В-четвертых, региональная специфика проявилась и в отношении молодых людей к исследованиям и инновациям, а также в практикуемых видах деятельности, связанных с инновационной активностью. Для красноярской молодежи более характерен прагматизм в оценке необходимости научных исследований, они более ориентированы на поддержку исследований, несущих в себе конкретную практическую пользу. Для уральской молодежи более характерна ориентация на перспективную отдачу от внедрения новшеств.

Список литературы

Акбердина В. В., Сергеева А. С. Индустриальные регионы России: сравнительный анализ // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/industrialnye-regiony-rossii-sravnitelnyu-analiz> (дата обращения: 07.09.2017)

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999. 788 с.

Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю., Сильчук Е. В. Новые явления в молодежной среде и актуальные задачи молодежной политики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 8-18.

Гаврилюк В. В., Мехришвили Л. Л., Скок Н. И. и др. Образ будущего в оценках нового

поколения россиян. Коллективная монография. Тюмень: ТИУ, 2016. 166 с.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э., Менг Л. и др. Россия и Китай: молодежь XXI века. М.: Новый хронограф – ИС РАН, 2014. 424 с.

Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. The New Industrial State (1967). АСТ, 2004. 608 с.

Зубок Ю. А., Ростовская Т. К., Смакотина Н. Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. Коллективная монография. М.: ИТД Перспектива, 2016. 166 с.

Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое сообщество // Мир России. 2000. № 1. С. 23-51.

Каюмов А. Т., Каников Ф. К., Исхакова Н. Р. Учащаяся молодежь крупного индустриального города о престиже профессий // Социологические исследования. 2013. № 8. С. 87-95.

Ключарев Г. А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 49-56.

Макарова И. В., Коровин Г. Б. Тенденции неоиндустриализации экономики старопромышленного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 31 (358). С. 2-12.

Банникова Л. Н., Белова О. Р., Боронина Л. Н. и др. СТУДЕНТ 1995-2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.

Ульянова Е., Жога Г., Толмачев Д. Мера несходства // Эксперт-Урал. 2012. № 12 (504). С. 52-56.

Шумпетер Й. Теория экономического развития / Пер. В. С. Автономова. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 401 с.

Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С., Ребров А. В. Человеческие ресурсы российских бизнес-организаций: проблемы формирования и управления. М.: Инфра-М, 2014. 102 с.

Cundiff P. R. Great Expectations Unmet: The Impact of Adolescent Educational Expectations on Deviant Coping During the Transition to Adulthood // Sociological inquiry. 2017. Vol. 87, issue 3. Pp. 449-471.

Denison E. F. Estimates of Productivity Changes by Industry: An Evaluation and an Alternative. Washington: Brookings Institution, 1989.

Jun K. Reputation of University, Major, Gender and Graduate's Job Search // 2nd International Conference on Applied Social Science – ICASS. Kuala-Lumpur, 2012 Pp. 155-160.

Mavromaras K., McGuinness C., O'Liri N. Job mismatches and Labour Market Outcomes: Panel Evidence on University Graduates // *Economic Record*. 2013. Pp. 382-395.

Mulligan C. B., Sala-i-Martin X. Measuring Aggregate Human Capital // *Journal of Economic Growth*, Springer. 2000. Vol. 5 (3), 215-252.

Rerat R. Highly Qualified Rural Youth? Why Do Young Graduates return to Their Home Region? // *Children's Geographies*. 2014. Pp. 70-86.

Sabates R., Harris A. L., Staff J. Ambition Gone Awry: The Long-Term Socioeconomic Consequences of Misaligned and Uncertain Ambitions in Adolescence // *Social science quarterly*. 2011. Vol. 92, issue 4. Pp. 959-977.

Scales P. C. Youth Developmental Assets in Global Perspective: Results from International Adaptations of the Developmental Assets Profile // *Child indicators research*. 2011. Vol. 4, issue 4. Special issue. Pp. 619-645.

Van Mol C. Migration aspirations of European youth in times of crisis // *Journal of youth studies*. 2016. Vol. 19, issue 10. Pp. 1303-1320.

References

Akberdina, V. V. and Sergeeva, A. S. (2015), "Industrial regions of Russia: comparative analysis", *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/industrialnye-regiony-rossii-sravnitelnyy-analiz> (Accessed 7 September 2017). (In Russian).

Bell, D. (1999), *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo* [The coming post-industrial society], Akademiya, Moscow, Russia. (In Russian).

Vishnevskij, Yu. R., Narhov, D. Yu. and Sil'chuk, E. V. (2016), "New phenomena in the youth environment and current problems of the youth policy", *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, (4), 8-18. (In Russian).

Gavrilyuk, V. V., Mekhrishvili, L. L., Skok, N. I. and et al. (2016), *Obraz budushchego v otsenkah novogo pokoleniya rossiyan. Kollektivnaya monografiya* [The image of the future in the assessments of the new generation of Russians. Collective monograph], Tyumen', TIU, Russia. (In Russian).

Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E., Meng, L. and et al. (2014), *Rossiya i Kitai: molodezh' XXI veka* [Russia and China: the youth of the XXI century], Novy khronograf – IS RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Galbraith, J. (1967), *Novoe industrial'noe obshchestvo* [The New Industrial State], AST, Moscow, Russia. (In Russian).

Zubok, Yu. A., Rostovskaya, T. K. and Smakotina, N. L. (2016), *Molodezh' i molodezhnaya politika v sovremennom rossiyskom obshchestve. Kollektivnaya monografiya* [Young people and the youth policy in modern Russian society. Collective monograph], ITD Perspektiva, Moscow, Russia. (In Russian).

Kastel's, M. and Kiseleva E., (2000), "Russia and the network community", *World of Russia*, (1), 23-51. (In Russian).

Kayumov, A. T., Kanikov, F. K. and Iskhakova, N. R. (2013), "Students of a large industrial city about the prestige of professions", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (8), 87-95. (In Russian).

Klyucharev, G. A. (2015), "'Gap" of education and labor market: opinions of experts", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (11), 49-56. (In Russian).

Makarova, I. V. and Korovin, G. B. (2014), "Trends in the neo-industrialization of the economy of the old industrial region", *Regional Economics: Theory and Practice*, (31), 2-12. (In Russian).

Bannikova, L. N., Belova, O. R., Boronina, L. N. and et al. (2017), *STUDENT 1995-2016 gg.: dinamika sotsiokul'turnogo razvitiya studentstva Srednego Urala* [STUDENT 1995-2016: dynamics of social and cultural development of students of the Middle Urals], in Vishnevskiy, Yu. R. (ed.), UrFU, Ekaterinburg, Russia. (In Russian).

Ul'yanova, E., ZHoga, G. and Tolmachev, D. (2012), "The measure of dissimilarity", *Expert-Urals*, (12), 52-56. (In Russian).

Schumpeter, J. (2008), *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [The theory of economic development], translated by Avtonomov, V. S., Directmedia Publishing, Moscow, Russia. (In Russian).

Efendiev, A. G., Balabanova, E. S., Rebrov, A. V. (2014), *Chelovecheskie resursy rossiyskih biznes-organizatsiy: problemy formirovaniya i upravleniya* [Human resources of Russian business organizations: problems of formation and management], Infra-M, Moscow, Russia. (In Russian).

Cundiff, P. R. (2017), "Great Expectations Unmet: The Impact of Adolescent Educational Expectations on Deviant Coping During the Transition to Adulthood", *Sociological inquiry*, 87 (3), 449-471.

Denison, E. F. (1989), *Estimates of Productivity Changes by Industry: An Evaluation and an*

Alternative, Brookings Institution, Washington, USA.

Jun, K. (2012), "Reputation of University, Major, Gender and Graduate's Job Search", *2nd International Conference on Applied Social Science – ICASS*, Kuala Lumpur, Malaysia, February 1-2, 155-160.

Mavromaras, K., McGuinness, C. and O'Liri, N. (2013), "Job mismatches and Labour Market Outcomes: Panel Evidence on University Graduates", *Economic Record*, 382-395.

Mulligan, C. B. and Sala-i-Martin, X. (2000), "Measuring Aggregate Human Capital", *Journal of Economic Growth*, Springer, 5 (3), 215-252.

Rerat, R. (2014), "Highly Qualified Rural Youth? Why Do Young Graduates return to Their Home Region?", *Children's Geographies*, 70-86.

Sabates, R., Harris, A. L. and Staff, J. (2011), "Ambition Gone Awry: The Long-Term Socioeconomic Consequences of Misaligned and Uncertain Ambitions in Adolescence", *Social science quarterly*, 92 (4), 959-977.

Scales, P. C. (2011), "Youth Developmental Assets in Global Perspective: Results from International Adaptations of the Developmental Assets Profile", *Child indicators research*, 4 (4), 619-645.

Van Mol, C. (2016), "Migration aspirations of European youth in times of crisis", *Journal of youth studies*, 19 (10), 1303-1320.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Дидковская Яна Викторовна, доктор социологических наук, доцент, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Онегов Дмитрий Викторович, начальник отраслевого аналитического Центра кооперативного образования Российского университета кооперации Веры Волошиной.

Yana V. Didkovskaya, Doctor of Sociology, Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Dmitriy V. Onegov, Head of the Sectoral Analytical Center for Cooperative Education, Russian University of Cooperation named after Vera Voloshin.

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-6

Яницкий О. Н.

Глобальные социальные сети:
некоторые теоретические вопросы

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
oleg.yanitsky@yandex.ru

*Статья поступила 18 августа 2018 г.; Принята 4 сентября 2018 г.;
Опубликована 30 сентября 2018 г.*

Аннотация. Статья представляет собой попытку сформулировать некоторые общие принципы сетевого анализа с позиций социологии. Автор исходил из следующих предпосылок: сеть как социальная категория имеет всеохватывающее и универсальное значение, однако ее динамика носит вероятностный характер. Сеть всегда есть взаимодействие агентов и среды их обитания; если несущая способность последней превышена, то она превращается в еще одного агента социального действия; современные сети есть порождение высоко интегрированной социобиотехнической системы (далее – СБТ-системы), в которых метаболические процессы играют ключевую роль. Социальные сети всегда имеют двунаправленный характер: вовне (освоение новых территорий и ресурсов) и вовнутрь для поддержания устойчивости общества и защиты прав и свобод граждан. В условиях развития информационно-коммуникационных систем сети могут возникнуть как в результате процессов общественного производства, так и быть социально-сконструированными, то есть СМИ являются мощным социальным институтом, формирующим общественное сознание и поведение. Сегодня нет более четкого разделения на природные и социальные системы. Сети, сформированные глобальными, региональными и локальными СБТ-системами, оказывают обратное влияние на структуру и динамику общественного производства. Сегодня общество сталкивается со сложным двойным вызовом: необходимостью дальнейшего технологического развития общества и одновременно его гуманизации в условиях ускоряющихся и разнонаправленных его трансформаций.

Ключевые слова: взаимодействие; время; глобализация; индивид; информация; культура; междисциплинарный подход; общественное производство; сети социальные; политика; СМИ; СБТ-системы; технология.

Информация для цитирования: Яницкий О. Н. Глобальные социальные сети: некоторые теоретические вопросы // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 3. С. 72-84. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-6.

Oleg N. Yanitsky | Global social networks: some conceptual issues

Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
24/35, bld. 5 Krzhizhanovsky St., Moscow, 143964, Russia
oleg.yanitsky@yandex.ru

Received on August 18, 2018; Accepted on September 4, 2018; Published September 30, 2018

Abstract. The article is an attempt to formulate some general principles of network analysis under globalization from the viewpoint of sociology. These principles are the following: a network as a sociological category has an all-embracing and universal meaning. But today its dynamics has a probable character. Any network is always an interaction between the agents and their environment. If its carrying capacity exceeds this environment, it turns into one more agent of social action. Modern networks are the results of functioning of a highly-integrated sociobiotechnical system (hereafter – the SBT-system) in that the metabolic processes play a key role. Global social networks always have a double-sided character: outside-directed for the mastering of new territories and resources and inside-directed aimed at the maintenance of a society or community sustainability and at the defense of human rights and freedoms. Under conditions of information-communication society social networks may emerge as a result of development of social production or to be socially-constructed. Thus, mass-media are now a mighty instrument for shaping the publics' consciousness and behavior. There are no social networks shaped by natural or social agents separately. Modern global, regional and local networks have a reverse impact on structure and dynamics of public production as well as on human consciousness and behavior. Today, any society meets a double challenge: the necessity of further technological development and at the same time its humanization under conditions of its accelerating and multi-directional transformations.

Keywords: culture; globalization; individual; information; interdisciplinary approach; interaction; mass-media; public production; social networks; SBT-systems; technology; time.

Information for citation: Yanitsky, O. N. (2018), "Global social networks: some conceptual issues", *Research Results. Sociology and management*, 4 (3), 72-84. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-6.

Введение (Introduction).

Общие принципы и подходы. Сегодня в общественных науках господствует представление, что сети это, прежде всего, суть информационные сети. Однако это глубокое заблуждение. С древности и до наших дней сети дорог, водных и морских путей, а сегодня – сети, реализованные в воздушной и космической средах, имеют не меньшее значение, чем глобальная «инфор-

мационная паутина». А линии государственных границ или межрегиональные размежевания оказывают на людей и их экономическую и политическую активность не меньшее влияние, чем виртуальные сети. Сеть как социальная категория имеет всеохватывающее и универсальное значение.

Всякая сеть всегда есть взаимодействие, которое может быть мгновенным или отложенным, прямым или ассиметричным,

оно может быть осуществлено в виде прямого или косвенного (через другие структуры) ответа, или же вообще остаться безответным. Агентами (актерами) взаимодействия могут быть отдельные социальные (индивиды, общности, государства или их альянсы), технические структуры или природные объекты или природные экосистемы.

Во взаимодействии, как правило, участвует несколько агентов, но степень или форма этого участия может быть различной, от решающей до практически незаметной. Физический размер агента имеет значение, но далеко не главное. Из истории хорошо известно, что почтовый голубь или стая голубей с привязанной к их лапкам паклей, могли сыграть решающую роль в исходе политического противостояния или конкретной битвы.

В системном подходе к политическим и социальным проблемам *всегда есть агент и среда*. Среда может быть природной, социальной или технически сконструированной. Сначала в естественных науках, а сегодня и в социальных, широко используется понятие «несущей способности» среды (*carrying capacity*), то есть некоторый предел, до которого эта среда может аккумулировать, поглощать или даже не замечать оказанные на нее воздействия. Если этот предел превзойден, то результатом воздействия извне могут быть: трансформация, включая полное разрушение этой среды, или же превращение этой среды в агента социального действия, причем в агента достаточно агрессивного.

С момента зарождения человеческих сообществ их *сети всегда имели двунаправленный характер*: вовне, для поиска ресурсов своего существования и вовнутрь, для поддержания устойчивости самого сообщества. Также двунаправленными были и ориентиры, поддерживавшие и направлявшие деятельность сообщества: вовне (тотемы, религиозные догматы и обряды) и вовнутрь, поддерживавшие и воспроизводившие социальный порядок внутри местного сообщества (обычай, правила).

Общественные науки, изучающие социальные сети, как правило, отвлекаются от того факта, что среда обитания человеческих сообществ разнородна. В действительности же она не только «состоит» из природных, социальных и техногенных элементов, но и является собой сегодня некоторое интегрированное целое. Сегодня нет больше отдельно человека и природы, человека и «машины», а есть некоторое интегрированное целое, которое я называю СБТ-системой (см. Яницкий, 2016). Причем для разных сообществ формы сочетания природных, социальных и техногенных элементов и их взаимодействия будут различными.

Вариантов ответного действия (feedback) некоторого сообщества на изменение среды обитания могло быть много. Вначале человеческой истории эти малые сообщества постоянно перемещались в поисках средств жизнеобеспечения, жилища или же под воздействием изменявшихся климатических условий. Но в ходе исторического процесса сформировался ряд социальных институтов, главной задачей которых были охрана уже имеющихся условий жизни и постоянный поиск ресурсов для воспроизводства постоянно растущего «тела» самого сообщества. Мобильность агентов этого сообщества всегда была условием его самосохранения и расширенного воспроизводства. К. Маркс был прав, когда утверждал, что «человек живет природой». Но, как показал многовековой опыт человеческой истории, *«коллективный человек» живет также за счет других ему подобных сообществ*.

Но вернемся к реакции современных обществ на вызовы среды их обитания. Их много, от порождения этой средой лидеров общественного мнения, публичных фигур или же организаторов местных групп активистов или социальных движений и до массовых протестных выступлений и действий, захватывающих другие группы населения вплоть до политических кризисов и смены правительства (как это периодически происходит в разных частях света).

Но чем дальше, тем больше *современные «вызовы» порождаются качественно различными социальными явлениями*. С одной стороны, это вызовы, *порождаемые реальными кризисами* среды обитания (экономическим или финансовым кризисом, безработицей, демографическим дисбалансом), а с другой стороны, это – вызовы *социально-сконструированные* и внедряемые в массовое сознание посредством масс-медиа. В последнем случае принцип «следуй за агентом», присущий социологии модерна (Touraine, 1988; Fisher, 2003) замещается императивом «следуй за симулякрами», то есть генерируемыми масс-медиа образцами «должного», с целью поддержания потребительского спроса. Это не означает, что в обществе постмодерна традиция или сложившийся уклад жизни как этическая норма и социальный институт совсем исчезли, но то, что их регулятивная сила быстро ослабевает, это факт.

Особо важную функцию выполнял *язык как средство коммуникации* внутри и вне данного сообщества. Язык не только был средством, консолидовавшим данное сообщество и отличавшим его от других (принцип «свой» – «чужой»), но и инструментом, объединявшим членов данного сообщества для коллективных действий вовне. Эта «сигнальная» функция языка имела особое значение, поскольку поначалу мир вокруг данного сообщества был чужим и враждебным. Наконец, у языка была еще одна важная функция: он не только консолидировал действия сообщества, но и помогал ему переводить «язык природы» на язык социального действия (охота, рыболовство, изготовление орудий труда, сооружение жилищ и т.д.). То есть наблюдение как момент любого социального действия всегда было важнейшей функцией поддержания жизнеспособности данного сообщества. Наблюдение было отправной точкой последующего формирования науки, политики и других социальных институтов, как и упомянутый выше принцип обратной связи в системе «человек–

среда его обитания». Иными словами, междисциплинарный подход к изучению СБТ-систем, над которым бьются современные ученые, осуществлялся еще в глубокой древности опытным путем.

Наконец, поскольку во всех общественных системах существовали асоциальные сообщества (криминальные, теневые, коррупции и т.д.), *всегда были сети явные и тайные, официальные и криминальные*. Иными словами, общественная жизнь была всегда разделена на две сферы: публичную и скрытую от глаз общества. С развитием информационно-коммуникационных технологий параллельно развивались две сферы общественного производства: одна была практически доступна всем, тогда как другая развивалась и действовала только в интересах ограниченного круга социальных агентов. Проблема не только в том, что эти сети конкурировали друг с другом, но и в том, что они были построены на разных принципах. Более того, в ряде сообществ асоциальные сети постепенно взяли верх над публичными сетевыми сообществами.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Вызовы современного глобального сообщества. Я имею в виду именно современное общество, потому что «открытие Америки» или первые кругосветные путешествия, доказавшие, что земля круглая, несомненно, являются событиями глобального масштаба. Эти и многие другие события положили начало превращению мира как совокупности человеческих сообществ, разделенных морями и океанами, в глобальный, то есть взаимозависимый мир. Значительная часть подобной «глобальной интеграции» была достигнута силовым способом. Тем не менее, параллельно развивались торговые, социальные и иные сети. *Главный сдвиг – это растущая взаимозависимость местных сообществ, стран и регионов.* Одни авторы называют Первую мировую войну началом процесса глобализации, другие – становление глобальных социальных институтов и выработку общих

«международных правил игры», третьи – переход ведущих капиталистических стран в фазу Четвертой промышленной революции, то есть в фазу информационного производства.

С моей точки зрения, наиболее существенно то, что большинство ученых и политиков земного шара почувствовало включенность своих стран и институций в этот глобальный «круговорот», какие бы местные силы не призывали к изоляции от него. Я позволю себе провести аналогию с концепцией биосферы, сформулированной Тейяром де Шарденом и В.И. Вернадским в начале XX века (Вернадский, 1980). Оба они были согласны в том, что дело не только в феномене всеобщей взаимозависимости, но и в том, что *сформировалась глобальная суперсистема, имеющая собственные закономерности эволюции*. Впоследствии американский биолог и экономист Б. Коммонер сформулировал эту взаимозависимость следующим образом: «Все связано со всем и все куда-то попадает. И ничто не дается даром». В терминах системной динамики эту взаимозависимость сформулировал американский ученый Дж. Форрестер (Forrester, 1971).

Интересно, что тогда же, в 1970 г., именно Форрестер предложил молодому ассистенту из Массачусеттского технологического института (США) Д. Мидоузу возглавить проект по изучению пределов роста глобальной социальной системы. Это проект, который развивался 50 лет, последний доклад был приурочен к 50-летию Римского Клуба (Weizsäcker and Wijkman, 2018). Однако до сих пор никаких «прорывных» решений этой проблемы выработано не было. Напротив, продолжалась и усиливалась борьба глобальных и региональных сил за ресурсы, власть и влияние. Более того, эта борьба приобретала все более хаотичный и непредсказуемый характер. Видимо, прав был немецкий социолог У. Бек, утверждая, что мы сегодня живем в мире «побочных эффектов» (side-effects), которые очень трудно предсказывать. Если этот

тезис дополнить напоминанием об «обратной связи» среды обитания и агентов влияния, то получается, что мир движется в направлении хаотичного (Броуновского движения), что чревато глобальными рисками для всего живого. Попробуем проанализировать некоторые причины растущей хаотизации глобальной СБТ-системы.

Информационные технологии и культурное наследие. Наше общество чтит акад. Д. С. Лихачева как одного из величайших российских историков и гуманистов, издаются его книги, проводятся конференции и памятные чтения в его честь. Сегодня линию на гуманизацию науки и массовой культуры продолжает коллектив под руководством проф. С. А. Кравченко. Однако на практике культура разделилась на классическую и массовую (поп-культуру), культурные мероприятия все более зависят от бизнеса, или просто становятся им и т.д. А местные краеведческие музеи бедствуют, параллельно идет процесс передачи музейных комплексов в ведение Православной церкви. Этот процесс требует «научного сопровождения», иначе происходит ненамеренная утеря культурных ценностей. Так, недавно реставраторы показали, как верующие «зацеловали» часть фресок Дионисия, выполненные им в XVI в. в Ферапонтовом монастыре, практически уничтожив их.

Вот передо мной две работы: статья Д. С. Лихачева «Экология культуры» (Лихачев, 1982), многократно тиражированная и переведенная на другие языки, и книга К. Шваба «Четвертая промышленная революция», переведенная на русский язык (Шваб, 2017). Эти работы представляют собой два полюса научного подхода: гуманистический (и одновременно, междисциплинарный) и технократический. Первый призывает к необходимости сохранения культурного наследия страны в его целостности, тогда как второй предрекает полную перестройку способа производства, который повлечет за собой цепь неизбежных потерь и бедствий. Вот только некоторые из них: неизбежное сокращение рынка живого труда, безработица (или в лучшем случае,

поденная работа безо всяких социальных гарантий), замену человека «умными машинами» и т.д. И, самое главное, изменится не только то, что и как мы делаем, но и то, кем мы являемся на самом деле (Шваб, 2017: 11). То есть грядет полная перестройка самого принципа сосуществования человека и им же созданной машины, технологии и общества.

Одним из ключевых понятий цифровой революции, по Швабу, является разрыв, дезинтеграция, крушение (*disruption*). Поэтому неслучайно Шваб прямо предрекает, что цифровая революция «фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение». Это революция не имеет аналогов в истории человечества (Шваб, 2017: 9). И Шваб, говоря, что разные формы человеческого интеллекта являются *необходимыми инструментами*, позволяющими «функционировать в условиях четвертой промышленной революции и извлекать их для себя выгоды» (Шваб, 2017: 131; выделено мною – О. Ян.). Как при этом сбалансировать «сосредоточенность на самом себе», то есть человеческий эгоизм, и «чувство общей цели» человечества неизвестно. «Доверие» и «сотрудничество» между богатыми и бедными, между вершителями судеб мира и париями «цифрового» общества, если я правильно понимаю этого автора, – весьма сомнительная идея.

Однако никакой дискуссии о соотношении этих двух противоположных трендов глобальной динамики ни в отечественной, ни в зарубежной социологической литературе я не нашел. Не было ее и на недавно состоявшемся Всемирном социологическом Конгрессе в Торонто. Каждый продолжал «копать свою ямку». В этом отношении показателен заключительный раздел книги Шваба, озаглавленный «На пути к новому культурному ренессансу». Помимо общих слов о необходимости такого ренессанса, важности доверия между людьми и народами я не нашел никаких конкретных предложений. Вот заключительный пассаж этого раздела: «Четвертая

промышленная революция обладает потенциалом роботизировать человечество и поставить под угрозу наши традиционные источники смыслов, такие как работа, общество, семья, личность». Так, значит, надо сначала все же оценить суть грядущих изменений, минимизировать их риски и только исходя из этого, думать о том, как двигаться к «новому коллективному моральному сознанию, основанному на едином представлении о судьбе» (Шваб, 2017: 136). О судьбе кого или чего? Показательно, что в разделе «Благодарности» названы десятки имен, в основном из стран Англо-Саксонского мира, но – ни одного из России. То есть это проект для «продвинутых», который потом будет предложен остальному миру.

Поэтому прежде чем мы включимся в эту технологическую гонку, мы должны четко определить, какие социальные и гуманистические цели преследует эта перестройка и как их достичь наименее болезненным для массового общества способом. Но этого мало.

Шваб противопоставляет абстрактных технологию и общество, нимало не интересуясь тем, как и как их будет примирять. А примирять их необходимо, поскольку они не только создаются разными агентами, но и имеют различные способы и инструменты воспроизводства. *Информационные технологии создаются в специализированных лабораториях и институтах* и потом навязываются всему обществу под угрозой увольнения, понижения в должности и т.п. Старшее поколение, в особенности пенсионеров, вообще никто не спрашивает и уж тем более не обучает новым технологиям – им информационные услуги просто навязываются сверху.

Культура же, ее нормы и коды вырабатываются постепенно и с неперенным участием самых широких масс населения. Культура многогранна, многоаспектна, очень устойчива во времени и пространстве, и поэтому она может считаться междисциплинарным феноменом. Возьмем, например, то же краеведение, теории и

практике которого Лихачев посвятил многие годы жизни. Ведь краеведение – не только ведение, но и *творение* (*описание, сохранение, обновление*) *среды обитания*, творение, которое осуществляется многими людьми совместно и рассчитано на многие годы. Именно таким путем создаются среда и образ Малой родины. Возьмем, например, г. Мышкин, маленький город в Нижегородской области, к которому долгое время был доступ только по реке. Город умирал, но усилиями местных жителей он за прошедшие 20 лет был превращен в живой памятник истории и культуры и был включен в Малое Золотое Кольцо. Причем всем его жителям, молодым и старым, нашлось дело по душе. Если же все связи человека с местом разрушены, то он превращается в вечного мигранта, которого еще век назад О. Шпенглер называл «перекати поле». Или уважаемый К. Шваб предлагает всему миру возврат к кочевому образу жизни?

«Четвертая власть» – власть над умами? СМИ есть сегодня та социальная сеть, без которой человек не может существовать. Я включаю в это понятие все виды информационных коммуникаций, кроме виртуальных сообществ, о которых речь пойдет ниже. Телевизор по объему и скорости доступной пользователю информации не сопоставим с компьютером или гаджетом, но, в конечном счете, они выполняют одну и ту же функцию включения человека в большой информационный мир, но одновременно этот мир начинает руководить нами, определяя наши мысли и действия. СМИ – тема отдельного подробного разговора, поэтому отмечу только их ключевые характеристики.

Первое, СМИ – это вторая, особая реальность. Причем реальность агрессивная, структурирующая наше восприятие реальной (материальной) жизни. Со временем индивид начинает или замещать информацией, образами, слоганами, продуцируемыми СМИ, эту вторую реальность, или же его сознание и поведение «раздваивается», порождая постоянный когнитивный диссо-

нанс. Это особенно хорошо видно на примере рекламы, которая просто психологически давит на потребителя, принуждая его делать ненужные траты и покупки.

Второе, СМИ – это действительно «четвертая власть», не только потому, что она постоянно окружает нас, и от ее воздействия мы никак не можем отделаться, но и потому, что СМИ, как правило, принадлежат или государству, или медийным магнатам. Как показали А. Арсеналт и М. Кастельс, эти агенты управляют содержанием и потоком информации при помощи всего двух инструментов: переключения (отключения) каналов или перепрограммированием контента СМИ (Arsenalt and Castells, 2008).

Третье, раньше ученые четко различали, где информация, отражающая состояние реальности, где «переработанная информация», которая затем используется в учебных целях и где откровенная пропаганда. Ученые могли это различать, потому что обладали фундаментальными знаниями о мире, в котором они жили. Сегодня же мир изменяется столь быстро, что научное его познание не успевает за изменениями «внешнего» мира. Поэтому всегда есть соблазн повысить свой престиж, заявив нечто сенсационное первым. И неважно, что это потом забудется.

Четвертое, это была развилка путей науки и СМИ (time gap). Общественные науки продолжали изучать социальный мир, стремясь создать принципы и законы (нормы, правила, коды) его регулирующие, а этот мир изменялся столь быстро, что единственным способом догнать его становилось непрерывное производство все новых указов, подзаконных актов, разъяснений, указаний и т.д.

Пятое, однако, этой бюрократической, по своей сути, работы оказалось недостаточно. Действительность изменялась все быстрее. И тогда на вооружение общества и государства был взят прием, известный с древнейших времен. Речь идет о конструировании социальной и иной информации.

Однако если в прошлом создание дезинформации было, прежде всего, делом военных стратегов, то сегодня такое конструирование стало не только общим принципом, но и было возведено в ранг государственной политики.

Шестое, другая сторона этой перемены заключалась в том, что конструируемая публичная политика стала не только оружием борьбы противоборствующих сил, но стала быстро вытеснять научные знания как основы этой политики. «Социологи сказали» из императива этой политики превратилось в (необязательное) дополнение или украшение тех решений, которые принимали сами политики и тут же их распространяли при помощи СМИ.

Седьмое, конструировать информацию гораздо легче и быстрее, чем выстраивать разные системы глобального мониторинга. Особенно когда ее продуцирует лидер некоторой великой державы. А ему, как показала новейшая история, ничего не стоит пересмотреть свое решение или вовсе отменить его. Предсказать природную или техногенную катастрофу очень трудно, а припугнуть обывателя такой возможностью – легко. Политика стала приобретать «игровой характер». Не случайно, что телевизор полон мистических историй и апокалиптических предсказаний.

Восьмое, более того, СМИ превратились в инструмент, называемый на политическом языке «утечкой информации». Этим достигались две цели: в политический процесс вносился момент неопределенности, необходимый для дезинформации вероятного противника, и одновременно общественное мнение информировалось, что власть не дремлет, что она «в курсе» и в нужный момент скажет свое веское слово.

Девятое, СМИ формируют коллажное сознание, которое, с одной стороны, очень рассеяно, размыто и потому неустойчиво, а с другой стороны, потому что понижает потенциал активности индивида. Он все чаще предпочитает дожидаться ее рецепта, нежели принимать самостоятельное решение. К тому же, СМИ предпочитают

«горячие новости (breaking news), сенсации. Главное – это быть первыми, оглушить зрителя, заставить его ждать продолжения очередного политического детектива, но не готовить его к самостоятельным действиям.

Десятое, в конечном счете, медиаманаты и бюрократия находят друг друга, и человек оказывается не в состоянии принимать самостоятельные решения. Он вынужден или обращаться к адвокатам, или же опять ждать «продажи» очередного пакета «самых выгодных услуг», который завтра будет заменен другим пакетом.

Жизнь в виртуальном мире. В этом параграфе названы только некоторые черты жизни людей и социальных сообществ в социальных сетях (СС), в действительности ее разнообразие огромно. *Первое*, с разрушением семьи и соседства общение в СС частично компенсировало эту потерю. Одновременно уход в СС был естественной реакцией на давление СМИ и рекламы. Защищенные связи в сетях компенсировали утерю былой приватности и одновременно создавали новые площадки для общения индивидов (De Donk et al., 2004). Но это уже иная – цифровая – приватность, которая находится под постоянной угрозой хакерской атаки.

Второе, более того, это уже была иная, сетевая идентичность. Человек сети мыслил и действовал иначе, чем член местной общины. Конечно, это – только типологическое различие, но оно чрезвычайно существенно. Язык человека СС все более отличается от языка общения традиционных («земных») сообществ.

Третье, сегодня открытые и скрытые СС все более различаются по структуре, функциям и отношению к ним государства и общества. Фактически, это две мало пересекающиеся сетевые системы. Первые обсуждают преимущественно публичные дела и проблемы, а вторые – скорее, корпоративные или узкогрупповые.

Четвертое, СС являются сегодня инструментом для мирной и критической мобилизации. Под первой я понимаю краудсорсинг и хедхантинг (crowd sourcing and

head hunting), а под второй – все виды мобилизации людей и ресурсов для защиты от природных и техногенных катастроф. Однако оба вида мобилизации таят в себе опасность использования потенциально опасных людей и ресурсов, что было продемонстрировано многолетним исследованием Международного экономического сообщества (The Global Risks Research, 2018).

Пятое, но для нас сегодня особенно важными являются те виды и формы мобилизации, которые позволят нашему обществу осуществить переход к новому («цифровому») способу общественного производства наиболее быстро и с наименьшими потерями. Существенно, что в высоко интегрированном обществе СС выполняют функцию среды междисциплинарного общения.

Шестое, по моему глубокому убеждению, современная (в широком смысле) политика строится на двух противоречащих друг другу основаниях. С одной стороны, в условиях рыночной экономики весь глобальный механизм СС и, в особенности, рекламы, направлен на укрепление общества потребления. Но с другой стороны, с каждым днем растет ценность «закрытой» (инсайдерской) информации, которая должна защищать «своих» и подавлять «чужих».

Седьмое, СС как инструмент политической борьбы используются чрезвычайно широко (вербовка, политический и промышленный шпионаж, дезинформация и др.). Но если в обществе нет справедливости и демократии, то силы, борющиеся за более демократический мир, вынуждены использовать СС в своих интересах или создавать их скрытые каналы. В обоих случаях инсайдерская информация ценится чрезвычайно высоко.

Восьмое, видя громоздкость и растущее отставание институциональных решений, президент США Трамп и некоторые другие лидеры предпочитают «управлять миром» через личные сети (твиттер). Более того, личное общение лидера нации и рядового населения сегодня широко практикуется и в других странах, в том числе, и в РФ.

Девятое, роботы используются там, где решающими являются два критерия: объем обработанной информации и скорость выдачи результата. Таким институтом являются международные и национальные биржи. Однако, как свидетельствует надежный источник («Коммерсантъ» 02.09.2018), виртуальная преступность быстро растет именно в виртуальной сфере, потому что там такие преступления трудно исткать и еще труднее доказывать. Тем более, что одна секунда «опережения» инсайдерской информации по отношению к официальной стоит очень дорого. Таким образом, гонка между тайными и явными действиями перемещается в виртуальную сферу.

Этика системного подхода в социальных науках. С моей точки зрения, сегодня в условиях интегрированного и быстро изменяющегося мира задача системного подхода не ограничивается анализом прошлых и настоящих трендов и трансформаций. Эта задача заключается в предвидении путей глобальной динамики в совокупности ее природных, социальных и техногенных последствий. Если обществоведы не могут предсказать предстоящих в обществе изменений, то их моральная обязанность предвидеть ближайшие и отдаленные «побочные последствия» (side-effects, термин, введенный в научный оборот У. Бекон) этих изменений. Меняется мир – меняется этика его системного анализа.

Я не подвергаю сомнению важности тех норм и правил научного исследования, которые были сформулированы Р. Мертоном более полувека назад. Но времена изменились. Сегодня научное исследование встроено в ткань комплексного глобального процесса, который становится нелинейным и потому все менее предсказуемым. Поэтому предлагаемые биологами прямое применение методов естественнонаучного познания к изучению сложных СБТ-систем (Яблоков и др., 2018) также недостаточно. Изучение дискурсов, касающихся этих изменений, необходимо, но тоже недостаточно, в частности потому, что

сегодня эти дискурсы социально конструируются и направляются. Соответственно, «рационализм» как методология научного исследования постепенно вытесняется анализом сложных систем (Keen, 2008), учитывающим сложные прямые и обратные взаимодействия между агентами и средой их обитания.

Иными словами, «онтология» как создатель своей этики сегодня развивается все быстрее «гносеологии». Не случайно обществоведы все чаще используют в своих исследованиях не методы массовых опросов или изучение «случаев» (case-studies), а непрерывный мониторинг глобальной динамики, производимый из множества точек земного шара, а также методы построения возможных направлений и сценариев ее будущей эволюции. Наличие инсайдеров, продуцирующих информацию «изнутри» изучаемого процесса, есть другой метод непрерывного изучения современных глобальных процессов. Такими инсайдерами могут быть как индивиды, так и технические системы (камеры непрерывного наблюдения, жучки, дроны и т.д.).

Но и этого, по моему мнению, недостаточно, потому что *сами принципы и организация глобального мира являются полем острой политической борьбы*, в условиях растущего дефицита ресурсов и растущей численности населения земли. Поэтому реальная этика «мирного сосуществования» населяющих нашу планету существ должна базироваться на принципе, который я называю «пределом допустимости». Ожесточенная борьба за ресурсы не должна привести к уничтожению всего живого на земле.

Значит, нужна этика гибридной войны. Однако трактовка этого термина как комбинации разных методов идеологической, экономической, технологической и иной войны не отвечает сути происходящего. Гибридная война – это лишь эфемеризм, скрывающий основной принцип капиталистического способа производства: борьба против конкурентов любыми спосо-

бами. Сегодня, когда уже нет социалистической системы, борьба между различными агентами капиталистического способа производства стала еще более острой. То есть противоречие заложено в сути самого капиталистического способа производства. В ход идут любые средства, политические, идеологические, медийные или технологические.

И выбор здесь невелик: или одна сторона временно победит своего противника, и борьба «всех против всех» будет продолжена с переменным успехом. Или все живое будет уничтожено, или же наша планета взорвется вследствие резкого нарушения внутреннего баланса между ее ядром и его оболочкой (мантией). Замечу, что вся этическая программа международного исследования «Пределов роста» – в его рамках было подготовлено 40 докладов Римскому Клубу – этот проект, который продолжался 50 лет, содержал лишь набор ограничений, которые следовало бы наложить на рост населения, потребление ресурсов (в том числе, энергетических) и т.д. (Von Weizsäcker and Wijkman, 2018). Особенно в этом преуспели технократы, полагающие, что население, темпы его роста, и его потребности сократятся естественным образом вследствие замены человеческого труда «умными машинами». Эту форму технократической этики можно квалифицировать как «предельное безразличие» капиталистической системы как субъекта в отношении агентов, ее создающих.

Но, допустим, что здравый смысл на некоторое время возобладает. Но остается и бурно развивается самый мощный и наиболее эффективный инструмент гибридной войны: конструирование социальных фактов и их внедрение в массовое сознание. Я пока не вижу путей для создания этического противоядия этой атаке фейковой информации. Очевидно одно: гибридная война, подкрепленная акциями устрашения (санкциями, обвинениями в нарушении международных соглашений, угрозой военного вмешательства) все более перемеща-

ется в сферу сознания людей, формирования стереотипов их повседневного поведения. Этика гуманизации всех общественных отношений, включая создание новых технологий, (Сорокин, 2000; Кравченко, 2015, 2018), сама по себе чрезвычайно актуальная, сегодня не находит отражения ни в идеологии, ни в глобальной политической практике. Напротив, набирает силу этика «сильной руки», подавления инакомыслия, подчинения слабого сильному.

Я опускаю здесь проблему «нормальной аномии», когда ускорении темпа перемен ведет к подчинению человека сконструированных виртуальных образов, поскольку оно детально проанализирована в коллективном исследовании под руководством проф. С. А. Кравченко (Кравченко, 2018). Замечу только, что у этой проблемы есть еще одна сторона: искейп, то есть полный уход индивида в виртуальный мир. И чем сложнее и непонятнее становится мир реальный, тем виртуальный мир привлекает своей открытостью и многообразием. Лишь позже человек начинает понимать, что он полностью «гол» и беззащитен на ветру ускоряющихся перемен. Во всяком случае, западные социологи бьют тревогу по поводу разрушения «приватности», этого бастиона индивидуальной жизни и демократии (Friedwald and Pohoryles, 2013). Или, как его называл Э. Гидденс, «кокона основополагающего доверия».

Последнее. До сих пор этические системы исходили из общества людей и были обращены к ним же. Но как выстраивать этическую систему, если социальными агентами становятся не только люди, но и гибридные существа? Что мы должны сделать: заложить в электронный мозг «умных машин» наши этические представления о должном поведении? Но на то они и «умные машины», чтобы действовать самостоятельно, смотря по обстоятельствам. Но эти будущие обстоятельства в «текущем мире» нам неизвестны. Пока что получается, что все эти нерешенные вопросы человек просто «заложит» в электронный мозг машины

и будет совершенствовать его по мере изменения ситуации. То есть мы приходим к тому, с чего начали: человечество не успевает за темпом перемен, оно их не предвидит, а лишь следует за ними. Это – замкнутый круг.

Заключение (Conclusions). Сеть как социальная категория имеет всеохватывающее и универсальное значение. Структуру и функционирование современного мира можно описать в терминах социальных сетей, но понять и тем более прогнозировать его динамику только в этих терминах невозможно. Есть сети и потоки, которые не подчиняются известным на сегодня современной науке законам термодинамики. Всегда есть риск «неожиданных» событий и их последствий. То есть функционированию и динамике этих сетей присущ вероятностный характер.

С исторической точки зрения, современные социальные сети не представляют собой ничего принципиально нового. Как и всякая инновация, *информационные сети всегда двусторонни*: в одном случае они дают новые инструменты и открывают новые горизонты, а в другом они увеличивают риск глобальных аварий и катастроф всех видов. В одних случаях они стимулируют экономическое и социальное развитие, а в других его тормозят и даже разрушают.

Я ничуть не отвергаю важности дискурсивного анализа, но при всех его достоинствах он все же вторичен. Наша наука слишком долго фиксировала состояние общества по принципу «больше – меньше», тогда как сегодня, прежде всего, необходимо изучение его динамики и сопряженных с ней вызовов и рисков. О динамике общества можно дискутировать сколько угодно, но *сегодня познание ее онтологии, ее плюсов и минусов в конкретно-историческом контексте* – наиболее актуальная задача.

Онтология динамики современных сетей должна изучаться в категориях пространства и времени. Обе эти категории – не линейные. И время, и пространство могут «искривляться», «замедляться», как в

зависимости от целей, которые ставит человек, так и от состояния среды, социальной, биофизической, техногенной и т.д., в которой он живет и действует.

Список литературы

Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории. Вып. XVI. М.: Наука, 1980. 320 с.

Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. М.: МГИМО-Университет, 2015. 342 с.

Кравченко С.А. Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации. М.: «МГИМО-Университет», 2018. 209 с.

Лихачев Д.С. Экология культуры // Знание-сила. 1982. № 6. С. 22-24.

Сорокин П. Интегрализм – моя философия // Социологические исследования. 1992. № 10.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗГХИ, 2000. 278 с.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э», 2017. 208 с.

Яблоков А.В., Левченко В.Ф., Керженцев А.С. Очерки биосферологии. СПб.: Свое издательство, 2018. 150 с.

Arsenault A. and Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics // International Sociology. 2008. № 23(4). Pp. 488-513.

De Donk W., Loader B., Nixon P., Rucht D., eds. Cyberprotest. New Media, Citizens and Social Movements. London: Routledge, 2004. 194 p.

Fisher F. Citizens, Experts, and the Environment. The Politics of Local Knowledge. Durham and London: Duke University Press, 2003. 336 p.

Forrester J.W. World Dynamics. Cambridge: Wright-Allen Press, 1971. 263 p.

Friedwald M. and Pohoryles J. 2013. Technology and Privacy. Innovation // The European Journal of Social Science Research. 2013. № 26 (1-2). Pp. 1-6.

Keen D. Complex Emergences. Cambridge: Polity, 2008. 293 p.

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva: World Economic Forum, 2016.

The Global Risks Report 2016. Geneva: World Economic Forum. URL: www.weforum.org/risks (дата обращения: 01.09.2018)

Touraine A. Return of the actor: social theory in postindustrial society. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988.

Von Weizsäcker E.U. and Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population, and the Destruction of the Planet. Springer. 2018. DOI 10.1007/978-1-4939-7419-1.

Yanitsky O. Sociobiotechnical Systems: a New Approach to Man-Nature Interactions // On Globalization and its Environmental Consequences. Moscow: Institute of Sociology Russian academy of sciences, 2016. Pp. 123-135. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=4603 (дата обращения: 01.09.2018).

References

Verнадский, V. I. (1980), *Problemy biogeokhimii. Trudy` biogeokhimicheskoy laboratorii* [Problems of biogeochemistry. Proceedings of the biogeochemical laboratory], Vol. XVI, Nauka, Moscow, Russia. (In Russian).

Kravchenko, S. A. (2015), *Sotsiologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vremeni»: vostrebovannost` gumanisticheskogo povorota*, [Sociological knowledge through the prism of "arrows of time": the demand for humanistic turn], «MGIMO-Universitet», Moscow, Russia. (In Russian).

Kravchenko, S. A. (2018), *Gumanisticheskii povorot: imperativ chelovecheskoy tsivilizatsii* [A humanistic twist: the imperative of human civilization], «MGIMO-Universitet», Moscow, Russia. (In Russian).

Likhachev, D. S. (1982), "Ecology of culture", *Znanie-sila*, (6), 22-24. (In Russian).

Sorokin, P. (1992), "Integralizm – moy filosofiya", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10). (In Russian).

Sorokin, P. A. (2000), *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika: issledovanie izmeneniy v bol'shix sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshhestvennykh otnosheniy* [Social and cultural dynamics: a research of changes in large systems of art, truth, ethics, law and social relations], ZGXI, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Shvab, K. (2017), *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution], Izdatel'stvo «E», Moscow, Russia. (In Russian).

Yablokov, A. V., Levchenko, V. F. and Kerzhentsev, A. S. (2018), *Ocherki biosferologii* [Essays on biospherology], Svoe izdatel'stvo, St. Petersburg, Russia. (*In Russian*).

Arsenault, A. and Castells, M. (2008), "Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics", *International Sociology*, (23), 488-513.

De Donk, W., Loader, B., Nixon, P., Rucht, D. and eds. (2004), *Cyberprotest. New Media, Citizens and Social Movements*, Routledge, London, UK.

Fisher, F. (2003), *Citizens, Experts, and the Environment. The Politics of Local Knowledge*, Duke University Press, Durham and London, UK.

Forrester, J. W. (1971), *World Dynamics*, Wright-Allen Press, Cambridge, UK.

Friedwald, M. and Pohoryles, J. (2013), "Technology and Privacy, Innovation", *The European Journal of Social Science Research*, (26), 1-6.

Keen, D. (2008), *Complex Emergences*, Polity, Cambridge, UK.

Schwab, K. (2016), *The Fourth Industrial Revolution*, World Economic Forum, Geneva, Switzerland.

The Global Risks Report (2016), World Economic Forum, Geneva, available at: www.weforum.org/risks (Accessed 1 September 2018).

Touraine, A. (1988), *Return of the actor: social theory in postindustrial society*, University of Minnesota Press, Minneapolis, USA.

Von Weizsäcker, E. U. and Wijkman, A. (2018), *Come On! Capitalism, Short-termism, Population, and the Destruction of the Planet*. Springer.

Yanitsky, O. (2016), "Sociobiotechnical Systems: a New Approach to Man-Nature Interactions", in Yanitsky, O. (ed.), *On Globalization and its Environmental Consequences*, Institute of Sociology Russian academy of sciences, Moscow, 123-135, available at:

http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=4603 (Accessed 1 September 2018).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Яницкий Олег Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Oleg N. Yanitsky, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

**СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES**

УДК 316.45, УДК 331.1

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-7

Прус Ю. В.¹
Федотова М. А.²
Инь Бинь³

**Статистическое моделирование и технологии искусственного
интеллекта в оценке и управлении параметрами единого
креативного поля команд: опыт количественного анализа**

¹⁾ Российский государственный социальный университет
ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, г. Москва, 129226, Россия
YUVprus@fa.ru

²⁾ Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)
ул. Волоколамское шоссе, д. 4, к. 5, г. Москва, 125993, Россия
fedotova-ma@yandex.ru

³⁾ Центр русско-китайского гуманитарного сотрудничества и развития
ул. Введенского, д. 1А, оф. 6.3, г. Москва, 117342, Россия
ruskicentr@yandex.ru

*Статья поступила 11 августа 2018 г.; Принята 2 сентября 2018 г.;
Опубликована 30 сентября 2018 г.*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с моделированием процессов формирования и управления командной работой, в том числе параметрами единого креативного поля проектных команд. Дается краткий анализ существующей социальной ситуации и моделей, используемых в социальных исследованиях, рассматриваются их сильные и слабые стороны. Дается краткий перечень используемых социологических методологических подходов, теоретических и методических инструментов. Приводятся результаты конкретных социально-психологических экспериментов, связанных с формированием и оценкой полученных параметров единого креативного поля. Предлагается система статистических, динамических/имитационных и экспертно-аналитических моделей прогностической аналитики, необходимых для эффективного управления работой проектных команд, дается краткое описание составляющих ее уровней и их параметров. Осуществляется квантификация основных параметров единого креативного поля (организационных, когнитивных и аффективных) проектных команд. Даются предложения по совершенствованию технологии DSM-метода правдоподобных рассуждений.

Ключевые слова: прогностическая аналитика; проектные команды; система иерархических моделей; параметры единого креативного поля; статистическое нелинейное моделирование; технологии искусственного интеллекта; метод правдоподобных рассуждений; квантификация параметров.

Информация для цитирования: Прус Ю. В., Федотова М. А., Бинь И. Статистическое моделирование и технологии искусственного интеллекта в оценке и управлении параметрами единого креативного поля команд: опыт количественного анализа // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 3. С. 85-96. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-7.

Yuriy V. Prus¹
Marina A. Fedotova²
Yin Binh³

Statistical modeling and artificial intelligence technologies in the assessment and management of the parameters of a single creative team field: the experience of quantitative analysis

¹⁾ Russian State Social University
4, bld. 1 Wilhelm Pieck St., Moscow, 129226, Russia
YUVprus@fa.ru

²⁾ Moscow Aviation Institute (National Research University)
4, bld. 5 Volokolamskoe Rd., Moscow, 125993, Russia
fedotova-ma@yandex.ru

³⁾ Centre for Russian-Chinese Humanitarian Cooperation and Development,
1A, off. 6.3 Vvedensky St., Moscow, 117342, Russia
ruskicentr@yandex.ru

Received on August 11, 2018; Accepted on September 2, 2018; Published September 30, 2018

Abstract. The article discusses the issues related to the modeling of the processes of formation and management of team work, including the parameters of a single creative field of project teams. A brief analysis of the existing social situation and models used in social research is given, their strengths and weaknesses are considered. A short list of sociological methodological approaches, theoretical and methodological tools is given. The results of specific socio-psychological experiments related to the formation and evaluation of the parameters of a single creative field are presented. A system of statistical, dynamic/simulation and expert-analytical models of predictive analytics necessary for effective management of project teams is proposed, a brief description of its levels and their parameters is given. The authors carry out the quantification of the main parameters of a single creative field (organizational, cognitive and affective) of project teams. Suggestions for improving the technology of DSM-method of plausible reasoning are given.

Keywords: predictive analytics; project teams; system of hierarchical models; parameters of a single creative field; statistical nonlinear modeling; artificial intelligence technologies; method of plausible reasoning; quantification of parameters

Information for citation: Prus, Yu., Fedotova, M. and Binh, Y. (2018), "Statistical modeling and artificial intelligence technologies in the assessment and management of the parameters of a single creative team field: the experience of quantitative analysis", *Research Results. Sociology and management*, 4 (3), 85-96. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-7

Введение (Introduction). Сегодняшняя социальная ситуация, включая политические и экономические аспекты остается крайне нестабильной, что делает актуальным развитие технологий и методик ее оценки и прогностической аналитики. Соответственно, актуальной задачей является совершенствование методологии, методов и средств моделирования, в т.ч. прогнозирование социальной нестабильности/стабильности (Малков и др.), создаваемой, чаще всего, неэффективной работой команд в самых разных сферах деятельности, приводящей к катастрофическим последствиям. Для анализа стабильности социальных систем разрабатываются различного вида индексы (чаще всего в виде мультипликативных сверток со свободным членом/константой – интегрального индекса):

$$Y = \beta_0 + \prod I_i^{a_i} \quad (1)$$

Для квантификации индексов используются как статистические данные, так и результаты экспертных оценок. Анализ существующей литературы по этому вопросу показывает, что (Садовничий и др., 2012):

- а) В большинстве работ используются качественные экспертные методы (Delphi, МАИ/МАС и др.);
- б) Для существующих методов, основанных на использовании (1), характерна низкая достоверность прогноза;
- в) Отсутствуют логико-математические модели, прогнозирующие нестабильность с приемлемой точностью для среднесрочных и долгосрочных периодов.

Методология и методы (Methodology and methods). Методологической базой данного исследования является синтез теорий коммуникативного действия Ю. Хабермаса и теории коммуникации Н. Лумана по нелинейному критерию «эффективность (внешняя содержательность, консенсус)-оптимальность(внутренняя функциональность, операциональная замкнутость)», технологический уровень составляет понимающая социология (герменевтика Гадамера, М. Вебер, Дж. Г. Мид, З. Боуман и др., инструментальный уровень – специаль-

ные коммуникативные техники в интерпретации теории аутопоэза У. Матураны, Ф. Варелы и Н. Лумана, в работе использовался системный и синергетический подходы, а также методы статистического моделирования и искусственного интеллекта.

Как показывает практика и специальные социально-психологические исследования, коммуникативная среда работы обычных, не обученных по специальным методикам команд (речь идет о так называемых К-командах (Басс, 1999), основанных на взаимодействиях – транзакциях, в отличие от ТФ-команд, работающих в рамках нелинейных принципов управления (Шевырев, 2007) с дополнительной ролью «Джокера», функционирующих в едином креативном поле (ЕКП) (Михеев и др., 2013: 64-67; Михеев и др.: 191-195). Результаты работы К-команд в неравновесных средах крайне неэффективны из-за рассогласованности ценностей, мнений, интересов и позиций, а, главное, отсутствия ЕКП, что ведет к неэффективным решениям и поведению отдельных участников и команд в целом. Опираясь на новые тенденции работы с персоналом, талантами, развитием лидеров, операциональной деятельностью и управленческими изменениями, можно уже сегодня развивать инструменты и методы эффективной образовательной деятельности. Это прежде всего HR-платформы, основанные на применении инноваций, программного обучения и развития карьеры с использованием сетей и когнитивных технологий, стратегий развития опыта сотрудников, где в центре – сам сотрудник. ТФ-команды представляют собой организационно-коммуникативную среду для совместной инновационной деятельности, путем создания единого креативного поля команды, общего для всех членов команды. Все существующие в настоящее время теории лидерства (Новое лидерство, Теория лидерства 1976 года, Атрибутивная теория харизмы (Юкл, 1989; Аволио, 1999; Яммарино, 1995), Вызов лидерством, Духовное лидерство, Трансформирующее лидерство (ТФ-лидерство, Дж. Бернс, Б. Басс и др.), К-

лидерство (лидерство, основанное на взаимодействии), Модели профессионального лидерства/профессионализма (Гейер, 1998; Лестер, 1994; Джаафари, 2002; Робинсон, 2000; Хаус и Шамир, 1993; Хенди, 1994; С. Кови, 1992; Дентон, 1996 и др.) носят ярко выраженный индивидуалистический характер, хотя в основе разработки ТФ-лидерства лежала критика иерархии потребности А. Маслоу – выход за пределы личных интересов – «Должна существовать стадия за пределами самореализации, стадия идеализации, стремление к идеи или цели, которые больше, чем личность. Именно эта дополнительная стадия искупает эгоцентричный тон теории А. Маслоу» (Басс, 1999). Командное ТФ-лидерство предназначено для эффективной работы в условиях кризиса, на «кромке хаоса» (прежде всего для создания единого креативного поля (ЕКП) команды, обеспечивающего инновационность решений), переход от К-лидерства, основанного на взаимодействиях/транзакциях (Басс, 1999), заключается в отказе от поверхностных контактов (информирование) и конфронтационных диалогов в пользу эмпатических – вовлечение и мотивация, полное использование человеческих ресурсов. Используя технологии системной аналитики, прежде всего системно-креативного мышления в рамках новых форм проектного управления, таких как SCRUM и SMC-фреймворк, а также новых форматов командного обучения – семинаров-проектов, соединяющих в одном проекте как учебные, так и практические задачи, участники командных проектов в состоянии получать и развивать необходимые профессиональные и метакомпетенции. Это обуславливает важность использования системы различных моделей: процессных, динамических и логических, совместно с технологиями искусственного интеллекта («мягкие» вычисления, правдоподобные рассуждения, многослойные искусственные нейросети и т.д.). Такой подход представляется наиболее перспективным, позволяющим учесть положительные

стороны каждого из типов моделей, одновременно снижая риски из-за присущих им недостатков.

Авторами предлагается использование единой системы иерархических/сетевых моделей, реализующей принципы системной аналитики и описывающей все функции управления командной работой, позволяющей реализовывать синергетический эффект (см. рисунок 1):

1) разработка стратегий организации (корпоративной, бизнес и функциональных). Ответ на вопросы – где (виды социально-экономической деятельности, прорывные отрасли, сегменты и ниши) ищем содержательные командные проекты? Чему учим-общая/концептуальная направленность программ обучения (профессиональные, общие и метакомпетенции и/или их комбинация) и кого учим-менеджеры (какого уровня?), инженеры, технологи и т.д. Бизнес-стратегии появляются в случае нескольких направлений деятельности, функциональные стратегии, например, маркетинговая, определяют оптимальное положение организации на рынке – «эксплорент», «пациент», «коммутант» или «виолент». На этом уровне используются технологии системной аналитики-инфрастратегическая, прогностическая и стратегическая аналитики в средах с различной неравновесностью на базе стратегирования (стратегического адаптивного планирования в среде с единым креативным полем-переход от чисто целевого к атрибутивному проектированию-свойства системы и среды важнее, чем четкая постановка системы целей: будут необходимые свойства-атрибуты, значит будут условия для достижения поставленных целей. Таким ключевым свойством является наличие единого креативного поля команды проекта, или команды обеспечивающей какой-либо процесс) с использованием экспертных «мягких вычислений» – МАИ/МАС Т. Саати и методов метасценирования (Шевырев и др., 2016: 205-306). Альтернативами в иерархиях являются виды социальной/экономической деятельности, рыночные сегменты и

ниши, а также состав слушателей и направление/общее содержание программ обучения.

2) разработка программ обучения для формирования и развития профессиональных, общих и метакомпетенций (операциональные/ технологические стратегии в случае HR-организации) – ответы на вопросы – чему и как (в каких формах) учим: конкретное содержание и длительность программ обучения, форма и форматы обучения, технико-технологическое и методическое обеспечение, преподавательский состав, эксперты, аналитики и т.д. На этом уровне также используются технологии экспертных «мягких вычислений» в режиме стратегирования в реальном времени, так как возможны корректировки программ по ходу обучения с учетом промежуточных результатов тестирования. Альтернативами в иерархиях являются конкретные компетенции и другие параметры программ.

3) разработка конкретных содержательных проектов на базе программ обучения командами -ответ на вопрос-зачем учим: результатом реализации на этом уровне является нетривиальное содержание конкретных командных проектов и сами команды (ТФ-команды), обладающие специфическими компетенциями (Шевырев и др., 2016: 146-182). Здесь используется вся «палитра» технологий и методов системной аналитики и системно-креативного мышления, в т.ч. экспертные технологии МАИ/МАС (Манович, 2017; Саати, 2008), предварительно и по ходу обучения и проектирования в виде обратной связи проводится психофизиологическое и компетентностное тестирование участников команд (Шевырев и др., 2016: 146-204). Альтернативами в МАИ/МАС-иерархиях являются варианты управленческих проектов, оценка конкретных компетенций отдельных участников и команд в целом, а также других параметров проектов и программ обучения.

4) системное управление командной работой при разработке содержательных

проектов (модерация, фасилитация и т.п.), ответ на вопрос как (содержательно) учим. Прежде всего это управление параметрами единого креативного поля (ЕКП) команды проекта: интенсивность, связность, согласованность, сбалансированность, «вязкость» и сложность дискурса в коммуникациях. Здесь также используется вся «палитра» технологий и методов системной аналитики, нейролингвистического программирования(НЛП) и системно-креативного мышления-согласование стилей мышления, управление переходными состояниями («мечтатель», «критик» и «реалист»), управление креативным циклом команды на макро и микроуровнях с учетом командных ролей участников и паттернами метапрограмм, а также технологии искусственного интеллекта, например, для разведочного нейросетевого или эвристического поиска эффективных паттернов индивидуального и командного поведения при разработке содержательных проектов в режиме реального времени на основе BIG LIVE DATA, предварительно и по ходу обучения проводится психофизиологическое и компетентностное тестирование слушателей (Шевырев и др., 2016: 146-204).

5) управление образовательно-карьерной/ профессиональной траекторией команд («биржи» команд) и их участников, ответы на вопросы где, когда, куда и как развивается ТФ-команда и ее участники: образовательный и человеческий капитал на рынке труда, маркеры переходности (transiton markers), переходы от одной позиции к другой, разветвления, повороты, перемена этапов, изменение статуса и т.д., а также моменты бифуркаций в определенных жизненных точках (парадигмы биографического подхода и жизненного пути). Альтернативами в МАИ/ МАС-иерархиях на этом уровне являются варианты образовательно-карьерных траекторий и их экспертные оценки, включающие в себя политики акторов/ стейкхолдеров по реализации таких траекторий.

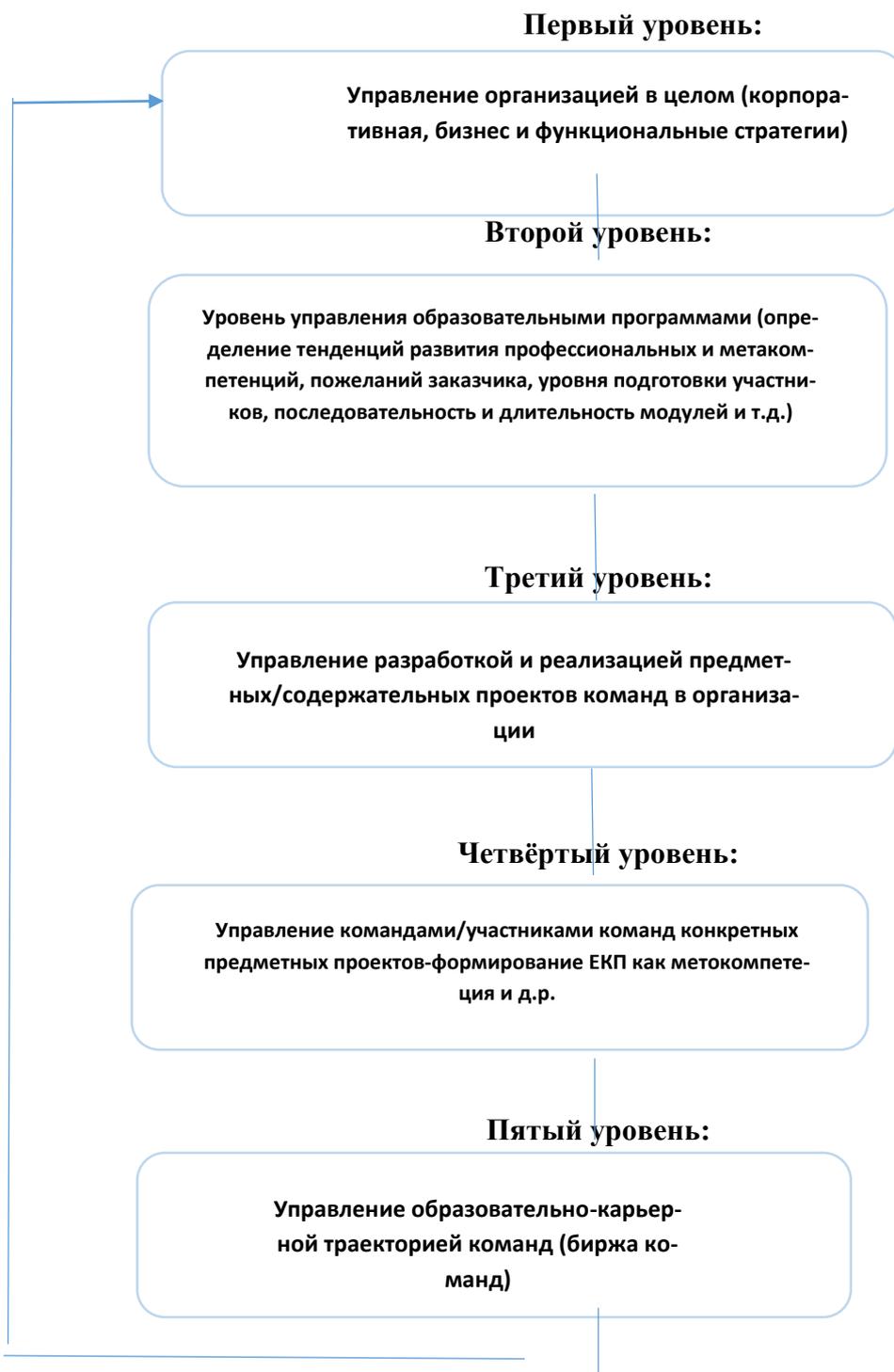

Рис. 1. Пятиуровневая иерархическая система моделей информационно-аналитического обеспечения управления командами

Fig. 1. Five-level hierarchical system of models of information and analytical support for team management

Практическими целями данной статьи являются:

- Разработка и проверка системы моделей для оценки состояния и прогностической аналитики параметров единого креативного поля (ЕКП) команд (использовались два типа моделей – нелинейные регрессии и ДСМ-метод правдоподобных рассуждений В.К. Финна с запретом на контрпримеры);

- Выделение основных параметров (уровней организации мышления) ЕКП, наиболее важных при работе/ «движении» в когнитивной «блокаде» проблемной ситуации и реализации полученной продуктивной идеи/принципа.

При экспериментальном моделировании были использованы следующие параметры:

- Уровни коммуникации (личной/командный, рефлексивный, предметный и операциональный) (Зарецкий, 2011: 52);

- Критерии организации мышления (согласованность, связность и сложность дискурса при обсуждении проблемной ситуации).

Социально-психологические исследования проводились на примере аналитической работы 3-х команд студентов (по 3-4 человека) 3-4 курсов МАИ, решающих две, достаточно сложные задачи/загадки («Женщина на мосту» №1 – «Побег через мост с

двумя золотыми шарами» и №2 – «Переход из Германии в Швейцарию через пропускной пункт»). Формат работы команд предполагал ограничение по времени (15 минут). Результат оценивался следующим образом: решение задачи за 15 минут приносило команде 1 бал, решение менее чем за 15 минут оценивалось по формуле, отсутствие решения-0 баллов:

$$\text{Результат} = 1 \text{ бал} / \text{фактическое время решения задачи} \quad (2)$$

Все параметры оценивались экспертами – модераторами (преподавателями московских вузов) по пятибалльной системе. Расчеты были проведены с использованием модуля «Регрессия» (приложение Excel 2016). При оценке значимости уровня коммуникации было получено следующее уравнение:

$$Y1 = -0.27 + X3^{0.1} + X5^{0.76} \quad (3),$$

при $SS = 0,05627$.

где, $X3$ – значение параметра «операциональный уровень» – командные рассуждения о способах решения задачи, а $X5$ – «согласованность» целей и действий команды в процессе обсуждения проблемной ситуации на этапе когнитивной блокады. Диаграмма сходимости фактических и расчетных значений (в логарифмической шкале) приведена на рисунке 2: синий цвет – фактические значения, красный – расчетные значения.

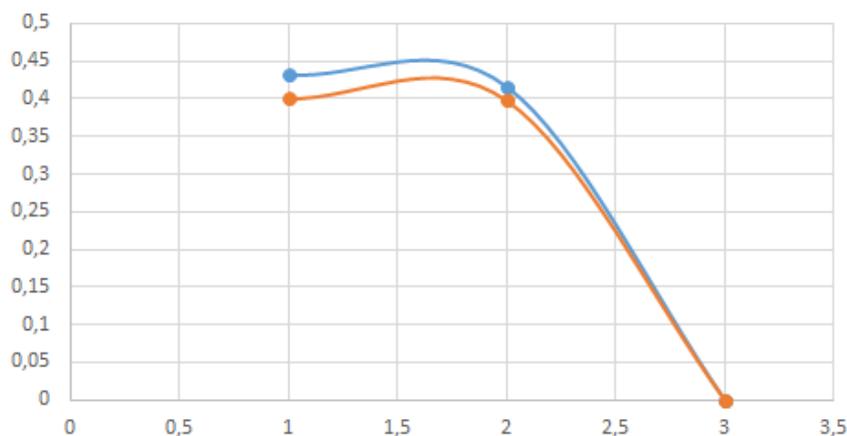

Рис. 2. Диаграмма сходимости уравнения 3
Fig. 2. The diagram of convergence of equation 3

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Результаты (3) подтверждают известное положение о том, что совместная деятельность, в конечном счете, оказывается более значимой для инновационного мышления, нежели собственно инструменты с помощью которых осуществляется эта деятельность. Знание распределяется между отдельными индивидами и не существует в некоей интегральной форме.

Следующее регрессионное уравнение,

связанное с критериями организации процесса мышления в команде, выглядит следующим образом:

$$Y_2 = -1.8 + X_2^{2,41} + X_3^{1,45} \quad (4)$$

где X_2 – параметр «сбалансированности» обсуждения – сравнительные затраты времени на предметный, операциональный и рефлексивный уровни обсуждения, X_3 – связность/логичность дискурса в процессе обсуждения/поиска решения. Диаграмма сходимости этого уравнения приведена на рисунке 3.

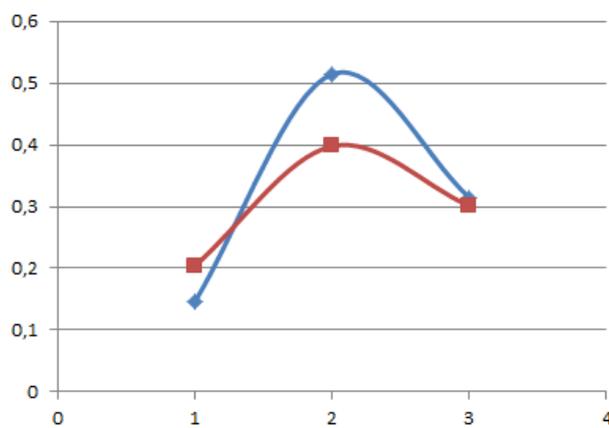

Рис. 3. Диаграмма сходимости уравнения 4
Fig. 3. The diagram of convergence of equation 4

Статистическое моделирование, в нашем случае модели многофакторной нелинейной регрессии, играют важную роль для стратегической оценки параметров ЕКП конкретной команды и выделение из них наиболее значимых. Однако, вследствие классических требований, предъявляемых к соотношению объемов результативных (отклик) и параметрических данных (Алимов, 1980), статистическое моделирование практически мало пригодно для анализа «широких» данных с большим количеством переменных и относительно малом количестве наблюдений (Манович, 2017), которые соответствуют современным понятиям Big Data и Big Live Data.

Одной из наиболее интересных и актуальных задач работы с проектными командами, на взгляд авторов, являются задачи, связанные с прогностической анали-

тикой, например, оценка возможной результативности новой/молодой команды/ группы людей при реализации сложного проекта на основе анализа результатов экспресс-диагностики такой команды на микропроекте (срок реализации микропроекта от 2-х до 5-ти дней), сформированном по специальной методике с использованием организационно-деятельностной игры (ОДИ) и сравнении их с параметрами успешных и неуспешных команд при реализации реальных сложных проектов. Поскольку речь идет об экспресс-диагностике новой команды, результаты носят вероятностный характер. Эту задачу предлагается решать с использованием DSM-метода правдоподобных рассуждений (Аншаков, 2009), основанного на последовательном синтезе познавательных процедур индукции, аналогии и абдукции. Основным алгоритм DSM-метода приведен на рисунке 4.

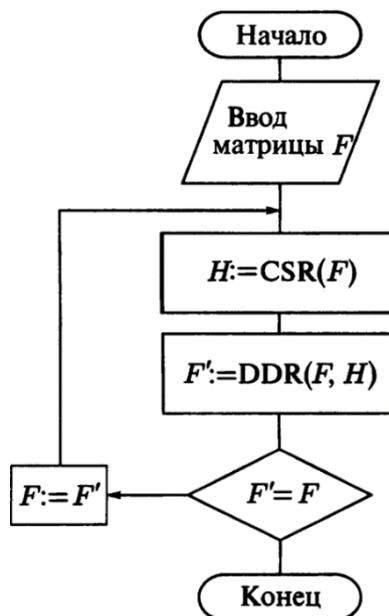

Рис. 4. Основной алгоритм ДСМ-метода

Обозначения: F – матрица исходных данных (фактов); H – матрица гипотез о возможных причинах; F' – доопределенная матрица исходных данных; CSR – правила поиска причин (правила первого рода); DDR – правила доопределения исходных данных (правила второго рода)

Fig. 4. The main algorithm of the DSM method

Symbols: F – matrix of initial data (facts); H – matrix of hypotheses about possible causes; F' – predetermined matrix of initial data; CSR – rules for finding causes (rules of the first kind); DDR – rules for pre-determining the source data (rules of the second kind)

Задача DSM-метода заключается в том, чтобы с помощью формулирования гипотез доопределить исходную матрицу F (O, P) объектов (команд)- O и признаков/свойств их характеристик (параметров ЕКП)- C . Наличие свойства C оценивалось по пятибалльной системе. В нашем случае, было принято, что, при $0 < C \leq 2$, объект (команда) не обладает данным свойством, при $C > 3$ – обладает, при $2 < C \leq 3$ – оценка противоречива. Каждый объект/команда (O) F -матрицы либо обладает, либо не обладает признаком P (в нашем случае это результативность/успешность работы команд), либо есть аргументы как «за», так и «против», либо неизвестно (не определено), обладает ли объект O этим признаком. Исходная матрица F может быть составлена различным образом:

а) Из различных объектов O ,

б) Из одних и тех же объектов O с различным набором свойств C и результативными признаками P ,

с) Как комбинация из а и б.

Исключительно важным может быть анализ противоречивых объектов – одни и те же объекты O с одинаковыми свойствами C и разными результативными признаками P . При появлении таких объектов возможны несколько вариантов поведения:

а) Расширение набора свойств C уже существующих объектов,

б) Анализ качества экспертной оценки свойств C в различных случаях (при различных результатах). Такой анализ удобно проводить с использованием «мягких вычислений» по технологиям МАИ/МАС Т. Саати (Саати, 2008).

В качестве возможных причин наличия/отсутствия результативного признака P рассматриваются подмножества набора фрагментов/свойств C . Подмножества C

определяются как возможные перестановки («причины») свойств объектов, присущего командам с наличием Р – успешностью работы. В классическом DSM-методе гипотезы и правила поиска причин (CSR) носят чисто предметный характер, связанный со свойствами самих объектов. В предлагаемом авторами варианте часть гипотез носит структурный, а не предметный (метаабдуктивный) характер. Предметные гипотезы в этом случае уже должны удовлетворять неким структурным гипотезам более высокого методологического уровня, например, в квантовой физике такими структурными гипотезами являются принципы симметрии, суперпозиции и т.д.

F-матрица включает в себя, кроме свойств о которых говорилось выше, множество других, характеризующих как работу команды в целом, так и ее отдельных участников. Поскольку в DSM-методе используются качественные оценки, принципиально важными являются два момента:

1. Четкая социально-психологическая операционализация используемых параметров ЕКП (формирование операндов) на основе выбранного языка описания проблемной ситуации и теоретической концепции, связывающей операнды с поставленными целями исследования, лишь в этом случае можно получить их достоверные оценки (квантификацию);

2. Корректный переход от количественных оценок к качественным – такие количественные оценки (интервал оценки) соответствуют наличию/отсутствию или противоречивости свойств F-матрицы.

Лишь при соблюдении этих требований могут быть получены корректные оценки наших доопределенных объектов/команд.

Заключение (Conclusions). Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Неопределенность и нестабильности VUCA-мира ставят серьезные вызовы перед управлением командной работой.

2. Использование статистических и экспертно-аналитических методов для отдельных элементов и уровней управления командами неэффективно вследствие неадекватности состояния объектов управления (сложность, нелинейность, неравновесность) и существующих инструментов управления такими объектами (нарушение закона кибернетики У. Эшби о необходимом разнообразии). Необходима система иерархических моделей обеспечения управления для различных уровней (стратегическое, оперативное и тактическое) и аспектов управления с различными параметрами и критериями (по крайней мере пять уровней, предложенных в статье).

3. Наиболее эффективными экспертно-аналитическими методами для VUCA-мира являются методы, основанные на «мягких» вычислениях для слабоструктурированных проблемных ситуаций такие, как МАИ/МАС Т. Саати.

4. Использование отдельных несистемных иерархий/сетей также неэффективно, необходима предварительное метасценарирование проблемных ситуаций (несмотря на сложности, возникающие при выборе сценарных пространств и переменных состояния).

5. Наиболее эффективными и перспективными технологиями управления командами являются многоуровневые системы моделирования социальных процессов, использующие всю «палитру» технологий и методов системной аналитики.

Список литературы

Алимов Ю. В. Альтернативные методы математической статистики. М., Знание, 1980.

ДСМ-метод автоматического порождения гипотез: Логические и эпистемологические основания / Сост. О. М. Аншаков, Б. Ф. Фабрикантова; Под общ. ред. О. М. Аншакова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Зарецкий В. К. Если ситуация кажется неразрешимой. 2-изд. М., Форум, 2011.

Малков С. Ю., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Кузьмина Е. В. О методике оценки те-

кущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий арабской весны // Полис. 2013. № 3.

Манович Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017.

Михеев В. А., Федотова М. А., Шевырѐв А. В. Рабочая команда как сетевая структура, индуцирующая единое креативное поле // Экономические стратегии. 2013. № 5 (113). С. 64-67.

Михеев В. А., Шевырѐв А. В. Единое креативное поле как метаусловие командной креативности // Проблемы управления в реальном секторе экономики: вызовы модернизации: материалы международной научно-практической конференции. вып. 3. М.: ГУУ. С. 191-195.

Саати Т. Л. Принятие решений при зависимостях и обратных связях: аналитические сети. М.: ЛКИ, 2008.

Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: ИСПИ РАН, 2012.

Шевырѐв А. В. Креативный менеджмент: синергетический подход. Белгород: ЛитКараВан, 2007.

Шевырѐв А. В., Михеев В. А., Шаламова Н. Г., Федотова М. А. Системная аналитика в управлении. Введение в научно-исследовательскую программу / под общ. ред. А. В. Шевырѐва. Белгород: ЛитКараВан, 2016.

References

Alimov, Yu. V. (1980), *Al'ternativnye metody matematicheskoy statistiki* [Alternative methods of mathematical statistics], Znanie, Moscow, Russia. (In Russian).

Anshakov, O. M. and Fabrikantova, B. F. (2009), *DSM-metod avtomaticheskogo porozhdeniya gipotez: Logicheskie i epistemologicheskie osnovaniya* [DSM-method of automatic generation of hypotheses: Logical and epistemological grounds], in Anshakov, O. M. (ed.), Knizhny dom «LIBROKOM», Moscow, Russia. (In Russian).

Zaretskiy, V. K. (2011), *Esli situatsiya kazhetsya nerazreshimoy* [If the situation seems unsolvable], 2-izd, Forum, Moscow, Russia. (In Russian).

Malkov, S. Yu., Korotaev, A. V., Isaev, L. M., Kuz'minova, E. V. (2013), "On the methodology of assessment of the current state and fore-

cast of social instability: the experience of quantitative analysis of the Arab spring events", *Polis*, 3. (In Russian).

Manovich, L. (2017), *Teorii soft-kul'tury* [The theory of soft culture], Krasnaya lastochka, Nizhny Novgorod, Russia. (In Russian).

Mixeev, V. A., Fedotova, M. A. and Shevyryov, A. V. (2013), "Working team as a network structure inducing a single creative field", *E'konomicheskie strategii*, 5 (113), 64-67. (In Russian).

Mikheev, V. A. and Shevyryov, A. V. "Unified creative field as a meta-condition for team creativity", *Problemy upravleniya v real'nom sektore 'konomiki: v'zov` modernizatsii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Problems of management in the real sector of the economy: challenges of modernization: materials of the international scientific-practical conference], Moscow, Russia, 191-195. (In Russian).

Saati, T. L. (2008), *Prinyatie resheniy pri zavisimostyakh i obratnykh svyazyakh: analiticheskie seti* [Decision making with dependence and feedbacks: analytical network], LKI, Moscow, Russia. (In Russian).

Sadovnichiy, V. A., Akaev, A. A., Korotaev, A. V., and Malkov, S. Yu. (2012), *Modelirovanie i prognozirovanie mirovoy dinamiki* [Modeling and forecasting of global dynamics], ISPI RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Shevyryov, A. V. (2007), *Kreativny menedzhment: sinergeticheskiy podkhod* [Creative management: a synergetic approach], LitKaraVan, Belgorod, Russia. (In Russian).

Shevyryov, A. V., Mikheev, V. A., Shalomo, N. G. and Fedotova, M. A. (2016), *Sistemnaya analitika v upravlenii. Vvedenie v nauchno-issledovatel'skiyu programmu* [System analytics in management. Introduction to the research program], in Shevyryov, A. V. (ed.), LitKaraVan, Belgorod, Russia. (In Russian).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Прус Юрий Витальевич, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой «Информационная безопасность» Российского государственного социального университета.

Федотова Марина Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом» Московского авиационного института (национальный исследовательский университет).

Инь Бинь, Председатель Правления Центра русско-китайского гуманитарного сотрудничества и развития.

Yuriy V. Prus, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Head of the Department of Information Security, Russian State Social University.

Marina A. Fedotova, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Human Resource Management, Moscow Aviation Institute (National Research University).

Yin Binh, Chairman of the Board, Centre for Russian-Chinese Humanitarian Cooperation and Development.

УДК 316.43

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-8

Старых Н. П.¹
Егорова А. В.²

**Анализ доступности и качества медицинских услуг
в городе Орле**

- ¹) Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Бульвар Победы, 5А, г. Орел, 302028, Россия
npstaryh@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-9279-1759>
- ²) Среднерусский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Бульвар Победы, 5А, г. Орел, 302028, Россия
egorovaali1996@yandex.ru

*Статья поступила 30 августа 2018 г.; Принята 18 сентября 2018 г.;
Опубликована 30 сентября 2018 г.*

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного с целью оценить уровень удовлетворенности жителей города Орла доступностью и качеством медицинских услуг. Проведен теоретический обзор основных понятий: медицинская услуга, доступность медицинских услуг, качество медицинских услуг. Выделены основные критерии изучения доступности и качества медицинских услуг. Проведенное исследование позволило определить ряд проблем, препятствующих повышению уровня доступности и качества предоставляемых медицинских услуг всем слоям населения на региональном уровне. Среди проблем доступности и качества медицинских услуг, с которыми сталкиваются граждане при обращении в бюджетные (государственные) медицинские учреждения, лидирующую позицию занимает организация системы записи и приема пациентов (очереди в регистратуру и на прием к врачу). Отмечен недостаток ресурсного обеспечения медицинских учреждений (нехватка врачей узкого профиля в государственных медицинских учреждениях, старое медицинское оборудование, недостаточное количество койко-мест и мест ожидания на прием и т.д.). Выявлено, что обеспечению отдельных категорий граждан льготными лекарственными средствами препятствует недостаточное финансирование системы регионального здравоохранения со стороны органов власти. Зарегистрированы нарушения временного регламента приема пациентов, который в городе Орле составляет свыше 40 минут (стандарт – 20-15 минут с момента назначенного времени на прием к врачу). Определены расходы семьи на лекарственные средства и медицинские услуги в среднем за год. По результатам социологического исследования, сделан вывод о необходимости организации оказания медицинских услуг по принципу приближенности к месту жительства, месту работы или обучения; развитию доступных специализированных медицинских услуг на базе бюджетных медицинских учреждений за счет дополнительных средств финансирования; предоставлении льгот гражданам-льготникам и слоям населения с прожиточным минимумом ниже установленного и т.д.

Ключевые слова: здравоохранение; медицинское обслуживание; медицинские услуги; доступность медицинских услуг; качество медицинских услуг; уровень удовлетворенности; потребители медицинских услуг.

Информация для цитирования: Старых Н. П., Егорова А. В. Анализ доступности и качества медицинских услуг в городе Орле // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 3. С. 97-107. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-8.

Natalia P. Starykh¹
Alina V. Egorova²

**Analysis of accessibility and quality of medical services
in the city of Orel**

¹⁾ The Central Russian Institute of Management – The Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
5A Pobedy Blvd., Oryol, 302028, Russia
npstaryh@mail.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0001-9279-1759>

²⁾ The Central Russian Institute of Management – The Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
5A Pobedy Blvd., Oryol, 302028, Russia
egorovaali1996@yandex.ru

*Received on August 30, 2018; Accepted on September 18, 2018;
Published September 30, 2018*

Abstract. The article presents the results of a sociological study conducted to assess the level of satisfaction of residents of the city of Orel with the availability and quality of medical services. The authors make a theoretical review of the following basic concepts: medical service, availability of medical services, and quality of medical services. The study identifies the main criteria for studying the availability and quality of medical services. The conducted sociological research allowed to reveal a number of problems hindering the increase in the level of availability and quality of medical services to all segments of the population at the regional level. Based on the results of the sociological research, there was made a conclusion that it is necessary to organize the provision of medical services on the principle of proximity to the place of residence, place of work or training; the development of available specialized medical services on the basis of budgetary medical institutions at the expense of additional funding; the provision of benefits to citizens-beneficiaries and segments of the population with a subsistence minimum below the established level, etc.

Keywords: health care; medical care; medical services; availability of medical services; quality of medical services; level of satisfaction; consumers of medical services.

Information for citation: Starykh, N. and Egorova, Al. (2018), “Analysis of accessibility and quality of medical services in the city of Orel”, *Research Results. Sociology and management*, 4 (3), С.97-107. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-8.

Введение (Introduction). Обеспечение доступности и качества медицинских услуг – это одна из наиболее трудно решаемых проблем системы современного российского здравоохранения. На протяжении длительного времени в сфере здравоохранения проводятся многочисленные реформы, целью которых является повышение доступности и качества медицинских услуг, гарантированных населению каждого региона Российской Федерации (Реформа здравоохранения в России, 2017).

Начиная с 2015 года в России на региональном уровне большое внимание уделяется оценке критериев доступности и качества медицинских услуг с позиции удовлетворенности населением медицинским обслуживанием по месту жительства. Так, с 2017 года Министерство Здравоохранения Российской Федерации совместно с Государственной корпорацией «Росатом» запускает проект «Бережливая поликлиника», направленный на повышение эффективности лечебно-профилактических учреждений российских регионов и критериев доступности и качества медицинских услуг с учетом уровня удовлетворенности населения (Проект «Бережливая поликлиника», 2017). Суть данного проекта – это изменение принципа работы регистратуры; установка современного оборудования; улучшение системы электронной записи пациентов и т.д. Исходя из этого, можно сказать, что на сегодня главной целью как системы здравоохранения в целом, так и её отдельных структурных элементов (вплоть до конкретного медицинского работника) является оказание качественных медицинских услуг, доступных всем слоям населения, и направленных на достижение положительных показателей общественного здоровья и высокого уровня удовлетворенности населением медицинским обслуживанием. Это, в свою очередь, позволяет говорить о доступности и качестве медицинских услуг не как о медицинских показателях, а как о социальной задаче, которая затрагивает интересы и производителей ме-

дицинских услуг, и их потребителей – пациентов на региональном (местном) уровне.

Методология и методы (Methodology and methods). Понятие «медицинская услуга» используется во всех сферах жизнедеятельности человека и имеет достаточно много определений. Рассмотрим основные определения данного термина с социологической точки зрения.

Дроздова А. В. трактует понятие «медицинская услуга» как платные мероприятия (или комплекс платных мероприятий), не связанные с выполнением работ и осуществляемые в рамках медицинской деятельности медиками-профессионалами, направленные на профилактику заболеваний, их диагностику и лечение для удовлетворения потребностей граждан в поддержании и восстановлении здоровья (Дроздова, 2014: 2). В данном случае автором подчеркивается именно платность как базовый принцип оказания медицинской услуги. Так, например, во многих специализированных медицинских учреждениях качество и доступность оказываемых медицинских услуг не удовлетворяет пациентов, что вынуждает их обращаться к платной медицине. Лечебные учреждения, предоставляющие населению платные медицинские услуги, привлекают следующим, а именно: наличием необходимых высококвалифицированных специалистов; качеством лечения и внимательным отношением со стороны персонала; правильной организацией обслуживания; отсутствием очередей в регистратуру и на прием к врачу; наличием высокотехнологического оборудования.

Общепринятым в области здравоохранения считается определение доктора социологических наук Решетникова А. В., который характеризует медицинскую услугу как «профессиональные действия, направленные на сохранение или поддержание оптимального уровня физического и социального здоровья индивидуума» (Решетников, 2014: 202).

Доктор экономических наук Кадыров Ф. Н. отмечает, что медицинская услуга – это бизнес-экономическая категория, которая является составляющей медицинской помощи и складывается из действий медицинского характера. (Кадыров, 2015: 353).

Учитывая сказанное выше, следует определять медицинскую услугу как согласованный процесс взаимодействия субъектов рынка в системе «врач–больной» по поводу сохранения и (или) поддержания оптимального уровня физического, эмоционально-психологического и социального здоровья индивидуума. Важной особенностью, отличающей медицинские услуги от других услуг, оказываемых в системе здравоохранения, является их нацеленность на эффективное взаимодействие между пациентом и медицинским работником, а также между пациентом и лечебным учреждением. (Полянская, 2014: 244-247). Следовательно, медицинская услуга представляет собой совокупность целесообразных, профессиональных действий медицинского работника (производителя медицинских услуг), направленных на удовлетворение потребностей пациента (потребителя медицинских услуг).

В системе российского здравоохранения медицинские услуги определяются через такие параметры, как доступность и качество.

Под доступностью медицинских услуг понимается не просто возможность обратиться в медицинское учреждение, а своевременное получение помощи, адекватной потребностям и обеспечивающей наилучшие результаты для здоровья, при условии, что личные расходы потребителей на медицинские услуги не должны являться непосильным бременем для семейного или личного бюджета и тем более становиться причиной отказа от лечения (Куркин, 2015: 711). Доступность медицинских услуг определяется рядом факторов: сбалансированностью необходимых населению объемов медицинской помощи с возможностями государства, медицинскими и финансовыми ресурсами страны; наличием и

уровнем квалификации медицинских кадров; наличием на территориях необходимых медицинских технологий; возможностью свободного выбора пациентом лечащего врача и медицинской организации; имеющимися транспортными возможностями; уровнем общественного образования по проблемам сохранения и укрепления здоровья, профилактики заболеваний.

Таким образом, под доступностью медицинских услуг понимают возможность получения пациентом необходимой ему медицинской помощи вне зависимости от социального статуса, уровня благосостояния и места проживания (Назаренко, 2015: 205).

Оценка медицинских услуг проводится не только с позиции их территориальной и финансовой доступности, но и с учетом качественной характеристики.

По мнению А. Донабедиана, под обеспечением качества медицинских услуг следует понимать комплекс медицинских мероприятий, нацеленных на достижение заданного стандарта (качества), основными показателями которого выступают следующие: наличие организационных технологий, обеспечивающих эффективность и своевременность оказания медицинских услуг; наличие высококвалифицированного медицинского персонала; качество материально-технической базы медицинских организаций; наличие медицинских технологий (необходимые и доступные лекарства) (Donabedian, 2005; 684). Таким образом, качество медицинских услуг представляет собой систему критериев, позволяющих определить своевременность, безопасность, результативность и удовлетворенность оказанием медицинских услуг как в конкретной медицинской организации, у конкретного лечащего врача, на данной территории, так и отдельному пациенту (Пивень, 2014: 31).

Получается, что выделение таких параметров, доступность и качество медицинских услуг, необходимо для совершенствования оказания медицинского обслуживания надлежащего качества, а также про-

зрачности и открытости сферы здравоохранения, ведущих к балансу прав и законных интересов пациентов и медицинских работников.

Регионы (субъекты) Российской Федерации существенно отличаются уровнем социально-экономического развития, что, в свою очередь, обуславливает неравенство в развитии и функционировании социальной инфраструктуры. В наибольшей степени такое неравенство сказывается на доступности и качестве медицинских услуг. При этом эффективность доступности и качества медицинских услуг измеряется совокупностью критериев, каждый из которых отражает ту или иную сторону медицинской деятельности. Выделяют следующие критерии доступности и качества медицинских услуг: частота потребления медицинских услуг; результативность; своевременность; безопасность; вежливость, компетентность и доброжелательность медицинского персонала; комфортность и удобство помещения лечебного учреждения; «шаговая» доступность; информационная обеспеченность; эффективная материально-техническая база; организованность медицинской деятельности; экономичность (Абраменков, 2016: 29).

Базовым критерием оценки доступности и качества медицинских услуг выступает уровень удовлетворенности населением оказанными услугами (Карпикова, 2015: 57). С целью оценить уровень удовлетворенности населением Центрального Федерального округа доступностью и качеством медицинских услуг было проведено социологическое исследование с применением анкетирования. Объектом социологического исследования стали граждане субъекта Центрального Федерального округа - города Орла. Объем генеральной совокупности – 425039 жителей города Орла в возрасте от 18 лет и старше. Объем выборочной совокупности составил 400 респондентов. Исследование проведено в мае-июне 2018 года. Большинство опрошенных являются рабочими (служащими) в сферах

управления, промышленности, образования и других услуг (52,8%) и пенсионерами (23%).

Обработка первичной эмпирической информации – выполнена с использованием программы IBM SPSS Statistics Версия 23.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Частота потребления медицинских услуг. Было выявлено, что за последний год для получения медицинских услуг в медицинские учреждения обращались более половины опрошенных (81,8%). Таким образом, можно сделать вывод, что медицинская активность жителей города Орла является достаточно высокой. Остальные 18,2% опрошенных не обращались в медицинские организации для получения медицинских услуг по следующим причинам: частые трудности с записью на прием к врачу (38,6%); живу далеко от лечебного учреждения (23,4%); занимаюсь самолечением (17,3%).

Таким образом, одной из лидирующих причин, препятствующей жителям города Орла в получении доступных и качественных медицинских услуг, являются частые трудности с записью на прием к врачу. Вторым ключевым моментом выступает отдаленность большинства бюджетных лечебных учреждений от места проживания пациента. В совокупности, это «толкает» потребителя медицинских услуг (пациента) обращаться в частные медицинские компании, главными достоинствами которых являются: отсутствие трудностей с записью на прием к врачу; своевременность предоставления медицинских услуг; «шаговая» доступность от места жительства.

Главной причиной обращения к платной медицине для жителей города Орла является высокий профессионализм, вежливость и компетентность врачей в частной медицинской компании (12% опрошенных). На втором месте выступают: наличие современного оборудования (11,8%), широкий спектр предоставляемых медицинских услуг (11,6%), высокое качество оказания

медицинских услуг (10,9%) и отсутствие очередей на прием к врачу узкого профиля (10,6%). На третьем месте респонденты отметили – внимательное отношение врачей к пациентам в частных клиниках (9,9%) и высокий уровень оснащенности материально-технической базой (9,1%).

Результативность. Оценка результативности медицинских услуг показывает, насколько быстро (своевременно) пациент сможет достигнуть поставленную цель (например, получить консультацию у терапевта) при обращении в лечебно-профилактическое учреждение. Результативность измеряется готовностью лечебного учреждения «ответить» на запрос потребителя медицинских услуг.

Удалось выявить, что жителям города Орла достаточно сложно записаться на прием к лечащему врачу через непосредственно личное обращение в регистратуру (33,8% опрошенных). Также имеются серьезные проблемы при записи на прием к лечащему врачу по телефону: не смогли записаться на прием к врачу по телефону (30%).

Малоэффективным средством коммуникации в системе «пациент – врач» является Интернет. Так, жители города Орла сталкиваются с постоянными трудностями при «самозаписи» через официальные сайты лечебных учреждений или «Государственные услуги» (13,1%), а 9,8% опрошенных совершенно не могут записаться на прием к врачу через Интернет. При этом основной причиной, в следствии которой жители города Орла не могут записаться на прием к врачу, является отсутствие электронных регистраторов на официальных сайтах лечебно-профилактических учреждений (16,5% опрошенных), под которыми понимается возможность предварительно записаться «онлайн» к врачу без повторного прохождения регистратуры.

Своевременность и «шаговая» доступность. Своевременность отражает соответствие оказанной медицинской услуги объективным потребностям каждого пациента: от обращения в регистратуру до пол-

ного обследования и предоставления результатов анализа. В ходе исследования удалось выяснить, что 59% опрошенных ожидали приема к врачу в «живой» очереди. При этом среднее время ожидания в очереди к врачу в лечебно-профилактических учреждениях г. Орла составило 40,89 минут.

Еще одним критерием доступности и качества медицинских услуг выступает «шаговая» доступность, то есть размещение лечебного учреждения с учетом транспортной доступности от всех обслуживаемых населенных пунктов не более часа (60 минут). Большинство опрошенных (78,8%) тратят до 30 минут на дорогу, чтобы попасть на прием к врачу. Это оптимальное время для получения медицинских услуг. Остальные 21,2% опрошенных отметили, что тратят на дорогу до лечебного учреждения от одного до двух часов.

Таким образом, жители города Орла имеют возможность своевременно получить медицинские услуги в любом медицинском учреждении вне зависимости от того, в какой «точке» города они проживают.

Безопасность. Под безопасностью медицинской услуги понимают её полезность для здоровья и жизни пациента с учетом обоснованного риска, а также сам процесс оказания медицинских услуг. Удалось выяснить, что основной проблемой, с которой сталкиваются жители города Орла при вызове «Скорой медицинской помощи», является недостаточное количество машин бригады «Скорой медицинской помощи». Данный факт свидетельствует о том, что бюджетные лечебно-профилактические учреждения города Орла не в состоянии обеспечить безопасность не только пациентам и посетителям медицинских учреждений, но и самим медицинским работникам. Получается, что в системе здравоохранения Орловской области имеются существенные проблемы в предоставлении доступных и качественных медицинских услуг, обеспечивающих безопасность пациентов.

Следующим аспектом социологического исследования явилось изучение мнений жителей города Орла об условиях комфорта и удобства предоставления медицинских услуг, эффективности материально-технической базы и организованности лечебных учреждений.

Комфортность и удобство помещений. Под комфортностью и удобством помещений лечебно-профилактических учреждений понимают комплекс санитарно-гигиенических (эпидемиологических) требований в системе «человек – больничная среда». Более половины жителей города Орла (61,1%) не удовлетворены условиями комфортности в помещениях лечебно-профилактических учреждений. Остальные 35,5% отметили, что их устраивают санитарно-профилактические условия помещений медицинских учреждений. Затруднились ответить только 3,5% опрошенных.

Жители города Орла, которые не удовлетворены условиями комфортности в помещениях лечебно-профилактических учреждений, указали, что именно их не устраивает: очереди в регистратуру и на прием к врачу узкой специализации (18,2%); нарушения гигиенических требований в помещениях лечебно-профилактических учреждений (некомфортная зона ожидания; нехватка мест для сидения; старая мебель; отсутствие ремонта; отсутствие кондиционера в местах ожидания; отсутствие бесплатной воды и т.д.) (10,1%) и т.д.

Эффективная материально-техническая база измеряется совокупностью тех ресурсов, которыми «владеет» лечебно-профилактическое учреждение с целью предоставления доступных и качественных медицинских услуг всем слоям населения. В ходе проведенного исследования удалось выяснить, что более половины *жителей города Орла* (62,1% опрошенных) в целом не удовлетворены материально-техническим оснащением лечебных учреждений. Респонденты отметили, что именно их не удовлетворяет: очереди на прием к врачу узкой специализации (69,8%); дорогие и труднодоступные лекарства (40,7%); выдача

льготных лекарств на платной основе (36,3%); медицинское оборудование не соответствует современным требованиям (32,1%); коммерциализация рынка медицинских услуг (24,6%) и т.д.

Таким образом, одной из важнейших проблем, препятствующей пациентам в получении доступных и качественных медицинских услуг, является недостаточное количество врачей как узкой, так и общей специализации в бюджетных учреждениях здравоохранения, что заставляет, в свою очередь, обращаться жителей города Орла в платные медицинские компании.

На втором месте респонденты отметили проблемы в предоставлении льготных лекарств малоимущим и маломобильным слоям населения (врачи прописывают дорогие и труднодоступные лекарства; осуществляется выдача льготных лекарств на платной основе).

На третьем месте респонденты отметили – не соответствие медицинского оборудования современным требованиям и недостаточное количество койко-мест и мест ожидания в палатах лечебных учреждений.

Организованность лечебно-профилактических учреждений означает своевременный прием и регистрацию пациентов; оформление соответствующей документации; проведение осмотров и предоставление анализов в срок. Ключевым моментом организованности лечебных учреждений выступает эффективная работа системы записи и приема пациентов к врачу. Главной проблемой, с которой сталкиваются пациенты при обращении в медицинские учреждения, являются очереди в регистратуру за талоном и на прием к лечащему врачу. В связи с этим, необходимо было выяснить, как жители города Орла оценивают организацию лечебно-профилактических учреждений на предмет отсутствия очередей и работы системы записи и приема пациентов.

Большинство опрошенных (62,8%) не удовлетворены организацией лечебно-профилактических учреждений города Орла в

связи с наличием больших очередей к терапевту и на прием к врачу узкого профиля, а также невозможностью пользоваться «электронной регистратурой» через Интернет-портал государственных услуг. Как отмечают жители города Орла, в поликлиниках на прием к врачу (и не к одному) устанавливается исключительно «живая» очередь. Врачи отказываются принимать на прием пациентов по электронным талонам.

Следующим аспектом социологического исследования явилось изучение мнений жителей города Орла об экономичности предоставления доступных и качественных медицинских услуг.

Экономичность означает возможность получения доступных и качественных медицинских услуг при условии, что личные расходы потребителей на медицинские услуги не должны являться непосильным бременем для личного или семейного бюджета. Экономичность медицинских услуг складывается из следующих показателей: расходы семьи на оплату лекарств и расходы семьи на оплату медицинских услуг.

В ходе проведенного исследования удалось выяснить, что расход семьи на оплату лекарств в среднем за год в г. Орле составляет 17 932 рубля, что превышает величину прожиточного минимума в Орловской области за I квартал 2018 года в размере 9 228 рублей.

Расходы семьи на оплату медицинских услуг в среднем за год по городу Орлу составили 7 030 рублей.

Таким образом, в городе Орле имеются существенные проблемы в экономической доступности предоставления качественных медицинских услуг, поскольку потребление медицинских услуг для населения города наносит значительный урон их личному или семейному бюджету. Ключевую роль в повышении экономической доступности медицинских услуг играет финансирование сферы здравоохранения Орловской области со стороны органов власти. Тем не менее, жители города Орла

(81,1% опрошенных) придерживаются мнения о том, что сфера здравоохранения Орловской области недостаточно финансируется со стороны органов государственной власти, что, в свою очередь, порождает большие очереди на приём к врачу, невозможностью получить своевременно медицинские услуги, недостаточное лекарственное обеспечение в стационаре и т.д.

Удовлетворенность. Уровень удовлетворенности пациентов является базовым критерием оценки доступности и качества медицинских услуг и представляет собой совокупность мнений касательно деятельности лечебно-профилактических учреждений по оказанию услуг здравоохранения в соответствии со стандартами доступности и качества.

Большинство жителей города Орла (72,1% опрошенных) не удовлетворены доступностью и качеством, оказываемых лечебно-профилактическими учреждениями, медицинских услуг. При этом, наиболее актуальными проблемами в оказании доступных и качественных медицинских услуг в лечебных учреждениях города Орла, по мнению респондентов, являются: увеличение объема предоставляемых платных медицинских услуг (11,1%); недостаточная квалификация лечащего врача и медицинского персонала (10,4%); высокая стоимость лекарственных средств (10,2%); недостаточное материально-техническое оснащение поликлиники, больницы, станции скорой помощи (8,8%); большие очереди на прием к врачу и в регистратуру (7,8%); плохие санитарно-гигиенические условия в помещении лечебного учреждения (7%).

Заключение (Conclusions). Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что основными проблемами для жителей города Орла при получении доступных и качественных медицинских услуг, являются, в первую очередь, проблемы организационного характера и взаимоотношение с медицинским персоналом (отсутствие этики общения с

пациентом со стороны медицинских работников). В целом, значительная часть опрошенных полагают, что медицинские услуги, оказываемые системой здравоохранения Орловской области, являются мало доступными (из-за их высокой стоимости) и некачественными (из-за отсутствия необходимых ресурсов – врачей узкого профиля, современного медицинского оборудования и т.д.). Показатель удовлетворенности респондентов доступностью и качеством медицинских услуг в региональной системе здравоохранения является достаточно низким. Медицинские услуги в бюджетных медицинских учреждениях, прежде всего, – это районные поликлиники, организованы таким образом, что жители города Орла вынуждены обращаться в платные медицинские компании с целью доступного получения качественных медицинских услуг.

С целью повышения доступности и качества медицинских услуг на региональном уровне, целесообразно внедрение и реализация следующих рекомендаций: организация оказания медицинских услуг по принципу приближенности к месту жительства, месту работы или обучения; стимулирующие выплаты врачам и сотрудникам регистратуры от государства; развитие доступных специализированных медицинских услуг на базе бюджетных медицинских учреждений за счет дополнительных средств финансирования; возможность бесплатного и бесплатного использования медицинским работником средств связи или транспортных средств для перевозки пациента в ближайшую медицинскую организацию в случаях, угрожающих его жизни и здоровью; предоставление льгот гражданам-льготникам и слоям населения с прожиточным минимумом ниже установленного; активный контроль за качеством медицинского обслуживания со стороны органов региональной власти; привлечение врачей узкого профиля в бюджетные медицинские учреждения; развитие на базе бюджетных медицинских учреждений системы электронной записи на прием

к врачу любого профиля с целью сокращения очередей в регистратуру; внедрение «электронных карт» с последующей возможностью передачи в другие медицинские учреждения (во избежание повторного обращения в регистратуру); круглосуточная бесплатная горячая линия медицинской помощи; рассылка посетителям медицинских учреждений СМС-сообщений о новом визите к врачу с информацией об эпидемиях и плановых прививках.

Список литературы

- Абраменков А. В. Всемирная организация здравоохранения и право на здоровье // *Внешне экономические связи.* 2016. Т. 21. № 1. С. 28-32.
- Куркин М. А., Чумакова Е. Ю. Анализ показателей качества медицинской помощи в регионе // *Молодой ученый.* 2015. № 10. С. 708-712.
- Вялков А. И. Основы региональной политики в здравоохранении. М.: Гэотар-Мед, 2013. 334 с.
- Галанов И. А. Методологические основы системы обеспечения качества медицинской помощи населения: дис. ... д-ра мед. наук. М., 2013. 359 с.
- Панова Л. В., Русинова Н. Л. Доступ к услугам здравоохранения: методологические подходы и методы измерения // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2014. № 4. С. 147-149.
- Дроздова А. В. Понятие медицинской услуги как гражданско-правовой категории // *Сибирский юридический вестник.* 2014. № 3. С. 2.
- Емельянова Р. И. Стандарты и качество медицинских услуг. М.: Изд-во «Стандарт», 2014. 220 с.
- Кадыров Ф. Н. Платные медицинские услуги // *Гранть.* 2015. № 2. С. 374.
- Карпикова С. И. Доступность и качество медицинских услуг: мнение населения и специалистов в сфере здравоохранения // *Социологические исследования.* 2015. № 6. С. 54-58.
- Пивень Д. В., Кицул И. С. Контроль качества и безопасности медицинской деятельности: монография // *Менеджер здравоохранения.* 2014. С. 31.
- Лучкевич В. С. Основы социальной медицины и управления в сфере здравоохранения. СПб.: Нева, 2012. С. 20-32.

Решетников А. В., Астафьев Л. М. Медико-социологический подход к исследованию качества медицинской помощи // Социология медицины. 2015. № 7. С. 35-37.

Назаренко Г. И. Управление качеством и доступностью медицинской помощи. М.: Медицина, 2015. 384 с.

Вязьмин А. Н., Санников А. А. Организационные формы социально-медицинского обслуживания населения // Социально-медицинская работа. 2017. С. 236-249.

Полянская Е. В. Понятие «медицинская услуга» и основные подходы к её классификации // Молодой ученый. 2014. Т.1. № 1-2. 371 с.

Проект «Бережливая Поликлиника», 2017 г. URL: <http://www.rosatom.ru/social-respons/proekt-berezhlivaya-poliklinika/>. (дата обращения: 29.08.2018)

Филлипов Ю. Н., Егорова Л. В. Работа с письменными обращениями пациентов как одно из направлений деятельности территориального органа управления здравоохранением с целью повышения доступности и качества медицинских услуг // Самарский медицинский журнал. 2014. № 2. С. 66-71.

Реформа здравоохранения в России, 2017 г. URL: http://newsruss.ru/doc/index.php/Реформа_здравоохранения_в_России (дата обращения: 29.08.2018)

Решетников А. В. Социология медицины. М.: Гэотар-Медиа, 2014. 856 с.

Donabedian A. The quality of medical care methods for assessing and monitoring the quality of care for research and for quality assurance programs // Science. 2005. Vol. 200. P. 856-864.

References

Abramenkov, A. V. (2016), "The World Health Organization and the right to health", *Vneshne ekonomicheskie svyazi*, 21 (1), 28-32. (In Russian).

Kurkin, M. A. and Chumakova, E. Yu. (2015), "Analysis of indicators of quality of medical care in the region", *Molodoj uchenyj*, (10), 708-712 (In Russian).

Vyalkov, A. I. (2013), *Osnovy regional'noi politiki v zdravookhraneni* [Fundamentals of regional health policy], GEOTAR-Med, Moscow, Russia. (In Russian).

Galanov, I. A. (2013), "Methodological bases of the system of quality assurance of medical care of the population", Ph.D. Dr. med. sciences', Moscow, Russia. (In Russian).

Panova, L. V. and Rusinova, N. L. (2014), "Access to health services: methodological approaches and methods of measurement", *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, (4), 147-149. (In Russian).

Drozdova, A. V. (2014), "The Concept of medical services as a civil law category", *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, (3), 2. (In Russian).

Emel'yanova, R. I. (2014), *Standarty i kachestvo meditsinskikh uslug* [Standards and quality of medical services], Standart, Moscow, Russia. (In Russian).

Kadyrov, F. N. (2015), "Paid medical services", *Grant*, (2), 374. (In Russian).

Karpikova, S. I. (2015), "Availability and quality of medical services: opinion of the population and specialists in the field of health studies", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (6), 54-58. (In Russian).

Piven, D. V. and Kitsul, I. S. (2014), "Quality control and safety of medical practice: a monograph", *Menedzher zdravookhraneniya*, 31. (In Russian).

Luchkevich, V. S. (2012), *Osnovy sotsial'noy meditsiny i upravleniya v sfere zdravookhraneniya* [Fundamentals of social medicine and management in the health sphere], Neva, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Reshetnikov, A. V. and Astaf'ev, L. M. (2015), "Medico-sociological approach to the study of the quality of medical care", *Sociology of medicine*, 35-37. (In Russian).

Nazarenko, G. I. (2015), *Upravlenie kachestvom i dostupnost'yu meditsinskoy pomoshchi* [The Management of quality and availability of medical care], Medicine, Moscow, Russia. (In Russian).

Vyaz'min, A. N. and Sannikov, A. A. (2017), "The organisational form of socio-medical care", *Sotsial'no-meditsinskaya rabota*, 236-249. (In Russian).

Polyanskaya, E. V. (2014), "The Concept of "medical service" and the main approaches to its classification", *Molodoj uchenyj*, 1 (1-2), 371. (In Russian).

The project "Economical Hospital" (2017) [Online], available at: <http://www.rosatom.ru/social-respons/proekt-berezhlivaya-poliklinika/> (Accessed 28 August 2018). (In Russian).

Fillipov, Yu. N. and Egorova, L. V. (2014), "Work with written appeals of patients as one of the activities of the territorial health management

body in order to improve the availability and quality of medical services”, *Samarskiy meditsinskiy zhurnal*, (2), 66-71. (In Russian).

Health care reform in Russia (2017) [Online], available at: http://newsruss.ru/doc/index.php/Реформа_здравоохранения_в_России (Accessed 29 August 2018).

Reshetnikov, A. V. (2014), *Sotsiologiya meditsiny`* [Sociology of medicine], GEOTAR-Med, Moscow, Russia. (In Russian).

Donabedian, A. (2005), *The quality of medical care methods for assessing and monitoring the quality of care for research and for quality assurance programs*, Science, Michigan, USA, 200, 856-864.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Старых Наталья Петровна, кандидат социологических наук, доцент Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Егорова Алина Викторовна, магистрант направления подготовки «Социология» Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Natalia P. Starykh, PhD in Sociology, Associate Professor, The Central Russian Institute of Management – The Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Alina V. Egorova, Master's Degree Student in Sociology, The Central Russian Institute of Management – The Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

УДК 796:061.23

DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-9

Телепаева Д. Ф.¹
Певная М. В.²
Кузьминчук А. А.³

Социальный капитал спортивных волонтеров
крупного российского региона

¹) Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия
Daria.telepaeva@gmail.com

²) Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия
m.v.pevnaya@urfu.ru

³) Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия
a.a.kuzminchuk@urfu.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-1599-8446>

*Статья поступила 30 августа 2018 г.; Принята 15 сентября 2018 г.;
Опубликована 30 сентября 2018 г.*

Аннотация. В статье анализируются характеристики социального капитала спортивных волонтеров одного из крупнейших российских регионов. Многочисленные зарубежные и отечественные исследования свидетельствуют о значимом позитивном влиянии волонтерской деятельности на развитие человеческого капитала в целом. Опыт волонтерства взаимосвязан с расширением социальных сетей, увеличением чувства социальной связности и гражданского потенциала (наращивание социального капитала) людей, вовлечённых в добровольчество. Спортивное волонтерство является одним из самых распространенных в мире направлений добровольческого участия. В России за последние годы накоплен значительный опыт организации и проведения международных спортивных соревнований, где успешно осуществлялось волонтерское сопровождение. В отдельных регионах страны, таких как Свердловская область, сформировалось сообщество спортивных волонтеров, а их деятельность стала достаточно привлекательной для жителей. Цель статьи – охарактеризовать социальный капитал спортивных волонтеров одного из крупнейших российских регионов, в границах которого данному виду добровольчества уделяется особое внимание и ресурсная поддержка в связи с многочисленными международными спортивными мероприятиями. Авторы анализируют результаты массового опроса жителей Свердловской области, которые принимали участие в различных волонтерских проектах и мероприятиях региона и зарегистрированы в РОО «Волонтеры Урала». В статье сравниваются мнения добровольцев, имеющих опыт спортивного волон-

терства, и жителей региона, которые принимали участие в каких-либо волонтерских проектах, но не были вовлечены в спортивное волонтерство. Доказывается, что опыт спортивного волонтерства способствует не просто расширению социальных сетей, но и закрепляет эти связи; спортивное волонтерство способствует сокращению социальной дистанции между членами рассматриваемого сообщества, характер или качество взаимодействия между спортивными волонтерами чаще всего проявляется в идентификации других добровольцев как друзей или единомышленников; спортивное волонтерство объективно сопряжено с обстоятельствами, способствующими установлению внешних связей, которые могут работать на продвижение самого сообщества спортивных волонтеров, но и сопровождать карьерный рост любого из его членов.

Ключевые слова: волонтерство; добровольчество; спортивное волонтерство; социальный капитал волонтеров.

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №16-03-00016-ОГН «Динамика российского волонтерства: перспективные практики, проблемы и возможности управления» и гранта Президента РФ МК-5869.2018.6 «Молодежное волонтерство в российском регионе: потенциал развития и эффективность управления».

Информация для цитирования: Телепаева Д. Ф., Певная М. В., Кузьминчук А. А. Социальный капитал спортивных волонтеров крупного российского региона // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, N 3. С. 108-120. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-9.

Darya F. Telepaeva¹
Maria V. Pevnaya²
Anna A. Kuzminchuk³

Social capital of sports volunteers
in the large Russian region

¹) Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«The Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin»
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia
Daria.telepaeva@gmail.com

²) Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«The Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin»
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia
m.v.pevnaya@urfu.ru

³) Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«The Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin»
19 Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russia
a.a.kuzminchuk@urfu.ru
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0002-1599-8446>

*Received on August 30, 2018; Accepted on September 15, 2018;
Published September 30, 2018*

Abstract. The article analyzes the characteristics of sports volunteers' social capital in one of the largest Russian regions. Foreign and domestic researches show a significant positive impact of volunteer activities on the development of human capital in general. The experience of volunteering is interconnected with the expansion of social networks, increasing the sense of social cohesion and civic potential of people involved in volunteering. Volunteering in sports events is one of the most common areas of voluntary participation in the world. In recent years, Russia has accumulated considerable experience in organizing and conducting international sports events, where volunteer support was successfully carried out. The community of sports volunteers was formed in some regions of Russia, such as the Sverdlovsk region, and the activities of volunteers became quite attractive to residents. The purpose of the article is to characterize the social capital of sports volunteers in one of the largest Russian regions, where this type of volunteering is given special attention and resource support associated with international sports events. The authors analyze the results of a mass survey of residents in the Sverdlovsk region who participated in various volunteer projects and activities in the region and registered in the volunteer center "Volunteers of the Urals". The article compares the opinions of volunteers with the experience of sports volunteering, and residents of the region who participated in any volunteer projects, but were not involved in sports volunteering. The results of the study prove that the experience of sports volunteering contributes to the expansion of social networks. Volunteering in sports events helps to reduce the social distance between members of the community. The nature or quality of interaction between sports volunteers is mainly manifested in the identification of other volunteers as friends or associates. Volunteering in sports events is associated with circumstances that contribute to the establishment of external relations that can work to promote the community of sports volunteers and accompany the career development its members.

Keywords: volunteering; social capital; sport volunteering; volunteering management

Acknowledgement. This research was supported by the grant of the President of the Russian Federation МК-5869.2018.6 «Youth Volunteering in the Russian Region: Development Potential and Management Effectiveness» and the grant of the Russian Foundation for Basic Research № 16-03-00016-ОГН «Russian volunteering dynamics: developing types of activity, challenges and management opportunities».

Information for citation: Telepaeva, D., Pevnaya, M., and An. Kuzminchuk (2018), "Social capital of sports volunteers in the large Russian region", *Research Results. Sociology and management*, 4 (3), 108-120. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-9.

Введение (Introduction). Последние десять лет в современной России стремительно развивается волонтерское движение. Добровольческие инициативы граждан получают с каждым годом все больше поддержки от государства, добровольчество становится предметом публичного обсуждения. К деятельности волонтеров обращается все больше внимания со стороны органов власти, средств массовой информации, политических и общественных объединений. По поручению Президента РФ разра-

ботан план мероприятий по развитию волонтерского движения. Агентство стратегических инициатив проработало и внедрило стратегическую инициативу «Развитие волонтерства (добровольчества) в регионах». В логике данного проекта государственная поддержка добровольчества, основанная на лучших практиках, повсеместно внедряется в субъектах РФ в соответствии с управленческим стандартом.

Импульсом к процессам централизации, унификации и формализации управле-

ния волонтерством послужили международные спортивные мероприятия, где Россия выступала страной-организатором. Спортивные мероприятия мирового масштаба способствуют формированию внешнего и внутреннего имиджа страны не только за счет развития спортивной и городской инфраструктуры, но и благодаря вовлечению в эти процессы разных групп населения. В 2013 году Россия приняла на своей территории такие крупномасштабные спортивные мероприятия, как Универсиада в Казани и Чемпионат мира по лёгкой атлетике. В 2014 году их сменили Олимпийские и Паралимпийские Игры в Сочи. Летом 2018 года по всей стране прошёл Чемпионат мира по футболу.

Каждая страна, принимающая мировое спортивное событие, привлекает к себе пристальное внимание международной общественности. Речь здесь идёт не только о демонстрации достижений спортсменов, культурного и материального наследия, но и не менее важного аспекта национального достояния – человеческого ресурса страны. Представляют страну в этом случае не только спортсмены и зрители спортивных соревнований, но и волонтеры, активно участвующие в проведении абсолютно всех масштабных мероприятий.

Опыт добровольчества сегодня имеют достаточно большое число россиян. По данным ежегодного мирового рейтинга благотворительности CAF 2017 года, в России около 42 млн. граждан безвозмездно оказывали помощь другим людям (Мировой рейтинг благотворительности, 2017). Такая популярность волонтерства в стране за последние годы достигнута во многом за счет развития и популяризации именно спортивного волонтерства. Относительно новый для современной России вид волонтерской деятельности – помощь в проведении международных спортивных мероприятий – становится популярнее с каждым годом практически во всех странах-организаторах спортивных мега-событий.

Опыт проведения международных спортивных соревнований в различных

странах мира способствует на институциональном уровне накоплению унифицированных технологий работы с волонтерами. Разрабатываются и исследовательские методики, позволяющие анализировать сообщество спортивных волонтеров, выявлять общие для разных стран проблемы, тенденции в развитии самого феномена и управления волонтерами (The State of the World's Volunteerism Report, 2018). Российская традиция государственного управления находит свое отражение в организации процессов проведения мега-событий и подготовки к ним волонтеров в границах отдельных российских регионов. Ответственность за реализацию основных направлений государственной политики возложена не только на федеральный центр, но и на субъекты РФ (Шаповалова, Маликова, 2018).

При общности управленческих подходов, задаваемых международными стандартами организации спортивных соревнований, локальные практики работы с волонтерами в рамках отдельных российских регионов имеют свою специфику, обусловленную ментальными отличиями населения, экономическими особенностями развития территории, социально-экономическим уровнем жизни населения, традициями регионального управления и т.д. Немаловажную роль в этих процессах играет и тот факт, что в крупных городах отдельных регионов с определенной регулярностью проводятся разные международные мероприятия, в том числе и спортивные.

В разных российских регионах могут отличаться инфраструктурные решения при поддержке добровольческой активности населения, приоритетность тех или иных видов волонтерства. Различия могут проявляться в популярности именно спортивного волонтерства среди населения региона, в его включенности в региональную политическую повестку, стратегию и тактику государственного управления. Вариативность проявлений спортивного волонтерства может отражаться и в повседневных практиках городских жителей, в структуре их жизненных планов и возможностей,

сопряженных с разными видами социального взаимодействия и теми ресурсами, которые за ними стоят в конкретных российских регионах и обеспечивают капитал волонтерского сообщества. На текущий момент отсутствуют исследовательские данные, которые позволяют провести сравнительное исследование развития сообщества спортивных волонтеров в разных субъектах РФ. Остро стоит потребность в понимании процессов продвижения управленческой практики по поддержке спортивного волонтерства и ее влияние на развитие населения, а именно той части горожан, которые имеют опыт спортивного волонтерства в разных уголках нашей страны.

Таким образом, цель данной статьи – охарактеризовать социальный капитал спортивных волонтеров одного из крупнейших российских регионов (Свердловской области), в границах которого данному виду добровольчества уделяется особое внимание и ресурсная поддержка в связи с многочисленными международными спортивными мероприятиями.

Методология и методы (Methodology and methods). Для достижения обозначенной цели в статье анализируются результаты массового опроса представителей волонтерского сообщества Свердловской области, которые принимали участие в различных волонтерских проектах и мероприятиях региона и являются членами регионального волонтерского центра «Волонтеры Урала», реализованного в 2017 году.

Выбор объекта исследования обусловлен рядом следующих причин. Во-первых, на территории Свердловской области проводятся не только межрегиональные и всероссийские спортивные мероприятия, но и крупные международные соревнования. По данным Министерства физической культуры и спорта Свердловской области, на территории региона за период с 2015 по 2018 года реализовано не менее 23 мероприятий международного уровня, среди которых Молодёжный чемпионат мира по гандболу (2015 г.), Международный турнир по настольному теннису GAC GROUP 2015

ITTF World Tour Russian Open (2015 г.), Кубок мира среди клубных молодежных команд по хоккею (2015 г.), этапы Кубка мира по прыжкам с трамплина (2016 г.), Международный турнир по хоккею на траве EurAsiaHockeyCup (2017 г.), первый международный студенческий турнир «Student hockey Eurochallenge» (2017 г.), Международные соревнования по лыжному двоеборью (2017 г.), Международный турнир по дзюдо «Большой шлем» (2017-2018 гг.), Чемпионат мира по футболу (2018 г.) (Официальный сайт..., 2018).

Во-вторых, много лет РОО «Волонтеры Урала» была единственным оператором по организации региональных социальных, культурных, образовательных и спортивных мероприятий, в которых участвуют волонтеры. На текущий момент данная организация остается центром управления спортивными волонтерами. Волонтерский центр занимается обслуживанием крупнейших спортивных мероприятий региона, осуществляет тесное взаимодействие с Министерством физической культуры и спорта Свердловской области. «Волонтеры Урала» – единственная некоммерческая организация в РФ, которая одновременно выиграла конкурс и смогла успешно реализовать два проекта «Городские волонтеры» и «Волонтеры Оргкомитета» в рамках подготовки к Чемпионату мира по футболу 2018 г.

Охарактеризуем методические аспекты эмпирического исследования. Отбор единиц выборочной совокупности производился стихийным способом. Всего в реестре организации «Волонтеры Урала» зарегистрировано около 11000 волонтеров. Для выявления характеристики спортивных волонтеров, создающих общественное благо и одновременно наращивающих свой личный капитал, была разработана анкета, которая включала 36 вопросов. Ссылка на онлайн-анкету распространялась по регистрационной базе сообщества, а также была размещена в тематических сообществах социальных сетей «ВКонтакте» и «Facebook» по возможности в пределах региональных

объединений. Всего было собрано 1375 анкет. Среди респондентов 81% – женщины, 19% – мужчины, 19% в возрасте до 18 лет, 76% – от 18 до 30 лет и 5% – старше 30 лет. После проверки качества заполнения данных из оставшихся 1368 анкет случайным образом было отобрано 600 анкет. Опрос позволил сформировать и сравнить между собой две подвыборки: волонтеров с опытом участия в спортивных мероприятиях и респондентов, вовлеченных в другие виды волонтерства. Выборка не репрезентативна, но позволяет дать оценку двум группам – жителям Свердловской области, имеющим опыт спортивного волонтерства и жителям, которые вовлечены в волонтерское движение, но такого опыта не имеют.

В основу методологии эмпирического исследования положены теоретические идеи, раскрывающие понятия «социальное участие» и «социальный капитал» социальных общностей. Целый ряд исследований доказывает, что волонтерство как социальное явление способствует расширению участия граждан в общественной жизни (Smith, Stebbins, Grotz, 2016). Одним из проявлений общественной активности населения является социальное участие граждан. По мнению И. А. Скалабан, социальное участие представляет собой коллективную деятельность людей, горизонтальную активность, осуществляемую ими в рамках повседневной жизни и направленную на удовлетворение общественного интереса (Скалабан, 2011: 137). Практически любой вид волонтерства имеет просоциальный потенциал (Кисиленко, 2018: 64). По нашему мнению, спортивное волонтерство можно рассматривать как социальное участие людей в организации и проведении спортивных мероприятий различного уровня, нацеленных на развитие спорта и конкретной территории.

Социальное участие населения тесно сопряжено с наращиванием социального капитала добровольцев. Оно всё чаще интерпретируется как «неформальный социальный капитал» (Скалабан, 2011: 137). Соци-

альный капитал – это совокупность ресурсов, которые формируются в семейных и общественных отношениях, способствующих развитию индивида и используемых им для достижения каких-либо целей» (Coleman, 1994: 300). В исследованиях волонтерства теория социального капитала часто выступает одним из методологических базисов, позволяющих давать оценку ресурсам волонтеров (Musick, Wilson, 2008; Wilson, 2012; Einolf, 2018).

В эмпирических исследованиях социологи чаще всего обращаются к определению социального капитала, сформулированному Р. Патнэмом. В его теории социальный капитал – это социальные сети, нормы и доверие, которые позволяют участникам действовать сообща более эффективно для достижения общих целей (Putnam, 1995: 66). Р. Патнэм операционализировал данный концепт и разделил социальный капитал на «сплачивающий» (bonding) и «наводящий мосты» (bridging). «Сплачивающий» капитал относится к группе с сильными внутренними связями и особыми отношениями взаимобмена, а «капитал, наводящий мосты» соединяет участников разных групп и расширяет сферу взаимного обмена (Kay, Bradbury, 2009: 5). Проводимые исследования доказывают, что данные виды социального капитала являются необходимыми ресурсами коллективного благополучия – первоначальное «сплочение» создает необходимые условия для развития эмоциональной поддержки, доверия и распространения информации, которые делают возможным «наведение мостов» (Darcy et al., 2014: 397).

Данный методологический подход Р. Патнэма применительно к феномену спортивного волонтерства позволяет рассматривать социальный капитал сообщества спортивных волонтеров с двух позиций: 1) как ресурс волонтерской деятельности и 2) как эффект добровольческой работы. Зарубежные авторы теории добровольчества базировались на трех позициях о том, что волонтерская работа является (а) продуктив-

ной активностью, (b) предполагает коллективные действия и (c) руководствуется этическими принципами и нормами (Wilson, Musick, 1997: 695). Это в свою очередь, определяет ресурсы, необходимые для добровольчества – человеческий капитал, социальный капитал и культурный капитал. Человеческий капитал позволяет осуществлять конкретным индивидам продуктивную деятельность; социальный капитал предполагает социальные сети и связи, необходимые для осуществления коллективных действий; культурный капитал определяет моральные стимулы и ценности. Эмпирические данные показывают, что широкий круг друзей, участие в большом количестве неформальных социальных сетей и вовлеченность в формальные группы увеличивает вероятность добровольчества (Forbes, Zampelli, 2014: 248).

В качестве эффекта добровольчества социальный капитал волонтера рассматривается как расширение социальных контактов и связей, получение общественного одобрения как внутри сообщества, так и во внешнем окружении. По мнению исследователей, работа в некоммерческих организациях в качестве добровольцев способна оказывать влияние на улучшение физического и эмоционального здоровья, содействует наращиванию человеческого капитала, накоплению социального капитала, увеличению чувства социальной связности и гражданского потенциала (Isham, Kolodinsky, Kimberly, 2006: 368). Многочисленные эмпирические исследования показывают, что спортивные волонтеры получают целый спектр позитивных результатов от участия в крупных спортивных мероприятиях, включая расширение своих социальных сетей (наращивание социального капитала), которые обеспечивают более результативную интеграцию в местное сообщество (Hayton, 2016: 39). Исследователи отмечают, что в контексте спортивного волонтерства социальный капитал выражается в личностном и профессиональном развитии добровольца, а также в формировании и закреплении социальных связей

(Kay, Bradbury, 2009). Волонтеры развивают социальный капитал в ходе добровольческой работы посредством установления различного рода взаимоотношений в ходе обучения, в процессе приобретения определенных навыков и повышения мотивации к работе в некоммерческом секторе либо социальной сфере (Peachey et al., 2014: 34).

В реализации данного исследования была сделана попытка описать социальный портрет типичного спортивного волонтера, а также проверить следующие гипотезы:

H1: Опыт спортивного волонтерства укрепляет внутренние социальные связи («bonding») между членами сообщества спортивных волонтеров, выводя взаимодействие последних за пределы добровольческих мероприятий.

H2: Опыт спортивного волонтерства эмоционально закрепляет сложившиеся социальные связи («bonding») между спортивными волонтерами, способствуя сокращению социальной дистанции между членами сообщества.

H3: Спортивное волонтерство формирует внешние социальные связи («bridging») не только для социального взаимодействия, но и личного продвижения за счёт объективных условий спортивного добровольчества и субъективных характеристик волонтеров.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). По результатам анализа базы организации-оператора был составлен портрет типичного спортивного волонтера. Возможность такой оценки обусловлена ориентированностью волонтерского центра «Волонтеры Урала» на подготовку добровольцев именно в спортивном секторе, опытом успешной реализации проектов и теми стандартами работы со спортивными волонтерами, которых придерживается организация после успешных проектов волонтерского сопровождения мероприятий Олимпийских игр в Сочи в 2014 году. Спортивный волонтер Среднего Урала – это ответственный, равнодушный человек

(чаще всего девушка в возрасте от 18 до 20 лет с неоконченным высшим гуманитарным образованием и средним уровнем дохода), оказывающий помощь в организации и проведении спортивных мероприятий (не всегда регулярно, несколько раз в год), получающий моральное удовлетворение от этой деятельности и реальные возможности использовать получаемый опыт в личных и карьерных целях.

Для проверки первой гипотезы нами были сопоставлены ответы респондентов в двух группах на следующий вопрос: «Поддерживаете ли Вы общение с другими волонтерами?» (табл. 1). Мы проанализировали в двух сообществах порядковую переменную «плотность общения в сообществе», характеризующую силу социальных связей внутри сравниваемых групп. Различия между группами статистически значимые (коэффициент Спирмена – 0,225).

Таблица 1

Волонтеры с опытом участия в спортивных проектах и без него о взаимодействии с другими волонтерами (в % от числа опрошенных)

Table 1

Volunteers with experience of participation in sports projects and without it about interaction with other volunteers (% of respondents in groups)

Плотность взаимодействия с другими волонтерами	Опыт спортивного волонтерства	
	Есть	Нет
Не общаемся вообще (отсутствует)	4	13
Общаемся только во время мероприятий и подготовки к ним (минимальная)	36	37
Постоянно поддерживаем контакт, независимо от работы (максимальная)	60	50
Всего:	100	100

Как видно из табл. 1, всего около 4% спортивных волонтеров не общаются с другими добровольцами. При этом значительно чаще, чем добровольцы, не имеющие опыта работы на спортивных мероприятиях, они поддерживают коммуникацию с другими членами волонтерского сообщества не только в ходе непосредственной волонтерской деятельности и волонтерских проектов, но и за их пределами (60% против 50%). Таким образом, можно заключить, что опыт спортивного волонтерства способствует не просто расширению социальных сетей, установлению новых краткосрочных контактов, но и закрепляет эти связи. Спортивное волонтерство в отличие от других видов добровольчества обеспечивает более плотное взаимодействие между теми, кто был вовлечен в спортивные мероприятия, имеет опыт спортивного волонтерства. Можно предположить, что именно этот вид волонтерства ра-

ботает на формирование достаточно устойчивых социальных сетей внутри сообщества. Выявленную тенденцию можно объяснить тем, что во время подготовки к спортивным мероприятиям волонтеры проходят комплексное обучение, представляющее собой строго формализованную технологию. Одним из значимых направлений волонтерского менеджмента в спортивном волонтерстве является целенаправленная работа по командообразованию – высоко технологичная и стандартизированная, реализуемая с привлечением профессиональных тренеров и продвижением «team»-лидеров (Горлова, 2018: 59-70).

Для проверки второй гипотезы были проанализированы ответы респондентов двух сравниваемых групп на вопрос: «Кем для Вас являются люди, с которыми Вы чаще всего работали в волонтерских проектах?». Мы оценили порядковую перемен-

ную «качество социальных связей в сообществе», отражающую оценку характера взаимодействия и социальную дистанцию внутри сравниваемых групп. Различия

между группами статистически значимые (коэффициент Спирмена – 0,211). Распределение ответов респондентов сравниваемых групп представлено в табл. 2.

Таблица 2

Субъективная оценка спортивными волонтерами и добровольцами, не имеющими опыта участия в спортивных волонтерских проектах, взаимоотношений с другими волонтерами (в % от числа опрошенных)

Table 2

Subjective evaluation by sports volunteers and volunteers who have no experience in sports volunteer projects of relationships with other volunteers (% of respondents in groups)

Идентификация волонтерами других добровольцев-коллег (оценка социальной дистанции в сообществе)	Опыт спортивного волонтерства	
	Есть	Нет
Друзья	33	25
Коллеги и единомышленники	43	36
Просто знакомые	17	25
Случайные люди	7	14
Всего:	100	100

Каждый третий респондент с опытом спортивного волонтерства считает друзьями тех людей, с которыми он так или иначе взаимодействовал в рамках волонтерского проекта. При этом только 7% опрошенных назвали других волонтеров случайными знакомыми. Четверть волонтеров (25%), не принимавших участие в спортивных проектах, считают людей, с которыми они работали в волонтерских мероприятиях просто знакомыми, а 14% респондентов данной группы отметили, что это просто случайные для них люди. Эмпирические данные доказывают, что опыт спортивного волонтерства наряду с расширением социальных сетей и содержательным обогащением взаимодействия внутри сообщества добровольцев способствует сокращению социальной дистанции между ними. Характер или качество взаимодействия между спортивными волонтерами проявляется в идентификации других добровольцев как близких людей (друзей, единомышленников), а не случайных знакомых.

В проверке третьей гипотезы в качестве объективного условия, которое способствует формированию внешних социальных связей волонтерского сообщества («bridging»), была рассмотрена взаимосвязь

опыта спортивного волонтерства респондентов двух сравниваемых групп и их опыта взаимодействия с государственными и муниципальными служащими. Именно чиновники являются наиболее заинтересованными стейкхолдерами крупных спортивных мероприятий, оказывающих сильное влияние на формирование имиджа конкретной территории. Масштабность спортивных событий и соответствующих волонтерских программ, а также обязательства по их проведению, обуславливают особое внимание чиновников к спортивному волонтерству. Данная особенность может рассматриваться в качестве одной из специфических характеристик анализируемого направления добровольчества. Для членов волонтерского сообщества, такая характеристика может рассматриваться как потенциальная возможность доступа к высоко ресурсной социальной группе, принимающей управленческие решения и способной оказать содействие в профессиональном либо карьерном продвижении спортивных волонтеров при других обстоятельствах.

В исследовании были проанализированы ответы респондентов на вопрос: «Была ли у Вас возможность в процессе

участия в волонтерских мероприятиях, проектах и акциях взаимодействовать с представителями власти (государственными и муниципальными служащими)?». Полученные в ходе опроса данные позволили заключить, что в тех или иных формах опыт взаимодействия с чиновниками имел каждый второй доброволец (50%), участвовавший в спортивных мероприятиях. Среди волонтеров, не вовлеченных в спортивное волонтерство, таких респондентов оказалось менее 5%.

Респондентам был задан еще один вопрос: «Каким образом Вы контактировали с представителями власти?». Наиболее распространенной практикой взаимодействия с чиновниками, по мнению добровольцев, являлось формальное участие представителей власти в торжественных мероприятиях, в рамках которых они вручали награды, грамоты, публично выступали на открытии или закрытии мероприятий или проектов. Такой опыт формального взаимодействия с чиновниками имели 45% респондентов в каждой из сравниваемых групп. Статистически значимые отличия в ответах респондентов двух сравниваемых групп были выявлены в их оценках более тесного опыта непосредственного взаимодействия с чиновниками. Выполняли личные поручения чиновников, решая конкретные задачи и получали за это благодарности 25% спортивных волонтеров. Во второй сравниваемой группе такой опыт имели лишь 18% волонтеров. Об опыте прямого общения с чиновниками заявил практически каждый пятый (20%) респондент из числа спортивных волонтеров. Среди волонтеров, не вовлеченных в спортивные мероприятия, таких респондентов оказалось только 7%.

Исследовательские данные доказывают, что спортивное волонтерство объективно сопряжено с обстоятельствами, способствующими установлению внешних связей, «мостиков» для формирования не только продвижения самого сообщества спортивных волонтеров, но и построения личной карьеры любого из его членов.

Для подтверждения влияния субъективных характеристик спортивных волонтеров на формирование внешних социальных связей («bridging») была реализована оценка коммуникативной компетенции опрошенных двух сравниваемых групп в части их знания иностранных языков.

В анкете респонденты должны были отметить те иностранные языки, на которых они могут свободно общаться. В целом среди спортивных волонтеров два и более иностранных языка знают 4% волонтеров. Респонденты второй группы владеют только одним иностранным языком. Среди респондентов с опытом спортивного волонтерства английский язык знает 92% респондентов, французский язык знают 26%, немецкий – 24% волонтеров. Во второй сравниваемой группе таких респондентов существенно меньше. Английским языком владеют только 44% респондентов, немецким – 4%, французский язык знают только 2% волонтеров. Способность и возможность межкультурной коммуникации безусловно отличает спортивных волонтеров. Разница в коммуникативных компетенциях последних и волонтеров без опыта участия в спортивных мероприятиях может быть обусловлена не столько характером и спецификой спортивного волонтерства как особого вида деятельности, безусловно требующим определенных знаний, умений и навыков, сколько стандартом отбора кандидатов в спортивные волонтеры, изначально предполагающим наличие языковых компетенций.

Заключение (Conclusions). Развитие спортивного волонтерства в современной России предполагает не только политическую волю, определенные управленческие решения, связанные с выделением средств, разработкой документов, созданием инфраструктуры для организации и реализации волонтерского сопровождения спортивных мероприятий международного и национального уровней, но и идентификацию данного направления в общественном сознании, его популярность, востребованность и привлекательность для населения.

Данные характеристики институционального поля развития спортивного волонтерства сопряжены с интенсивным ростом волонтерского движения по всей стране. Они связаны с социальными инициативами и действиями конкретных людей как членов определенного сообщества, имеющего свои специфические отличия, обладающего определенными ресурсами для развития сообщества в целом и отдельных его членов в частности. В этом смысле социальный капитал спортивных волонтеров позволяет идентифицировать позитивные характеристики данного направления волонтерства, обозначить ракурс продвижения управленческой практики по его поддержке со стороны институтов публичной власти, выявить особенности сообщества, важные для популяризации спортивного волонтерства среди населения. В статье сделана попытка доказать, что социальный капитал спортивного волонтерства это не только определенный ресурс добровольческой деятельности в целом, но и определенный эффект от нее для региона, его населения и конкретного волонтера, имеющего опыт спортивного волонтерства.

В статье обобщаются и анализируются характеристики социального капитала спортивных волонтеров Среднего Урала – региона, где создаются максимальные условия для развития этого направления добровольчества.

Анализируемые данные регионального исследования доказывают, что опыт спортивного волонтерства укрепляет внутренние социальные связи («bonding») между членами сообщества спортивных волонтеров за счет качества и плотности их группового взаимодействия как в рамках добровольческих проектов, так и за их пределами. Опыт спортивного волонтерства эмоционально закрепляет сложившиеся социальные связи внутри сообщества. В институциональном плане спортивное волонтерство сопряжено с объективными условиями, которые могут способствовать карьерному продвижению людей, имеющих опыт спортивного волонтерства. С позиции

своих общностных характеристик спортивное волонтерство требует определенных коммуникативных компетенций от волонтеров, но в тоже время может стимулировать людей развивать подобные знания, умения и навыки при повышении привлекательности данного направления в обществе.

Рассматриваемая в статье проблематика перспективна для дальнейших исследований в двух направлениях. Определенный научный и практический интерес представляют сложившиеся и развивающиеся в последние годы управленческие практики непосредственной работы со спортивными волонтерами, становление волонтерского менеджмента в данном сегменте с учетом национальной и региональной специфики. Второе направление исследований связано с накоплением социологических данных о сообществе спортивных волонтеров как в его кросс-культурном измерении, так и в оценке динамики и отличий волонтерской деятельности по данному направлению в разрезе российских регионов.

Список литературы

Горлова Н. И. Мир спортивного волонтерства. М.: ГБУ города Москвы «Мосволонтер», 2018. 108 с.

Кисиленко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 1. С. 63-71.

Мировой рейтинг благотворительности, 2017 г. / Официальный сайт Charities Aid Foundation. URL: http://www.cafrussia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_1 (дата обращения: 10.04.2018).

Официальный сайт Министерства физической культуры и спорта Свердловской области. URL: http://minsport.midural.ru/index.php/fiz_calendar/index (дата обращения: 12.08.2018).

Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1. С. 130-139.

Шаповалова И. С., Маликова Е. В. Реализация государственной молодежной политики в

России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6. С. 22-26.

Coleman J. S. *Foundations of social theory*. Cambridge, MA: Belknap Press, 1994. 1014 p.

Darcy S. et al. More than a sport and volunteer organisation: Investigating social capital development in a sporting organization // *Sport Management Review*. 2014. Vol. 17. Pp. 395-406.

Einolf C. Evidence-based volunteer management: a review of the literature // *Voluntary Sector Review*. 2018. Vol. 9. Pp. 153-176.

Forbes K. F., Zampelli E. M. Volunteerism: The Influences of Social, Religious, and Human Capital // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2014. Vol. 43 (2). Pp. 227-253.

Hayton J. Sports Volunteering on University-Led Outreach Projects: A Space for Developing Social Capital? // *Journal of Sport and Social Issues*. 2016. Vol. 40 (1). Pp. 38-61.

Isham J., Kolodinsky J., Kimberly G. The Effects of Volunteering for Nonprofit Organizations on Social Capital Formation: Evidence from a Statewide Survey // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2006. Vol. 35 (3). Pp. 367-383.

Kay T., Bradbury S. Youth sport volunteering: developing social capital? // *Sport, Education and Society*. 2009. Vol. 14 (1). Pp. 121-140.

Musick M., Wilson, J. *Volunteers: A social profile*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2008. 663 p.

Peachey J. W. et al. Cunningham. Examining Social Capital Development Among Volunteers of a Multinational Sport-for-Development Event // *Journal of Sport Management*. 2015. Vol. 29. Pp. 27-41.

Putnam R. D. Bowling alone: America's declining social capital // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. Pp. 65-78.

Smith D. H., Stebbins R. A., Grotz Ju. *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2016. 1460 p.

State of the World's Volunteerism Report. The thread that binds Volunteerism and community resilience. 2018. URL: <https://www.unv.org/sites/default/files/2018%20The%20thread%20that%20binds%20final.pdf> (дата обращения: 10.08.2018).

Wilson J. Volunteerism Research: A Review Essay // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2012. Vol. 41. Pp. 176-212.

Wilson J., Musick M. Who cares? Toward an integrated theory of volunteer work // *American*

Sociological Review. 1997. Vol. 62 (5). Pp. 694-713.

References

Gorlova, N. I. (2018), *Mir sportivnogo volonterstva* [The world of sports volunteering], GBU goroda Moskvy «Mosvolontyor», Moscow, Russia. (In Russian).

Kisilenko, A. V. (2018), "Volunteering: the potential of self-organization of the Russian youth", *Research Result. Sociology and Management*, 4 (1), 63-71. (In Russian).

World Giving Index. (2017), [Online], available at: http://www.cafRussia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_1 (Accessed 10 April 2018). (In Russian).

The official website of the Ministry of Physical Culture and Sports of the Sverdlovsk region, [Online], available at: http://min-sport.midural.ru/index.php/fiz_calendar/index (Accessed 12 August 2018). (In Russian).

Skalaban, I. A. (2011), "Social, Public and Civil Participation: the Problem of Conceptual Understanding and Misunderstanding", *Tomsk State University Journal*, (1), 130-139. (In Russian).

Shapovalova, I. S. and Malikova, E. V. (2018), "Implementation of the state youth policy in Russia: a regional aspect", *Theory and Practice of Social Development*, (6), 22-26. (In Russian).

Coleman, J. S. (1994), *Foundations of social theory*, Belknap Press, Cambridge, MA.

Darcy, S., Maxwell, H., Edwards, M., Onyx, J. and Sherker, S. (2014), "More than a sport and volunteer organisation: Investigating social capital development in a sporting organization", *Sport Management Review*, 17, 395-406.

Einolf, C. (2018), "Evidence-based volunteer management: a review of the literature", *Voluntary Sector Review*, 9, 153-176.

Forbes, K. F. and Zampelli, E. M. (2014), "Volunteerism: The Influences of Social, Religious, and Human Capital", *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 43 (2), 227-253.

Hayton, J. (2016), "Sports Volunteering on University-Led Outreach Projects: A Space for Developing Social Capital?", *Journal of Sport and Social Issues*, 40 (1), 38-61.

Isham, J., Kolodinsky, J. and Kimberly, G. (2006), "The Effects of Volunteering for Nonprofit Organizations on Social Capital Formation: Evidence from a Statewide Survey", *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 35 (3), 367-383.

Kay, T. and Bradbury, S. (2009), "Youth sport volunteering: developing social capital?", *Sport, Education and Society*, 14 (1), 121-140.

Musick, M. and Wilson, J. (2008), *Volunteers: A social profile*, Indiana University Press, Bloomington, IN.

Peachey, J. W., Bruening, J., Lyras, A., Cohen, A. and George, B. (2015), "Cunningham. Examining Social Capital Development Among Volunteers of a Multinational Sport-for-Development Event", *Journal of Sport Management*, 29, 27-41.

Putnam, R. D. (1995), "Bowling alone: America's declining social capital", *Journal of Democracy*, 6, 65-78.

Smith, D. H. and Stebbins, R. A. and Grotz, Ju. (2016), *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*, Palgrave Macmillan, Houndmills, UK.

State of the World's Volunteerism Report. (2018), "The thread that binds Volunteerism and community resilience", available at: <https://www.unv.org/sites/default/files/2018%20The%20thread%20that%20binds%20final.pdf> (Accessed 10 August 2018).

Wilson, J. (2012), "Volunteerism Research: A Review Essay", *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 41, 176-212.

Wilson, J. and Musick, M. (1997), "Who cares? Toward an integrated theory of volunteer

work", *American Sociological Review*, 62 (5), 694-713.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Телепаева Дарья Федоровна, аспирант ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Кузьминчук Анна Александровна, кандидат социологических наук, доцент ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Darya F. Telepaeva, PhD Student, Ural Federal University.

Maria V. Pevnaya, Doctor of Sociology, Head of Department, Ural Federal University.

Anna A. Kuzminchuk, Doctor of Sociology, Assistant Professor, Ural Federal University.